

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2020

Том 20
Выпуск 2

Оксана Коваль,
Екатерина Крюкова
Хайдеггер как литературный
персонаж. Часть II

Наталья Скоробогатская,
Вячеслав Скоробогатский
Советское: историко-культурный
контекст феномена

Дмитрий Давыдов
Неоконченная дискуссия:
к вопросу о принципах выделения
общественных формаций

Кирилл Филимонов,
Андрей Топычканов
«Идеи университета»:
за пределами этатизма,
менеджериализма и «башни
из слоновой кости» (к вопросу
о медиативных функциях
университета)

Алексей Кошель
Основания и процедура
досрочного прекращения
полномочий депутатов

Mieczyslaw Sprengel
Anti-corruption in Poland:
legal and economic aspects

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 20

Выпуск 2

Екатеринбург – 2020

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЪЯНОВ**, врио директора Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 20

Issue 2

Yekaterinburg 2020

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** – Ural Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index in the United catalog "Press of Russia". Vol. 1. "Newspapers and Journals" 43669.

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.
(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)
Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620137.
Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru
Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Коваль О.А., Крюкова Е.Б.

Хайдеггер как литературный персонаж. Часть II7

Скоробогатская Н.А., Скоробогатский В.В. Советское:

историко-культурный контекст феномена33

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Давыдов Д.А. Неоконченная дискуссия:

к вопросу о принципах выделения общественных формаций75

Филимонов К.Г., Топычканов А.В. «Идеи университета»: за пределами
этатизма, менеджериализма и «башни из слоновой кости»

(к вопросу о медиативных функциях университета) 104

ПРАВО

Кошель А.С. Основания и процедура

досрочного прекращения полномочий депутатов 127

Sprengel M. Anti-corruption in Poland: legal and economic aspects..... 156

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- O. Koval, E. Kriukova.** Heidegger as a fictional character. Part II.....7
- N. Skorobogatskaya, V. Skorobogatsky.** The soviet:
historical, cultural and philosophical contexts of the phenomenon33

POLITICAL SCIENCE

- D. Davydov.** Unfinished discussion: an attempt to reconsider principles
of allocating socioeconomic formations.....75
- K. Filimonov, A. Topychkanov.** The idea of a university:
beyond étatism, managerialism, and “ivory tower”
(on intermediary functions of a university).....104

LAW

- A. Koshel.** Legal bases and procedure for early termination
of members of parliament127
- M. Sprengel.** Anti-corruption in Poland: legal and economic aspects.....156

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Коваль О.А., Крюкова Е.Б. Хайдеггер как литературный персонаж. Ч. II. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10201 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 7–32.

УДК 101.9

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10201

ХАЙДЕГГЕР КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ. ЧАСТЬ II¹

Оксана Анатольевна Коваль

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ox.koval@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4718-6669

ResearcherID: Q-6650-2018

ScopusID: 57201359595

SPIN-код: 6561-2067

Екатерина Борисовна Крюкова

кандидат философских наук, старший научный сотрудник филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kriukova.jr@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6585-4611

ResearcherID: AAI-1483-2020

ScopusID: 57210125630

SPIN-код: 9287-6060

*Статья поступила 26.08.2019, принята к печати 01.10.2019,
доступна online 06.07.2020*

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-311-00268 «Поэтика философского мышления: культурная парадигма модерна и современные тенденции» и представляет собой продолжение статьи, опубликованной в журнале «Антиномии» № 1 за 2020 г. В статье предусмотрена сквозная нумерация пунктов. Начало п. VIII см. в Части I.

В широком плане исследование представляет собой попытку показать, как литература отражает и интерпретирует философские концепты, используя богатый арсенал присущих ей художественных средств. Личность и идеи Мартина Хайдеггера, одного из наиболее влиятельных мыслителей XX в., нередко становились предметом литературного рассмотрения. В фокус внимания данной публикации попадает второй период жизни философа – с 1933 г., когда он занял пост ректора Фрайбургского университета, и вплоть до самой смерти. Привлекаемые здесь произведения поэтов и писателей – Э. Елинек, Э. Яндля, А. Клюге, Б. Кенжеева, Г. Грасса, П. Целана, Т. Бернхарда, У. Абиша – создают образ мыслителя, который приобретает многомерность благодаря этой полифонии. Перипетии жизни и творчества превратившегося в легенду Хайдеггера высвечиваются под лупой писательской рефлексии, для которой граница между явью и вымыслом остается условной. Это позволяет понять характер и мотивы философа лучше, чем любые документальные свидетельства или даже речь от первого лица. Язык изящной словесности – насмешливый, язвительный, гротескный – создает необходимый противовес философскому дискурсу, который, по законам жанра, тяготеет к смертельной серьезности, невольно лишаясь критического отношения к самому себе. Такое соединение художественного воображения и метафизического умозрения оказывается продуктивным и для философии, испытывающей в поэтическом измерении свою этическую состоятельность, и для литературы, открывающейся как пространство экзистенциального вопрошания. Подобная версия интеллектуальной рецепции достойна внимания прежде всего потому, что не только обнажает противоречия хайдеггеровского мышления, но и предлагает в ответ собственные нетривиальные ходы и аргументы.

Ключевые слова: Хайдеггер, литературный персонаж, художественная литература, философия, нарратив, интертекст.

У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.

Осип Манделштам

Изящная словесность задала этическое измерение трудам и личности Хайдеггера, еще когда о существовании «Черных тетрадей» не было ни малейших подозрений. Одним из самых бескомпромиссных критиков философа слывет австрийская писательница Эльфрида Елинек. Название ее пьесы «*Totenauberg*», «Гора мертвецов» (1991), – жестокий каламбур; он образован от имени холмистой местности, которую немецкий мыслитель наделил ореолом святости, и в то же время недвусмысленно отсылает к фотографиям, на которых запечатлены массовые жертвы концлагерей. Персонажи этого необычного произведения – не только карикатурные Хайдеггер и Арендт, но и второстепенные действующие лица – выведены в крайне неприглядном свете и произносят речи, изобилующие хайдеггеровскими идеями, которые, однако, чаще всего гипертрофированы и искажены. Занимающие позднего Хайдеггера темы: природа, здоровье, родина, техника – переплетаются между собой и, соединяясь с проблемами современности (экология, туризм, генная инженерия), образуют странные гибриды. Общий тон всех произносимых монологов – откровенно экстремистский. Имитирующий же Хайдеггера герой выглядит еще более гротескно оттого, что, отгораживаясь от преступлений национал-

социализма проповедью природной благодати, невольно использует патристические штампы: «Достаточно попросить самих себя, и мы тут же найдем себе оправдание. Это так просто. Вокруг хижины свирепствует буря¹. Снег. Разве есть что-то проще? Что-то, что можно было бы легче забыть? <...> Великое возникает только из родины, и как раз из-за того, что она принадлежит нам и никому другому. <...> У нас также есть место и для собственного существования, оно настолько огромно, что затмевает солнце – дом. Поскольку он у нас есть, нам никогда не нужно задумываться о том, что произошло. Этого не было! Мы здесь, мы селимся здесь и забываем все остальное. Мы невинны, когда подходим к хижине, очищенные автомойкой Природы... Сладостное Ничто! <...> Природа снимает вину, а май все обновляет. Этого не было! В лесу красиво, можно почувствовать любовь ко всему живому. Но то, что произошло, мы лучше забудем!» (Елинек 2009: 154–157).

Обличительный пафос Елинек направлен здесь прежде всего на якобы присущую абстрактным построениям «невинность»². Но более показательным в плане развенчания подобной «невинности мышления» становится другой текст писательницы – пьеса «Облака. Дом.» (1990), в которую органично включены прямые цитаты из ректорского выступления Хайдеггера «Самоутверждение немецкого университета» (1933), главной мишени критики до издания «Черных тетрадей». В экспериментальном сочинении Елинек нет ни действующих лиц, ни сюжетных построений, ни диалога или обмена репликами в привычном драматургическом смысле. Голос, который звучит в пьесе, принадлежит *немецкому народу*, чей устрашающий образ создается путем искусной компиляции различных выдержек из авторитетнейших источников: Гегеля, Фихте, Клейста, Хайдеггера; скрепляющей же эту полифонию основой выступает поэзия Гельдерлина. Все используемые фразы, несмотря на то что принадлежат они людям незаурядным, отличает массовая истерия, нагнетаемая вокруг понятий родины и нации. Здесь нет места высказываниям от первого лица – «мы», за которым стоит коллективное сознание, внушает иллюзорную веру в собственную непобедимость, связывает круговой порукой и избавляет от какой бы то ни было ответственности. Даже лирический герой стихотворений Гельдерлина после незамысловатой подмены «я» на «мы» превращается в рупор националистических настроений. Выражение «*wir sind zuhaus*», «мы у себя дома», сквозной лейтмотив пьесы, повторяется настолько часто, что производит эффект заезженной пластинки: «В холодную пору года, когда завывает буря, над головами у нас Свет проходит, мы – у себя. Где еще жизни осталось жить? Быть у себя хорошо» (Елинек 2010: 184). «В родной земле хотим мы укорениться,

¹ Ср. у Хайдеггера: «Когда во мраке зимней ночи вокруг хижины бушует снежная буря с ее свирепыми порывами ветра, когда все окрест застывает снежная пелена, все скрывая от глаз, вот тогда наступает время торжествовать философии» (Хайдеггер 1993f: 218–219).

² См. об этом подробнее: (Janz 1995). Кроме того, пьеса «Гора мертвецов» является одним из тех художественных произведений, высмеивающих Хайдеггера, которые освещает в своей подборке Дитер Томэ: (Thomä 2003: 512).

хотя мы и так живем на ней!¹ Родина – мать наших мыслей и грез. В высших школах Германии много работают, но там мало делается для будущего. Все это лишь подсобная работа. Но мы уже зреем для деяния. Кафедральная мудрость нас не спасет. *Этот народ работает над собственной судьбой, поскольку свою историю и свой духовный мир ему приходится отвоевывать для себя вновь и вновь*². Мы бы охотно стали напоминанием для других, но мы остаемся нами. У себя дома» (Елинек 2010: 211).

Монтаж хайдеггеровских высказываний и гелдерлиновских строк позволяет Елинек наглядно показать перерождение романтических принципов в шовинистические стереотипы. Причем сам язык, редуцированный к функциям идеологической пропаганды, экспроприируется в качестве национального достояния и ставится на службу имперским интересам. Известное изречение Хайдеггера о языке как доме человеческого бытия приобретает в этом контексте монохромную окраску: принципиально свободная речь оборачивается неким частным владением, где чужакам нет места: «Мы здесь. Это дом наш, языком нашим полный, язык же ищет опору в нас, как и Природа, качающая нас в колыбели. Жизнь и язык, все прочее не имеет смысла» (Елинек 2010: 186).

Хотя «Бытие и время» в первые же годы после публикации снискало популярность во многом благодаря той страстности, с которой подлинному существованию индивида противопоставлялось усредненное прозябание *das Man*, симпатии самого Хайдеггера оказались вовсе не на стороне личностной автономии. Если для Ницше начало нигилистической тенденции воплощал собой Сократ, то для Хайдеггера такой фигурой стал Декарт с его принципом мыслящего Я. Возрастающее значение субъективности, выражающееся в триумфальном завоевании природы человеком Нового времени, по мысли Хайдеггера, не способствует развитию жизненного проекта, а, напротив, отчуждает *Dasein* от собственной бытийной основы: «Только когда человек уже стал в своем существе субъектом, возникает возможность скатиться к уродству субъективизма в смысле индивидуализма. Но и опять же только там, где человек остается субъектом, имеет смысл усиленная борьба против индивидуализма и за общество как желанный предел всех усилий и всяческой полезности» (Хайдеггер 1993b: 51).

На приоритет коллективного перед индивидуальным накладывается и расхожее представление об исключительной миссии немецкого народа, подкрепляемое у Хайдеггера идеей «судьбы бытия», которая одна только и определяет культурно-антропологическое развитие Европы. Даже в 1943 г., когда уже обозначился перелом в войне, философ не сомневается в политической верности выбранного им пути: «Планета охвачена огнем. Существо человека исказилось. Только от немцев – если, конечно, они найдут и сохраняют “немецкое” – может прийти всемирно-историческое сознание» (Хайдеггер 2011: 157), полагает Хайдеггер, а всех колеблющихся

¹ Ср. у Хайдеггера: «Мы желаем самих себя. Ибо молодая, самая юная сила народа, что, порываясь вперед, уже опережает нас, – та уже решила» (Хайдеггер 1993e: 231).

² Курсив наш. – О. К., Е. К.; здесь и далее во всех цитатах из пьесы «Облака. Дом.» Елинек отмечает заимствования из ректорской речи Хайдеггера.

он уличает в глупости, предрекая Германии после тягот и военных потерь абсолютную победу, по крайней мере – онтологическую: «Чем бы ни стала внешняя судьба Запада, как бы она ни сложилась, самое большое и настоящее испытание для немцев еще впереди – то испытание, в котором против их воли, невежды, быть может, начнут дознаваться, пришли ли они, немцы, к согласию с истиной бытия (*das Seyn*), достаточно ли они, помимо готовности к смерти, сильны для того, чтобы вопреки скудоумию современного мира спасти изначальное в его неприметной красоте» (Хайдеггер 2011: 227).

В такой ретроспективе ректорскую речь Хайдеггера трудно отнести на счет кратковременного политического ослепления. Когда Елинек вскрывает – путем смешения различных цитат в единый монолитный дискурс – шаблонность ура-патриотических сентенций философов и поэтов прошлого, она разоблачает давнюю немецкую традицию, передаваемую из поколения в поколение именно в силу распространяемых *das Man* предрассудков. Примечательно, что фразы Хайдеггера – в отличие, например, от фрагментов из Клейста и Гельдерлина или из Фихте и Гегеля, которые писательнице порой приходится несколько переиначивать, – ни в какой ретуши не нуждаются: они сами по себе выглядят пародийно, словно специально созданы для того, чтобы подчеркнуть голословность пропагандистской риторики: *«Воля к существованию немецкого университета есть воля к науке как воля к осуществлению исторической духовной миссии немецкого народа как народа, осознающего себя в своем государстве. Наука и немецкая судьба должны прежде всего стать глубинной волей к власти. И они станут ею тогда и только тогда, когда, с одной стороны, мы подчиним науку ее настоящей, внутренне ей присущей необходимости, а с другой – когда сами в годину крайнего бедствия докажем, что достойны немецкой судьбы. И пусть Платона благородный сад уж не цветет на берегу реки старинной, пусть бедняки распахивают прах героев и птица ночи на развалинах скорбит. Священный лес, мы дома – у тебя»* (Елинек 2010: 201-202).

В пресловутых трех обязанностях – тех, что, согласно Хайдеггеру, должны быть вменены студентам, дабы они не растрачивали бесцельно юные годы, предаваясь вседозволенности академических свобод, – Елинек не без основания усматривает репрессивные инструменты власти, которую философ по умолчанию оставляет за собой, ведь только харизматичная личность способна в одиночку пролагать пути в неведомое: *«Три рода привязанности – через народ к судьбе государства в его духовной миссии – искони присущи немецкому человеку. Три вытекающие отсюда обязанности – трудовая повинность, воинская повинность и повинность научного познания – одинаково необходимы и равноценны. Ибо желаем мы не излишеств, а того, что нужно для жизни: только такое всегда окажется к месту, всегда будет радовать нас»* (Елинек 2010: 205); *«Самое главное для руководителя – не просто идти впереди, но обладать достаточной силой, чтобы идти одному. Не из упрямства или стремления к власти, но потому, что ты глубже осознаешь свое предназначение и имеешь больше обязанностей. Такая сила привязывает к существенному, способствует выбору наилучшего и пробуждает способность к подлинному повиновению у тех, кто уже проникся новым духом. Чтобы присоединиться*

к нам. И земля воспрянет вместе с нами, под нами. Мы еще спим в ней, но вскоре мы воспрянем» (Елинек 2010: 212).

Пьеса Елинек «Облака. Дом.» произвела в совсем недавно воссоединенной Германии настоящий скандал, поскольку в переломный момент, когда патриотическая демагогия снова была весьма востребована, бросала тень как на официальную политику, так и на общественное мнение. Писательницу обвиняли в покушении на самое святое – «духовные скрепы». Но наряду с текстами классической культуры, привлекая которые Елинек изобличает правоконсервативный характер немецкой идентичности, здесь можно обнаружить документальные свидетельства и противоположных политических взглядов, а именно отрывки из тюремных писем членов Фракции Красной Армии, террористической организации леворадикалов. Изображая голос народа как общий хор, гармонично сочетающий крайние позиции, Елинек тем самым ставит знак равенства между непримиримыми партиями, которые в своем ослеплении одинаково деструктивны.

IX. В том же ключе может быть прочитано и, пожалуй, наиболее известное четверостишие соотечественника Елинек Эрнста Яндля, главного вдохновителя современной немецкой поэзии, хотя на первый взгляд оно кажется всего лишь забавным словесным экспериментом:

иные порагают
рево и плаво
нерзья пелепутать
ледкое забруждение!¹

Оригинальное название этого стиха, написанного Яндлем в 1966 г., – *lichtung*. Немецкое слово *Richtung* означает «направление», и хотя русский перевод – «наплавление» – полностью соответствует заданным автором правилам игры, в нем невозможно разглядеть еще один предполагаемый подтекст. Понятие *Lichtung*, «просвет», которое встречается уже в «Бытии и времени», в поздней философии Хайдеггера становится едва ли не ключевым термином. Оно подразумевает особое место (основное словарное значение *Lichtung* – «прогалина», «лесная поляна») или состояние, в котором мыслителю приоткрывает себя бытие и вершится истина, понимаемая Хайдеггером как событие.

После «поворота», который приходится где-то на середину 30-х гг., стихотворения и тематика хайдеггеровского философствования претерпевают заметные изменения². Позднее творчество все более тяготеет к сближению с поэзией; правда, приобретаемая за ее счет лирическая прозрачность выражения оборачивается расплывчатостью и двусмысленностью содержания. В своих эстетических упражнениях Хайдеггер возносится в надмирные сферы, которые обживаются им как пространство возможной реализации политических проектов³. С такой высоты существующие антагонистические

¹ (Яндль 2009: 397).

² Любопытную трактовку неудачи ректорства Хайдеггера как внешней, нефилософской причины последующего «поворота» его мышления см.: (Никифоров 2001).

³ См. об этом: (Лаку-Лабарт 1999).

модели общественного устройства представляются одинаковыми: «Если “коммунизм” является метафизическим настроем народов в последний период на исходе Нового времени, то это означает, что еще на заре его он должен был, пускай и скрыто, сделать всю ставку на власть. Политическое это происходит в новоевропейской истории английского государства. Оно... есть *то же самое*, что и государство объединенных советских республик, с той лишь разницей, что там гигантская перестановка – под видом нравственности и воспитания народов – делает всяческое проявление насилия бесхитростным и само собой разумеющимся, тогда как здесь новоевропейское “сознание” более безудержно, хотя и не без апелляции к благодетельствованию народов, разоблачает себя в плане собственной властной натуры. Буржуазно-христианская форма английского “большевизма” остается самой опасной. Без ее уничтожения Новое время будет сохраняться и дальше» (Heidegger 1998: 208-209)¹.

В дневнике «Вклад в философию. О событии», который Хайдеггер вел в период с 1936 по 1939 г. и которому поверял сокровенные мысли о подлинном социальном реформаторстве², встречаются и более изощренные интеллектуальные ходы, с легкостью унифицирующие разнопорядковые исторические феномены: «...окончательная форма марксизма... по сути не имеет ничего общего ни с еврейством, ни тем более с русскостью; если и дремлет еще где-то не проявившаяся духовность, то в русском народе; большевизм изначально является западной, европейской возможностью: выдвижение масс, индустрия, техника, отмирание христианства; но поскольку господство разума как уравнивание всех выступает лишь следствием христианства, которое в принципе имеет иудейское происхождение (ср. мысль Ницше о восстании рабов в морали), то на самом деле большевизм оказывается еврейским; но тогда и христианство в своей основе является большевистским!» (Heidegger 1989: 54).

Получается, перепутать право и лево, действительно, проще простого. Драматические последствия подобной путаницы еще более ощутимы, когда она, уходя от уровня философских абстракций, начинает затрагивать конкретные факты. В письме своему бывшему ученику Герберту Маркузе от 20 января 1948 г. Хайдеггер, отвечая на предъявленные ему моральные обвинения, выдвигает встречный иск: «К тяжким, справедливым упрекам, которые Вы высказываете “о режиме, погубившем миллионы евреев, сделавшем террор нормой и извратившем в свою противоположность всё, что было по-настоящему связано с понятием духа, свободы и истины”, могу добавить только, что вместо “евреев” может стоять “восточные немцы”, и тогда то же самое будет относиться к одному из союзников, с тем отличием, что все происходящее с 1945 года известно мировой общественности, в то время как кровавый террор нацистов фактически утаивался от немецкого

¹ Здесь и далее выдержки из иностранных источников приводятся в переводе авторов статьи. – *Ред.*

² Некомплиментарная (по сравнению с версиями Отто Пёггелера или Фридриха-Вильгельма фон Херрманна) оценка этих философских заметок Хайдеггера содержится в следующих работах: (Уэйт 1991; Сафрански 2002: 410-422).

народа» (Heidegger 2000: 431). Здесь само собой напрашивается другое четверостишие Яндля, конечно, как и в первом случае, не нацеленное на то, чтобы узвзвить лично Хайдеггера:

так старая антисемитка тщится
в поганую жидовку превратиться
чтобы сказать: взгляните на меня
нацисты были нам почти родня!¹

Х. Когда в послевоенные годы комиссия по денацификации привлекла Хайдеггера за сотрудничество с прежними властями, он ссылаясь в свое оправдание на неоднократно заступничество за еврейских коллег и студентов. Нравственная коллизия подобных благородных поступков мыслителя легла в основу одного из эпизодов масштабного литературного полотна Александра Ключе «Хроника чувств» (2000). Известный немецкий режиссер, параллельно с кинематографическими шедеврами создававший художественные, а порой и научные тексты, смонтировал в монументальную книгу различные наброски реальных и придуманных событий. Посвященный философу рассказ из нее называется «Хайдеггер в Крыму» и представляет собой причудливую фантазмагорию, действие которой разворачивается в декабре 1941 г. на оккупированном немецкими войсками полуострове. В составе группы ученых, командированных вермахтом в Крым на поиски следов древней цивилизации остготов, в Симферополь прибывает и Хайдеггер как видный специалист по античной культуре. Все, что попадает на глаза философу, становится предметом его неутомимой рефлексии. Он даже составляет «Словарь командной лексики», где под рубрикой «Технические средства» фиксирует, например, идею симбиоза природы и техники: «Если нереалистично забыть о смерти, чьи часы, БИЕНИЕ СЕРДЦА, можно ощущать каждое мгновение, то презрение к смерти – неправильное выражение для смелости. Смелость – это способность различать то, что я делаю в согласии с самим собой, и то, что я ни в коем случае не могу привести в согласие с самим собой. Поэтому совершенно недостаточно накрыть, так сказать, кусок чужой земли войсками, техникой и транспортом²; нет, эта земля должна быть “обращена”, то есть проникнута моей СПОСОБНОСТЬЮ РАЗЛИЧЕНИЯ, “перепахана”» (Ключе 2004: 196).

Верный своим привычкам совершать долгие прогулки, Хайдеггер, невзирая на реальную угрозу погибнуть от рук партизан, пересекает пешком гористую местность, чтобы «увидеть море и выкрикнуть, когда оно откоро-

¹ (Jandl 1992: 17).

² Ср. у Хайдеггера: «...новоевропейская “механическая экономика”, сплошной машинообразный расчет всякого действия и планирования в своей безусловной форме требует нового человечества, выходящего за пределы прежнего человека. Недостаточно обладать танками, самолетами и аппаратурой связи; недостаточно и располагать людьми, способными такие вещи обслуживать; недостаточно даже просто овладеть техникой, словно она есть нечто в себе безразличное, потустороннее пользе и вреду, строительству и разрушению, применимое кем угодно для любых целей» (Хайдеггер 1993с: 130).

ется ему по дороге, его греческое название» (Клюге 2004: 203). Вопреки суровости военного времени герой ощущает небывалый душевный подъем и прилив сил: смесь ужаса и восхищения предвещает близкое наступление того самого *kairos*, что знаменует встречу с бытием. И судьба действительно посылает ему вознаграждение. Во-первых, ему удастся найти неизвестную табличку Гераклита, правда, не в ходе раскопок: все сокровища оказываются уже собранными и располагаются либо в местных музеях, либо в управлениях колхозов. Второй дар – неожиданное происшествие. Незнакомая еврейская женщина, зная о скорой гибели, вкладывает ладошку своей дочери в руку Хайдеггера, присутствующего в качестве стороннего наблюдателя при в высшей степени рационально организованной расправе над местным населением: «Я позволил застать себя врасплох, одурачить себя, сказал Хайдеггер позднее военному советнику юстиции... “Ничто не происходит без причины”. Я воспринимал отданное мне в руки как то, что мне доверено. <...> Для меня (в неприятном, бездейтельном положении свидетеля, ожидающего обеда как содержательного наполнения бытия, в этом мучительном стоянии) было удачей неожиданное столкновение с живым существом, которое я держал за руку; в то же время мне было бы мучительно передать ребенка часовым или отвести его обратно в очередь. Под влиянием отсроченного импульса (после почти часового бездействия, кажется, неуместно говорить об импульсе, однако бывает такое непосредственное метание душевного порыва, которое оказывается неожиданным для нас самих и делает нечто, не спрашивая наше Я или какую-либо властную инстанцию, пока мы только еще начинаем замечать случившееся, ЭТО СВАЛИВАЕТСЯ НА НАС) я спросил спешившего мимо Олендорфа¹, могу ли оставить ребенка у себя. Откуда у вас эта девочка? Я рассказал. Вернике выдал мне ребенка, то есть подтвердил, что он может оставаться у меня. Это время быстрых решений из-за обширности страны. “Держать изначально значит беречь”» (Клюге 2004: 202).

С этого момента философ берет на себя заботу о девочке, видя в ней «потомка Ифигении» и нарекая ее Фригой в честь дочери Геркулеса. Однако очень скоро Хайдеггер сталкивается с беспощадным бюрократическим аппаратом Третьего рейха, который ставит его перед проблемой экзистенциального выбора: «Как вы собираетесь достать свидетельство расовой чистоты? Вы должны, дорогой Хайдеггер, быть способны произнести: Если она и еврейка, я останусь на ее стороне всем своим существом (то есть не только своей жизнью, но и своим положением). Готовы ли вы это сказать? У вас в голове нечто личное, вы следуете личному чувству. А это в условиях ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ невозможно» (Клюге 2004: 205).

¹Группенфюрер СС Отто Олендорф (1907–1951) – реальное историческое лицо; с ноября 1941 г. возглавлял особый отдел, который под видом обеспечения безопасности проводил спецоперации по уничтожению евреев, коммунистов и цыган на территории Крымского полуострова; был осужден на Нюрнбергском процессе как военный преступник. В новелле Клюге Хайдеггер ведет с ним долгие беседы, в которых философские размышления переплетаются с обсуждениями вопросов, близких Олендорфу и связанных с оптимизацией процесса устраиваемых им экзекуций.

В дружеском разговоре, пытаясь вразумить Хайдеггера, Олендорф пускает в ход даже ницшевский аргумент: «При каждом шаге следует спрашивать себя: готов ли я рисковать ради этого жизнью? Хочу ли я, чтобы эта сцена, в центре которой я нахожусь в действии, повторялась до бесконечности? Буду ли я ее и тогда желать?» (Клюге 2004: 205). Альтернатива довольно жесткая, но философ не хочет сдаваться. Он испробует все возможные средства и в конечном счете находит выход, решая учредить на полуострове «центр нового мышления» (намек на «лагерь науки», который Хайдеггер в бытность свою ректором стремился организовать в лесах Шварцвальда). Казалось бы, он впервые отваживается на существование в модусе подлинности; другое дело, что при этом им движут отнюдь не гуманные чувства: «Во время долгого пешего марша к побережью я уверился, что порываю с прежней жизнью, не возвращаюсь на родину, а буду сопровождать движение войск по земному шару. В этом походе я могу оставить при себе свою “живую добычу”. Я знаю, обратив взгляд внутрь себя, что я неподвластен жалости. Я хочу не защищать, я хочу обладать этим живым существом» (Клюге 2004: 203).

Хайдеггеровская мысль о бездомности человека в современном мире приобретает в кривом зеркале повествования карикатурные очертания. Германия с ее государственной машиной, для которой закон как формальный принцип превыше всего, видится герою рассказа страной мира, далекой от пограничной ситуации войны, в которой только и высвечивается условность любых человеческих установлений. Персонажа Хайдеггера, наскочившего на невидимую стену при переходе из военного состояния в мирное, осеняет откровение об онтологической заброшенности человека. Отсюда и желание остаться в Крыму, который в его воображении предстает местом зазора между бытием и небытием, или «местом невозможного», где возможно всё. Однако намерениям Хайдеггера не суждено было сбыться: девочку тайно увезли, а его самого силой принудили сесть в самолет, уносящий научный десант обратно на родину: «Воля философа, похоже, никого не волнует. Мог ли бы ученый обеспечить невозможное? Мог ли бы он вмешаться? <...> Философ чувствует себя лишенным своего достоинства. В его руках ничего, кроме маленького чемоданчика. Если бы у него был хотя бы рюкзак. Фриги нет, фрагмент (табличка Гераклита. – О. К., Е. К.) спрятан в бараке. При себе у него только и есть что мысли, на которые нет практического спроса. В 1942 году он начинает курс лекций о Гераклите» (Клюге 2004: 209-210).

Сарказм Клюге обнаруживает себя в том, что его герой, находясь в средоточии экстраординарных событий, вместо того чтобы стать оплотом разумности, сам оказывается максимально оторванным от действительности. Мышление Хайдеггера, покушаясь на преграды, устанавливаемые рациональностью, заводит его в мир иллюзий, отчего и его политико-онтологические проекты в художественном преломлении Клюге выглядят малосостоятельными.

XI. Однако в реальной жизни растерянность Хайдеггера после войны длилась недолго. Уже в конце 40-х гг. он выступает с серией докладов пе-

ред весьма уважаемым обществом крупных коммерсантов и судовладельцев. В числе самых известных из этих речей – «Вещь» и «Постав». Последняя позднее легла в основу знаменитой статьи «Вопрос о технике» (1954), где проблема технизации мира получила новое освещение (прозвучавшую в устной версии фразу, в которой механизация сельского хозяйства приравнивалась к конвейеру смерти в концлагерях и производству водородных бомб, автор исключил из печатного текста). «Постав» впервые был прочитан в так называемом Бременском клубе сразу вслед за «Вещью»; выступления сопровождались настолько громким успехом, что Баварская академия изящных искусств, несмотря на запятнанную репутацию философа, пригласила Хайдеггера в Мюнхен, чтобы повторить их там перед более взыскательной аудиторией. Русский читатель начал свое знакомство с творчеством Хайдеггера только в 1986 г. (все прежде переведившиеся тексты предназначались для малотиражных изданий, оседавших исключительно в спецхранах), и одной из первых работ, появившихся на страницах Историко-философского ежегодника, тоже стала «Вещь». Интерес к запрещенному в Советском Союзе мыслителю вызвал на волне перестройки публикационный бум. Если на Западе к тому времени уже вполне сложилась традиция истолкования хайдеггеровских сочинений, то у нас освоение его духовного наследия только-только зарождалось¹.

Статьи, посвященные Хайдеггеру, служили своего рода введением в его философию: порой они воспринимались не в качестве комментария к переводу, а наравне с оригиналом. Иной раз, развивая какую-нибудь тему, исследователь привлекал интуиции Хайдеггера, невольно перенимая его стиль. Очерк Владимира Николаевича Топорова «Апология Плюшкина: вещь в антропологической перспективе» (1986) в этом отношении показателен. С одной стороны, автор, поднимая вопрос о среднем, посредническом статусе вещи, соединяющей человека с Богом, не может обойти своим вниманием хайдеггеровский доклад, с другой – немецкий первоисточник получает здесь не просто обобщающее описание, но развернутую интерпретацию, для чего задействуются и прочие произведения философа, как переведенные, так и неперевоенные. Осмысление текста Топорова и приобщение через него к позднему Хайдеггеру составляют рамочную конструкцию стихотворения «Вещи» (1997) русского поэта Бахыта Кенжеева. Лирическое настроение, которое не способна заглушить присутствующая в стихах явная самоирония, создается за счет меланхолического созерцания нелепых безделушек (столь же ничтожных, как и добро Плюшкина), которые тем не менее дороги герою, поскольку хранят отпечатки памяти. Это и склеенные глиняные фигурки драконов, и советский портсигар, и утратившие в новых реалиях свою ценность двухкопеечные монеты, и неуклюже сочетающая христианскую веру и

¹ Сегодня в русском переводе доступно весьма значительное число хайдеггеровских трудов, включая два первых тома «Черных тетрадей». Ситуация с освоением наследия Хайдеггера в нашей стране серьезно изменилась, однако по-прежнему силен неопитский дух. Об опасности некритического отношения к идеям мыслителя см.: (Инишев 2018).

технический прогресс иконка-голограмма, и чугунный бюстик Ленина, и изваяние Пушкина с отбитыми носками сапог. Весь этот хлам – своего рода резонатор памяти, и именно в таком качестве он обретает у поэта метафизическое измерение.

Недавно я прочел у Топорова,
что главное предназначение вещей –
веществовать¹, читай, существовать
не только для утилитарной пользы,
но быть в таком же отношенье к человеку,
как люди – к Богу². Развивая мысль
Хайдеггера, он пишет дальше,
Что как Господь, хозяин бытия,
Своих овец порою окликает,
Так человек, – философ, бедный смертник,
Хозяин мира – окликает вещи.
Веществуйте, сокровища мои...³

Сложившаяся сама собой трехчастная структура (Хайдеггер – Топоров – Кенжеев) оказывается достаточно продуктивной в плане эпистемологического приращения смыслов. Так, отсутствующий у Хайдеггера мотив памяти, для которой вещь в своей израненности временем выступает материальным носителем, лишь намечается у Топорова в виде отсылки к голевскому типуажу, тогда как в стихотворении Кенжеева принимает вполне законченную форму. Субстанция памяти в принципе имеет свойство ускользать от аналитического схватывания. Ей больше присуще разворачиваться в модусе сиюминутного ритуального либо интимного переживания. И в этом плане поэзия предстает мемориальной техникой, своеобразной практикой незабывания.

XII. Иногда лирика и память не просто отражают друг друга, а сливаются до полной неразличимости, и лучшим образчиком такого единства является творчество Пауля Целана – поэта, вдохновленного и восхищенного философией Хайдеггера. Исторический эпизод их первой встречи, после которой осталось стихотворение «Тодтнауберг» (1967), оброс легендами. Породив бессчетное количество версий прочтения этого целановского шедевра, повлекших за собой череду горячих споров в среде и литературоведов, и философов, он не мог не найти отклика в художественной

¹ Ср. у Хайдеггера: «Из веществования вещи сбывается и впервые определяется присутствие такого присутствующего... Вещь веществует. Веществуя, она дает пребывать земле и небу, божествам и смертным; давая им пребывать, вещь приводит этих четверых к их далям взаимной близости» (Хайдеггер 1993а: 323).

² Ср. у Топорова: «Осознав, что вещь не исчерпывается видимой человеком сутью и что она может быть увидена в сверх-человеческой перспективе, где она ответственно предстает как своего рода сверх-вещь, в свете Божьего взгляда раскрывающая иную свою глубину, человек должен довериться вещи, т. е., если угодно, открыть ей свою сущность в надежде, что она введет его в свои глубины, хотя бы мыслимые» (Топоров 1995: 15).

³ (Кенжеев 2004: 101).

прозе¹. Пожалуй, наиболее целостным выглядит то воссоздание событий, которое было предложено Гюнтером Грассом в его эпохальной книге «Мое столетие» (1999). Каждая из ста глав в ней, посвященная одному году XX в., – яркая зарисовка, в которой от имени вымышленных или реальных персонажей, знаменитых или рядовых, запечатлевается через обсуждение злободневных проблем Германии протекание самого времени. Встреча Хайдеггера с Целаном, на которой предьявляется счет прошлому, становится у Грасса символическим предзнаменованием будущего – 1968 года, года студенческой революции, отмеченного жаждой обновления. Повествование ведется от лица стареющего преподавателя немецкой словесности, который по прошествии тридцати лет пытается отыскать мотивы своих поступков: сперва он бежит из охваченного молодежным бунтом Берлина в тихий Фрайбург, «в поисках близости к великому шаману» (Грасс 2009: 217), а затем, отринув спокойствие академической жизни, отдалившей рассказчика от назойливости происходящего «на онтологическую дистанцию», – снова возвращается в вихрь мятежных событий, во Франкфурт.

Чтобы дать максимально полную картину того, как случилось личное знакомство Хайдеггера с Целаном, Грасс делает своего героя «свидетелем той сложной конфронтации», а собственно, отводит ему роль ассистента при профессоре германистики Герхарте Баумане, организаторе поэтического вечера во Фрайбургском университете. Реальным прототипом персонажа Грасса выступил Герхард Нойман – единственный человек, который действительно сопровождал Целана при посещении Тодтнауберга. По всей вероятности, в своем изложении этой истории писатель целиком полагается на воспоминания Баумана, изобилующие подробностями организации чтений Целана, деталями поездки, а также выдержками из доверительных бесед с обоими главными участниками (Baumann 1986). Итак, общая мизансцена 24 июля 1967 г., которую рассказчик воскрешает в памяти: «...поэт, выздоровев после длительной болезни, прибыл в Фрейбург и, преодолев начальные колебания, прежде чем усладить нас торжественным чтением своих стихов, все же согласился встретиться с философом, чье сомнительное прошлое внушало ему недоверие. Но видеть себя на общей фотографии с Хайдеггером Пауль Целан не пожелал. Потом, правда, он согласился и на это, но для фотографического изображения памятной встречи уже не осталось времени» (Грасс 2009: 220).

Накануне визита герой обходит книжные магазины Фрайбурга с просьбой выставить книги Целана. «По желанию философа все тома стихов поэта должны были занять в витрине достойное место. И глянь-ка: от раннего сборника “Мак и память” до “Решетки языка” все выглядело недосыгаемо и в то же время доступно; даже дополнительные тиражи и те благодаря моим усилиям можно было наблюдать без помех.

Вот почему именно я оказался тем, кому дозволено было на утренней заре следующего дня, когда предполагалось прибытие поэта в Шварцвальд,

¹ Подробный анализ стихотворения и предшествовавших ему обстоятельств встречи, а также основные стратегии интерпретации «Тодтнауберга» приводятся в статье: (Коваль, Крюкова 2020).

где его поджидала хижина философа, все тщательно подготовить. Но Целана снова оттолкнуло поведение философа в мрачные годы; по слухам, цитируя себя самого, он обозвал его “Мастером из Германии”¹, и тем, пусть даже косвенно, завел речь о смерти. Так что нельзя было предугадать, примет ли он это приглашение. Поэт долго колебался, изображая неприступность.

А мы выехали ранним утром, хотя над нами свинцово нависало серое небо. После посещения хижины и того достопамятного разговора – или молчания, при котором никто – даже я и то нет – не должен был присутствовать, – состоялась встреча в Санкт-Блазиен, где нас приютило одно кафе. Казалось, все в полном порядке. А поэту явно пришлось теперь по душе мыслитель. Вскоре оба очутились на дорожке к Хорбахской трясине, от восточного края которой все мы брели по гати, выложенной из круглых бревен. Но, поскольку погода оставалась такой же неприятной, а обувь поэта была слишком городской или, как он заметил, “недостаточно сельской”, прогулка вскоре была прервана, после чего мы в каком-то заброшенном уголке некоего трактира не без приятности вкусили наш обед. Нет, нет, никаких злободневных разговоров; скажем, беспорядки в Берлине и недавно преданная гласности смерть одного студента не стали нашей темой, напротив, речь шла о растениях, причем выяснилось, что поэт знает столько же, если не больше названий, чем мыслитель. Вдобавок Пауль Целан умел назвать ту либо иную травку не только на латыни, но и по-румынски, венгерски и даже на идиш» (Грасс 2009: 220-221).

...недо-
торённые, лесом
поваленным тропы в топях,

сыро,
сиро².

Описывают ли заключительные строки «Тодтнауберга» размытую дорожку и проложенные в ней мостки или фиксируют разочарование Целана – вопрос открытый. Даже грассовский рассказчик, которому посчастливилось находиться в самом эпицентре этого происшествия, может лишь выдвигать гипотезы о содержании судьбоносного разговора, состоявшегося с глазу на глаз. И для него стихотворение Целана обладает большей реальностью, нежели какие бы то ни было доподлинные свидетельства. Оттого и он склонен искать главное в поэтическом отражении, а не в отображаемой фактичности. Восстановив перед слушателями своего семинара исторические обстоятельства, герой тем не менее предлагает воспринимать в качестве первоисточника именно стихи: «Так, к примеру, арника, эрудитами называемая также очанка, допускает разнообразные толкования. И весьма символичен колодец перед хижинкой с многозначительной звездочкой на нем.

¹ Отсылка к «Фуге смерти» (1948) Целана, ставшей поэтическим манифестом от лица жертв Холокоста, где «мастер из Германии» – олицетворение смерти.

² (Целан 2008: 237).

К тому же на центральном месте, так сказать, как сердцевина, находится та, упомянутая в стихотворении книга для гостей, куда поэт внес свое имя с робким вопросом “чи имена приютила она до меня?”, выразив при этом надежду на “грядущее слово мыслителя в сердце его”, причем еще раз следует упомянуть, что слова, заключенные в скобки, а именно “незамедлительный приход”, впоследствии стертые поэтом, служили доказательством настойчивости его желания, которому, как нам известно, не суждено было сбыться. Но о чем еще мог идти – или не мог зайти – разговор в хижине, нам неизвестно, остается лишь строить предположения, но угадать нельзя, и тем самым, рана остается открытой...

Примерно в таком духе я обращался к своим студентам, не выдавая им... как часто в мыслях своих я рисовал себе этот предполагаемый разговор в хижине, ибо между бесприютным поэтом и “Мастером из Германии”, между евреем с невидимой глазу желтой звездой и бывшим ректором Фрейбургского университета с круглым и точно так же стертым партийным значком, между поименователем и умалчивателем, между выжившим, неустанно объявляющим о своей смерти, и провозвестником Бытия и Бога грядущего Несказанное должно бы отыскать необходимые слова, но так и не нашло ни единого.

И это молчание продолжало молчать» (Грасс 2009: 222-223).

В своем амплу летописца Грассу удалось сохранить верный тон, не впадая в откровенно издевательскую несдержанность насчет Хайдеггера, зачастую приписываемую его симпатиям Франкфуртской школе и не раз прорывающуюся в других произведениях¹. (Даже символом года собственного рождения Грасс, несмотря на давнюю неприязнь к маститому философу, выбирает выход «Бытия и времени», правда, характеристику дает нелестную: «...книга, которая появилась на книжном рынке, благородно украшенная словами, после чего каждый сопливый фельетонист из развлекательного отдела начал хайдеггерничать на свой лад» (Грасс 2009: 88-89).) Целан, покоренный мыслью Хайдеггера, но знающий о его прошлом, разрывается между желанием сблизиться и, одновременно, стремлением отдалиться. Эта амбивалентность его отношения иллюстрируется специалистами чаще всего на примере «Тодтнауберга». Однако есть еще один поэтический текст, проливающий свет на душевное состояние Целана. Речь идет о стихотворении «Ларго», сочиненном поэтом 9 февраля 1968 г.,

¹ Чего стоит только сцена из романа «Собачьи годы» (1963), где протагонист, пытаясь застать Хайдеггера в его фрайбургском доме, всякий раз обнаруживает записку: «Вязаная шапочка ушла на лыжах в горы», а поднимаясь в тодтнаубергскую хижину – другую: «Шапочка спустилась в долину почитать Платона», и так семь раз: «И снова с горних высей надежды провал в жутчайшие бездны бесприютного самоналичия, поскольку внизу, в долине, на квадратном листке возле садовой калитки до боли знакомый почерк доверительно нашептывает: “Вязаная шапочка, как и все истинно великое, противостоит бурям”, а сверху, освеженный метелью, Матерн читает: “Вязаная шапочка призвана внизу расчищать пути-дороги”» (Грасс Г. 2008: 483). Этот роман упоминается у Томэ, а последствия изображения Хайдеггера в таком уничижительном виде приводит Сафрански, см: (Thomä 2003: 511; Сафрански 2002: 551-552).

спустя полгода после описанной встречи. Само его название настраивает читателя на торжественно-печальный лад, в котором выдержаны все строки вплоть до последней:

Равнодушно ты пересекаешь пустошь, Наэ:

большие-
чем-
смерть лежим
мы рядом, без-
временник колышется
у тебя под веками

пара черных дроздов висит
около нас, под
нашими, тянущимися вверх
белыми

мета-
стазами¹.

Обращение к реке Наэ и чувство сродства с ней – лишь верхний, внешний слой рисуемого Целаном inferнального пейзажа. То, что адресатом речи поэта является Хайдеггер, становится очевидным почти сразу². Первая строка в оригинале звучит так: *Gleichsinnige du, heidegängerisch Nahe*. Название реки отсылает к одному из наиболее употребительных хайдеггеровских терминов – *Nähe*, «близость» (игрой близости и дали философ демонстрирует постоянное соседство бытия, которое при всем том не распознается рассудком). Неологизм *heidegängerisch*, в котором можно слышать имя мыслителя, образован из двух слов: *Heide* переводится как «пустошь» или «степь», если оно снабжено артиклем женского рода, либо же – в случае мужского рода – как «язычник» (нередкая характеристика Хайдеггера ввиду его увлеченности Древней Грецией); существительное *Gänger* – эквивалент русского «пешеход», «странник». Эпитет *gleichsinnig* означает как «равнодушный», так и «единодушный»: этим определением лирический герой подчеркивает двойственность своего переживания. В целом фраза складывается примерно в следующее обращение к спутнику: «По умонастроению такой же, шагаешь ты в хайдеггерово-непосредственной близости».

Изобретая слово *über-sterbens-groß*, которое можно передать выражением «настолько огромный, что превышает саму смерть» (или «за чертой смертности»), Целан даже его разбивкой намекает на хайдеггеровское *Sein-zum-Tode*, но стремится еще более усилить момент запредельности того

¹ (Celan 2000: 356).

² Теоретики литературы делают самые разные предположения, гадая, кто может скрываться за целановским «ты». Мнения, что здесь имеется в виду именно Хайдеггер, придерживается и видный польский литературовед Ядвига Кита-Хубер: (Kita 2002: 333-336).

опыта, который преодолевает и бытие-к-смерти. Без-временник, *die Zeitlose*, – типичное для целановской поэзии заимствование из лексикона ботаники – при апелляции к Хайдеггеру приобретает дополнительный смысл: пространство, в котором поэт заговаривает с философом, находится за пределами времени, а следовательно и за пределами бытия. Последняя вокабула стихотворения – *Meta-stasen* – придает смерти динамичный характер расширения (или, если перефразировать Хайдеггера, характер «заступания в жизнь») и тем самым окружает весь текст аурой ее незримого, но настоящего присутствия. «Ларго», прочитываемое в качестве посвящения Хайдеггеру¹, можно расценивать как своеобразный упрек философу, который, будучи окликнут для разговора (первоначально вместо *gleichsinnige* Целан написал *anredsam gebliebene*, «оставшийся тем, к кому обратились, с кем заговорили»), в свою очередь, замкнулся в молчании, не выступив публично против идеологии фашизма, на что надеялся поэт. Пустынный ландшафт, изображаемый в стихотворении, символизирует потусторонность беспмятной мысли, которая в своем бытии-за сама стала за-быванием бытия.

XIII. Приготовлением собственной смерти, вернее бессмертия, Хайдеггер озаботился заранее. Еще за год до встречи с Целаном он дал интервью журналу «Шпигель» – правда, при условии, что оно будет обнародовано лишь после его кончины. Хотя философ замыслил беседу с журналистами как духовное завещание, она не оправдывает возлагавшихся на нее ожиданий. Интервью вызывает разочарование во многом потому, что не содержит – как полагалось бы последнему слову – ни внятных разъяснений касательно причастности к национал-социализму, ни признания своих политических заблуждений, ни осуждения случившегося в период власти Гитлера. История ректорства предстала в интерпретации Хайдеггера аполгией самоотверженности философа: факты из личной биографии подавались в этой публикации как сопротивление режиму, но не как соучастие в нем. Не последнюю роль в затушевывании столь «горячей» для прессы темы сыграли и интервьюеры, чье прошлое в этом отношении тоже было небезупречным. Для разговора с мыслителем в тодтнаубергскую хижину прибыли главный редактор «Шпигеля» Рудольф Аугштайн, некогда служивший лейтенантом вермахта, и Георг Вольф, его правая рука, возглавлявший в журнале отдел гуманитарных наук, а во время войны носивший звание хауптштурмфюрера СС².

Пожалуй, наиболее запоминающейся деталью репортажа стали фотографии, сделанные Дигной Меллер-Маркович. Самому Хайдеггеру они понравились настолько, что через два года он еще раз пригласил молодую

¹ Итальянское слово *largo*, когда оно выступает в предложении существительным, имеет смысл простора, открытого пространства, что соответствует у позднего Хайдеггера субстантивированному глаголу *Räumen*, который вместе с *Zeitigen* (временение) образует координаты бытийного хронотопа. Ср., например: «Простор есть высвобождение мест, вмещающих явление бога, мест, покинутых богами, мест, в которых божество долго медлит с появлением» (Хайдеггер 1993d: 314).

² См. на эту тему увлекательную книгу Лутца Хахмайстера, которая, по авторскому определению, является «биографией одного интервью»: (Nachmeister 2014).

женщину приехать в Шварцвальд для фотосъемки. Ему хотелось оставить для потомков именно такой образ себя. Благочестивый мудрец не от мира сего, каким он предстает на фотографиях, кажется, не способен вызвать ничего, кроме умиления. Однако под язвительным взглядом Томаса Бернхарда, великого обличителя немецкой и австрийской официальной культуры, философ на этих нарочито фальшивых снимках теряет какую бы то ни было привлекательность. Когда герой его романа «Старые мастера» (1985), написанного в жанре монолога, почти не прерываемого ни событиями, ни репликами других персонажей, раздражается неудержимой бранью в адрес Хайдеггера, создается ощущение, что столь гипертрофированное критиканство – намеренный писательский прием, призванный эпатировать публику. Это впечатление подкрепляет и изобилие выпадов Бернхарда против внешнего вида мыслителя; он вновь и вновь обращается к странной одежде, которую тот предпочитал носить: «У меня сохранилась фотография, которая выглядит сегодня разоблачительным документом: Хайдеггер в своих поношенных бриджах снят на фоне псевдокрестьянского рубленого дома в Тодтнауберге, на голове у этого философствующего обывателя красуется шварцвальдский колпак, прикрывающий собой хайдеггеровское немецкое скудоумие, сказал Регер» (Bernhard 1985: 89)¹.

Однако гнев писателя вовсе не наигран: он искренне возмущен той иконой, которую Хайдеггер сознательно творит, тщательно редактируя свой образ для будущих поколений. О том, что Бернхард ознакомился с интервью в «Шпигеле», говорит следующий пассаж из филиппики, вложенной в уста Регера, протагониста романа: «Хайдеггеровское философское капище находилось в Тодтнауберге, там он и принимал ритуальные почести, будучи чем-то вроде священной коровы. Даже один из самых известных и грозных северогерманских издателей запечатлен здесь коленопреклоненным и с широко открытым ртом, будто в ожидании святого причастия от Хайдеггера, восседающего при свете заходящего солнца на своей скамеечке. Все эти люди, совершая паломничество в Тодтнауберг к Хайдеггеру, становились посмешищем. Они прибывали в шварцвальдское философское святилище, восходили на хайдеггеровскую вершину и падали ниц перед своим кумиром» (Bernhard 1985: 94-95).

Но в распоряжении Бернхарда явно не только иллюстрации из «Шпигеля». Хотя они очень запоминающиеся, для журнальной публикации их много не требовалось. Гораздо более впечатляющая серия, на которой Хайдеггер в своей деревенской повседневности предстает в самых выгодных ракурсах, возникла именно во второй приезд Меллер-Маркович. Их-то и рассматривает писатель: «...на этих снимках Хайдеггер ложится в кровать или встает с кровати, спит или просыпается, надевает кальсоны и носки, пьет ягодный сок, выходит из своего рубленого дома, оглядывает горизонт, вырезает себе палку, напяливает свою шапочку, снова ее снимает, держит ее в руках, сидит, расставив ноги, поднимает голову, опускает голову, бе-

¹ Здесь и ниже текст Бернхарда дается в переводе Б. Хлебникова, см.: (Бернхард 1995).

рет своей правой рукой левую руку жены или жена берет своей левой рукой правую руку мужа; он вышагивает перед домом, уходит за дом, приближается к дому, удаляется от дома, читает, ест, хлебная ложкой суп, отрезает лодку (самодельного) хлеба, открывает (собственную) книгу, закрывает (собственную) книгу, нагибается, потягивается и так далее, сказал Регер. Тошно становится» (Bernhard 1985: 93-94).

Такое враждебное отношение австрийского автора к Хайдеггеру распространяется в равной степени и на его внешний облик, и на моральную ущербность, и на его интеллектуальное наследие: «...мне было в нем отвратительно абсолютно все, а не только ночной колпак, шерстяные подштанники домашней вязки или собственноручно протопленная печь в Тодтнауберге и собственноручно вырезанная палка для прогулок по шварцвальдским окрестностям; под стать подобным самоделкам была и его доморощенная философия; все в этой трагикомической фигуре было мне отвратительно и отталкивало меня, стоило мне лишь подумать о ней; мне достаточно было прочесть единственную хайдеггеровскую фразу, чтобы почувствовать отвращение, сказал Регер; я всегда считал Хайдеггера шарлатаном, который живет за чужой счет, нежась себе под солнышком на своей скамеечке перед домом в Тодтнауберге» (Bernhard 1985: 92).

XIV. Если судить по Бернхарду, то хитроумный план Хайдеггера провалился. Вероятно, многие современники питали недоверие к показной праведности прославленного ученого, которая так возмутила писателя. Реакция другого автора, американца Уолтера Абиша, может быть, не такая резкая, как у Бернхарда, но не менее насмешливая. В своем романе «Сколь это по-немецки» (1980) Абиш выводит Хайдеггера в образе Эрнста Брумхольда, «величайшего со времен Гегеля» мыслителя: «...старый Брумхольд все еще преподавал философию после вынужденного периода праздности, результата слишком многих опрометчивых речей, произнесенных в 30-е и в начале 40-х, речей, касавшихся ответственности граждан перед Новым Порядком. Бедный Брумхольд. Стоило ему отвлечься от абстрактных теорий и довести свою мысль до переполненных студентами лекционных залов, как идеи, которые он стремился выразить, пришлось подкрепить утверждениями вроде: Мы полностью порвали с лишенным почвы и бессильным мышлением. Но со временем пошлость тех выступлений Брумхольда оказалась забыта. Его студенты были от него без ума, лекционные залы всегда переполнены. Иногда в похожей на пещеру, пронизываемой сквозняками аудитории набиралось до четырех сотен слушателей, внимавших учению Брумхольда о смысле вещи. Он знал, как приковать их внимание. В глубине души он был превосходным артистом» (Абиш 2000: 176).

В самом повествовании прототип Хайдеггера фигурирует, правда, лишь косвенно, по большей части становясь предметом обсуждения в разговорах персонажей. Географическим пунктом для многопланового сюжета выбран провинциальный городок, который еще при жизни философа был переименован в его честь и стал называться Брумхольдштейном. Немаловажной деталью является и то обстоятельство, что возведен он на месте бывшего концлагеря. Главные герои романа – два брата Харгенау, писатель

и архитектор, – выстраивают весьма различающиеся жизненные маршруты в быстроменяющихся реалиях новой Германии. Литератор Ульрих, мечущийся в поисках собственной идентичности, в мыслях все время возвращается к двум печальным примерам из прошлого семьи: к судьбе отца, участвовавшего в так называемом заговоре генералов и казненного за покушение на Гитлера, и к опыту своей бывшей жены, находящейся в розыске за организацию нескольких терактов, направленных на подрыв нынешнего режима страны. Его брат Хельмут – успешный архитектор, идущий в ногу со временем: он берет от жизни все, ничуть не терзаясь угрызениями совести. Их противостояние выражается среди прочего и в том, как они относятся к Брумхольду. Читая спустя неделю после смерти философа интервью, в котором безошибочно угадывается материал, напечатанный в «Шпигеле», Ульрих ловит себя на том, что испытывает смешанные чувства: «Как всегда настороже, Брумхольд, парируя вопросы о возрождении фашизма и о нигилистической тактике репрессий в разворачивающейся в современном городе партизанской войне, повторял, что он не вправе судить о подобных предметах. Я живу, твердил он, в бревенчатой хижине, которую много лет тому назад построил в лесу. Лес, по крайней мере по соседству, ничуть не изменился. Я живу просто. У меня нет ни радио, ни телевизора. У меня осталось мало времени, и я стараюсь тратить его, размышляя о действительно важном» (Абиш 2000: 346).

С одной стороны, Ульриха восхищает отрешенность и уединенность жизни философа, с другой – он понимает, что такая оторванность столь значительной личности, к мнению которой прислушиваются многие, оказывается на поверку удобной позицией уклониста. Хельмут, напротив, произнося речь на торжественной церемонии памяти Брумхольда, в своей самоуверенности не замечает, что, впадая в патетический тон, подражает ходу рассуждений Хайдеггера и невольно разоблачает их демагогичность, эзотеричность, национализм: «...будучи немцами, мы находимся ближе к пониманию Брумхольда, скорее способны уловить, что же он понимает под *Dasein*, ибо очная ставка великого философа с понятием *Dasein*, или “Бытие”, принимала наиболее осязаемые, наиболее близкие к пониманию формы, когда он, Брумхольд, мысленно или в действительности, странствовал по дремучему лесу, своему излюбленному лесу, лесу – я должен подчеркнуть, – который был и остается нам духовно близким. <...> ...это немецкий лес как таковой, населенный нашим духом, нашими идеалами, нашим культурным прошлым, нашей поэзией, нашей истиной. <...> Разумно предположить, что разобраться в велеречивых писаниях Брумхольда, величайшего немецкого философа нашей эпохи, может лишь тот, кто с раннего детства говорит по-немецки. Следует также указать, что, хотя Брумхольд явно имел в виду некое вполне универсальное *бытие*, из его метафизических поисков, из его размышлений, из его напряженной разработки немецкого языка возникают очертания *бытия*, которые невозможно отделить от чисто немецкой страсти к точности и абстрактности... <...> Итак, подведу итог: чтобы понять Германию, необходимо, важно говорить, читать и думать на нашем родном языке. На том языке, которым Брумхольд, наш великий Брумхольд, сидя за выдавшим виды дубо-

вым письменным столом у себя в хижине среди Черного леса, пользовался каждый день, дабы охарактеризовать внутренние устои культуры, на долю каковой, давайте взглянем правде в лицо, испокон веку выпадало куда больше невзгод, чем она того заслуживала» (Абиш 2000: 350-351).

И хотя Хайдеггер в своих мечтах о посмертной славе едва ли заходил так далеко, описанная Абишем сцена открытия мемориальной доски в городе, названном именем философа, не выглядит малореалистичной. Художественная литература, в объектив которой так или иначе попали главные этапы хайдеггеровской биографии, остается при всей своей фиктивности и произвольности весьма правдивым зеркалом. Возможно, именно пространство литературы, не склонной сглаживать углы, но в то же время отдающей должное уникальности мышления, позволяет ясно увидеть те противоречия, которые уживались в Хайдеггере: ум выдающегося философа – и изворотливость мелкого человека, революционный запал обновления – и слепую приверженность патриархальности, превознесение метафизики – и претензию на ее окончательное преодоление, упор на индивидуальности экзистенциального проекта – и уверенность в национальной избранности немецкого народа, антирелигиозный пафос – и сакрализацию бытия. Задолго до издания компрометирующих документов художественное слово начало сигнализировать об опасности того, что «величайшая мысль может пойти как таковая навстречу величайшему ужасу» (Лиотар 2014: 99), акцентируя тем самым насущность продумывания этой возможности для философии.

* * *

Большая литература избегает морализаторства, поскольку предоставляет совершать выбор самому: можно отмахнуться от несерьезности, исходящей от мира вымысла, а можно прислушаться к той нетоталитарной истине, которую он порождает. Польская поэтесса Вислава Шимборская, вовсе не имея в виду Хайдеггера, делает в своем стихотворении «Три слова престранных» (2002) тонкое наблюдение, касающееся языка, который в конечном итоге сумел провести философа, тщательно выверявшего свой терминологический инструментарий:

Когда произносишь слово «будущее»,
первый слог уже отошел в прошлое.

Когда произносишь слово «молчание»,
нарушаешь его.

Когда произносишь слово «ничто»,
утверждаешь нечто, которого ни в каком ничто быть не может¹.

Поэзия расставляет свои акценты. Будущее – это не темпоральная перспектива, а осуществляющееся настоящее, помнящее о прошлом. Молчание – не многозначительное умолчание, а приглашение к диалогу. Ничто – не приговор бытию, а то, что еще ожидает своего наполнения бытием.

¹ (Szymborska 2010: 336).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абиш У. 2000. Сколь это по-немецки // У. Абиш. Сколь это по-немецки : рассказы, роман. Санкт-Петербург : Симпозиум. С. 155-447.
- Бернхард Т. 1995. Старые мастера // Альманах немецкой литературы. Москва : Медиум. Вып. 5. С. 5-208.
- Грасс Г. 2008. Собачьи годы. Санкт-Петербург : Амфора. 736 с.
- Грасс Г. 2009. Мое столетие. Санкт-Петербург : Амфора. 350 с.
- Елинек Э. 2009. Гора мертвецов. Москва : АСТ : Астрель. 192 с.
- Елинек Э. 2010. Облака. Дом. // Э. Елинек. Посох, палка и палач. Москва : АСТ : Астрель : Полиграфиздат. С. 172-250.
- Инишев И. 2018. Хайдеггер и российское философствование: продуктивность дистанции // HORIZON. Феноменологические исследования. Т. 7, № 2. С. 546-553.
- Кенжеев Б. 2004. Вещи // Б. Кенжеев. Невидимые : стихи. Москва : ОГИ. С. 100-102.
- Клюге А. 2004. Хроника чувств. Москва : Новое лит. обозрение. 392 с.
- Коваль О., Крюкова Е. 2020. «Тодтнауберг» Целана: попытка разговора между философией и поэзией // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. № 64. С. 196-219.
- Лаку-Лабарт Ф. 1999. Хайдеггер: поэтика и политика // Логос. № 2. С. 112-140.
- Лиотар Ж.-Ф. 2014. Хайдеггер и «евреи». 2-е изд., испр. Санкт-Петербург : Machina. 206 с.
- Никифоров О. 2001. Мартин Хайдеггер: материалы к политической биографии героя // Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1 / под ред. В.А. Подороги. Москва : Логос. С. 344-386.
- Сафрански Р. 2002. Хайдеггер: германский мастер и его время. Москва : Молодая гвардия. 614 с.
- Топоров В.Н. 1995. Апология Плюшкина: вещь в антропологической перспективе // В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : избранное. Москва : Прогресс. С. 7-111.
- Уэйт Дж. 1991. Политическая онтология // Философия Мартина Хайдеггера и современность / под ред. Н.В. Мотрошиловой. Москва : Наука. С. 188-214.
- Хайдеггер М. 1993а. Вещь // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. Москва : Республика. С. 316-326.
- Хайдеггер М. 1993б. Время картины мира // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. Москва : Республика. С. 41-62.
- Хайдеггер М. 1993с. Европейский нигилизм // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. Москва : Республика. С. 63-176.
- Хайдеггер М. 1993д. Искусство и пространство // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. Москва : Республика. С. 312-316.
- Хайдеггер М. 1993е. Самоутверждение немецкого университета / пер. с нем. А.В. Михайлова // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. Москва : Гнозис. С. 222-231.
- Хайдеггер М. 1993ф. Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции? // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. Москва : Гнозис. С. 218-221.
- Хайдеггер М. 2011. Гераклит. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 504 с.
- Целан П. 2008. Тодтнауберг // П. Целан. Стихотворения. Проза. Письма / под общ. ред. М. Белорусца. Москва : Ад Маргенем Пресс. С. 236-237.
- Яндль Э. 2009. наплаврение // Зарубежная поэзия в переводах Вячеслава Куприянова : сборник с параллельными немецкими оригиналами / сост. В.Г. Куприянов. Москва : Радуга. С. 397.

- Baumann G. 1986. Erinnerung an Paul Celan. Frankfurt-am-Main : Suhrkamp. 143 S.
- Bernhard Th. 1985. Alte Meister. Frankfurt-am-Main : Suhrkamp. 310 S.
- Celan P. 2000. Largo // P. Celan. Gesammelte Werke in sieben Bänden. Zweiter Band. Gedichte II / Hrsg. von B. Allemann, St. Reichert, unter Mitwirkung von R. Bücher. Frankfurt-am-Main : Suhrkamp. S. 356.
- Hachmeister L. 2014. Heideggers Testament. Der Philosoph, der Spiegel und die SS. 2. Aufl. Berlin : Propyläen. 368 S.
- Heidegger M. 1989. Gesamtausgabe. Bd. 65: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Frankfurt-am-Main : Vittorio Klostermann. 521 S.
- Heidegger M. 1998. Gesamtausgabe. Bd. 69: Die Geschichte des Seyns. Frankfurt-am-Main : Vittorio Klostermann. 229 S.
- Heidegger M. 2000. Gesamtausgabe. Bd. 16: Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, 1910–1976. Frankfurt-am-Main : Vittorio Klostermann. S. 842.
- Jandl E. 1992. stanzen. Hamburg ; Zürich : Luchterhand Verlag. 150 S.
- Janz M. 1995. Elfriede Jelinek. Stuttgart : Metzler. 182 S.
- Kita J. 2002. Martin Buber und Paul Celan. Zur Poetik des Dialogs // Avantgarden in Ost und West: Literatur, Musik und Bildende Kunst um 1900 / Hrsg. von H. Kircher, M. Kłańska, E. Kleinschmidt. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlaus. S. 317-336.
- Szyborska W. 2010. Trzy słowa najdziwniejsze // Szyborska W. Wiersze wybrane / Wybór i układ autorki. Kraków : Wydawnictwo a5. S. 336.
- Thomä D. 2003. Heidegger in der Satire. Das Herrschen des Seins // Heidegger-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung / Hrsg. von D. Thomä. Stuttgart ; Weimar : Verlag J. B. Metzler. S. 510-513.

Oxana A. Koval, Russian Christian Humanitarian Academy,
St. Petersburg, Russia. E-mail: ox.koval@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4718-6669
ResearcherID: Q-6650-2018
ScopusID: 57201359595
SPIN-код: 6561-2067

Ekaterina B. Kriukova, Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences;
Sociological Institute of the RAS, St. Petersburg, Russia.
E-mail: kriukova.jr@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6585-4611
ResearcherID: AAI-1483-2020
ScopusID: 57210125630
SPIN-код: 9287-6060

Article received 26.08.2019, accepted 01.10.2019, available online 06.07.2020

HEIDEGGER AS A FICTIONAL CHARACTER. PART II

Abstract. In general, the following article attempts to showcase how literature reflects and interprets philosophical concepts using a rich arsenal of inherent expressive means. The personality and ideas of Martin Heidegger, one of the most influential thinkers of the 20th century, often became the subject of literary reflection. The focus of this article is the second phase of the philosopher's life – from 1933, when he assumed the

post of rector of the University of Freiburg, and until his death. The poets and writers involved here (E. Jelinek, E. Jandl, A. Kluge, B. Kenjeev, G. Grass, P. Celan, T. Bernhard, W. Abish) create a multidimensional and complex image of Heidegger in their works. The biographical and imaginative twists and turns of the legendary philosopher come to life under the magnifying glass of writer's reflection, for which the boundary between reality and fiction remains suspended. This allows us to understand the nature and motives of the philosopher better than any documentary evidence or even the direct speech. The language of literature – derisive, caustic, grotesque – creates necessary counterbalance to philosophy, which, according to laws of genre, gravitates to mortal seriousness and thereby loses its critical attitude towards itself. Such a combination of literary imagination and metaphysical speculation turns out to be productive both for philosophy, which tests its ethical relevance in the poetic dimension, and for literature, which turns into a space of authentic existential questions. The fiction not only reveals inconsistencies in Heidegger's train of thought but offers its own unconventional arguments to cope with those inconsistencies.

Keywords: Heidegger; literary character; fiction; philosophy; narrative; intertext.

For citation: Koval O.A., Kriukova E.B. *Khaydegger kak literaturnyy personazh. Ch. II* [Heidegger as a fictional character. Pt. II], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 7-32. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10201. (in Russ.).

The article was written in the framework of the RFBR project No. 18-311-00268 “Poetics of Philosophical Thinking: The Cultural Paradigm of Modernity and Modern Trends”.

References

- Abish W. *Skol' eto po-nemetski* [How German Is It], *U. Abish. Skol' eto po-nemetski : rasskazy, roman*, St. Petersburg, Simpozium, 2000, pp. 155-447. (in Russ.).
- Baumann G. *Erinnerung an Paul Celan* [Remembering Paul Celan], Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 1986, 143 p. (in German).
- Bernhard Th. *Alte Meister* [Old Masters], Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 1985, 310 p. (in German).
- Bernhard Th. *Starye mastera* [Old Masters], *Al'manakh nemetskoy literatury*, Moscow, Medium, 1995, iss. 5, pp. 5-208. (in Russ.).
- Celan P. *Largo* [Largo], *P. Celan. Gesammelte Werke in sieben Bänden, Zweiter Band, Gedichte II*, Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 2000, 356 p. (in German).
- Celan P. *Todtnauberg* [Todtnauberg], *P. Tselan. Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma*, Moscow, Ad Margenem Press, 2008, pp. 236-237. (in Russ.).
- Grass G. *Moe stoletie* [My Century], St. Petersburg, Amfora, 2009, 350 p. (in Russ.).
- Grass G. *Sobach'i gody* [Dog Years], St. Petersburg, Amfora, 2008, 736 p. (in Russ.).
- Hachmeister L. *Heideggers Testament. Der Philosoph, der Spiegel und die SS* [Heidegger's Testament. Philosopher. Spiegel. SS], 2nd ed., Berlin, Propyläen, 2014, 368 p. (in German).
- Heidegger M. *Evropeyskiy nihilizm* [European Nihilism], *M. Khaydegger. Vremya i bytie : stat'i i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 63-176. (in Russ.).
- Heidegger M. *Geraklit* [Heraclitus], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2011, 504 s. (in Russ.).
- Heidegger M. *Gesamtausgabe, Bd. 16: Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, 1910–1976* [Collected Works, Vol. 16: Speeches and Other Evidence, 1910–1976], Frankfurt-am-Main, Vittorio Klostermann, 2000, 842 p. (in German).

Heidegger M. *Gesamtausgabe, Bd. 65: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)* [Collected Works, Vol. 65: Contributions to Philosophy (Of the Event)], Frankfurt-am-Main, Vittorio Klostermann, 1989, 521 p. (in German).

Heidegger M. *Gesamtausgabe, Bd. 69: Die Geschichte des Seyns* [Collected Works, Vol. 69: The History of Being], Frankfurt-am-Main, Vittorio Klostermann, 1998, 229 p. (in German).

Heidegger M. *Iskusstvo i prostranstvo* [Art and Space], M. Khaydegger. *Vremya i bytie : stat'i i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 312-316. (in Russ.).

Heidegger M. *Samoutverzhdenie nemetskogo universiteta* [The Self-Assertion of the German University], M. Khaydegger. *Raboty i razmyshleniya raznykh let*, Moscow, Gnozis, 1993, pp. 222-231. (in Russ.).

Heidegger M. *Tvorcheskiy landshaft: pochemu my ostaemsya v provintsii?* [Why Do We Live in the Province?], M. Khaydegger. *Raboty i razmyshleniya raznykh let*, Moscow, Gnozis, 1993, pp. 218-221. (in Russ.).

Heidegger M. *Veshch'* [Thing], M. Khaydegger. *Vremya i bytie : stat'i i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 316-326. (in Russ.).

Heidegger M. *Vremya kartiny mira* [The Age of the World Picture], M. Khaydegger. *Vremya i bytie : stat'i i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 41-62. (in Russ.).

Inishev I. *Khaydegger i rossiyskoe filosofstvovanie: produktivnost' distantsii* [Heidegger and Russian Philosophizing: The Productivity of the Distance], *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 546-553. (in Russ.).

Jandl E. *naplavrenie* [lichtung], V.G. Kupriyanov (comp.). *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh Vyacheslava Kupriyanova : sbornik s parallel'nymi nemetskimi originalami*, Moscow, Raduga, 2009, pp. 397. (in Russ.).

Jandl E. *stanzen* [stanzas], Hamburg, Zürich, Luchterhand Verlag, 1992, 150 p. (in German).

Janz M. *Elfriede Jelinek* [Elfriede Jelinek], Stuttgart, Metzler, 1995, 182 p. (in German).

Jelinek E. *Gora mertvetsov* [Totenauberg], Moscow, AST, Astrel', 2009, 192 p. (in Russ.).

Jelinek E. *Oblaka. Dom.* [Clouds. Home.], E. Elinek. *Posokh, palka i palach*, Moscow, AST, Astrel', Poligrafizdat, 2010, pp. 172-250. (in Russ.).

Kenjeev B. *Veshchi* [Things], B. Kenzheev. *Nevidimye : stikhi*, Moscow, OGI, 2004, pp. 100-102. (in Russ.).

Kita J. *Martin Buber und Paul Celan. Zur Poetik des Dialogs* [Martin Buber and Paul Celan. To the Poetics of Dialogue], H. Kircher, M. Kłańska, E. Kleinschmidt (eds.). *Avantgarden in Ost und West: Literatur, Musik und Bildende Kunst um 1900*, Köln, Weimar, Wien, Böhlaus, 2002, pp. 317-336. (in German).

Kluge A. *Khronika chuvstv* [The Power of Feelings], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, 392 p. (in Russ.).

Koval O., Kriukova E. «*Todtnauberg*» Tselana: *popytka razgovora mezhdu filosofiey i poeziey* ["*Todtnauberg*" of Paul Celan: An Attempt to Talk Between Philosophy and Poetry], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 2020, no. 64, pp. 196-219. (in Russ.).

Lacoue-Labarthe Ph. *Khaydegger: poetika i politika* [Heidegger: Poetics and Politics], Logos, 1999, no. 2, pp. 112-140. (in Russ.).

Lytard J.-F. *Khaydegger i «evrei»* [Heidegger and "the jews"], 2nd ed., rev., St. Petersburg, Machina, 2014, 206 p. (in Russ.).

Nikiforov O. *Martin Khaydegger: materialy k politicheskoy biografii geroya* [Martin Heidegger: Materials for the Political Biography of the Hero], V.A. Podoroga (ed.). *Avto-*

bio-grafiya. K voprosu o metode. Tetradi po analiticheskoy antropologii. № 1, Moscow, Logos, 2001, pp. 344-386. (in Russ.).

Safranski R. *Khaydegger: germanskiy master i ego vremya* [Martin Heidegger: Between Good and Evil], Moscow, Molodaya gvardiya, 2002, 614 p. (in Russ.).

Szyborska W. *Trzy słowa najdziwniejsze* [The Three Oddest Words], W. Szyborska. *Wiersze wybrane*, Kraków, Wydawnictwo a5, 2010, pp. 336. (in Polish).

Thomä D. *Heidegger in der Satire. Das Herrschen des Seins* [Heidegger in Satire. The Dominance of Being], D. Thomä (ed.). *Heidegger-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung*, Stuttgart, Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2003, pp. 510-513. (in German).

Toporov V.N. *Apologiya Plyushkina: veshch' v antropologicheskoy perspektive* [Plyushkin's Apology: a Thing in the Anthropological Perspective], V.N. Toporov. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo : izbrannoe*, Moscow, Progress, 1995, pp. 7-111. (in Russ.).

Waite G. *Politicheskaya ontologiya* [Political Ontology], N.V. Motroshilova (ed.). *Filosofiya Martina Khaydeggera i sovremennost'*, Moscow, Nauka, 1991, pp. 188-214. (in Russ.).

Скоробогатская Н.А., Скоробогатский В.В. Советское: историко-культурный контекст феномена. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 33–74.

УДК 32

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202

СОВЕТСКОЕ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФЕНОМЕНА

Наталья Александровна Скоробогатская

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@ui.ranepa.ru

Вячеслав Васильевич Скоробогатский

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
государственного управления и политических технологий
Уральского института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@ui.ranepa.ru
Author ID: 646215

*Статья поступила 04.10.2019, принята к печати 21.02.2020,
доступна online 06.07.2020*

В статье рассматривается историко-культурный контекст феномена советского. При невиданной частоте употребления термина «советское» обозначаемый им феномен остается «белым пятном» для социальной науки. Авторы исходят из предположения, что возможность его теоретического исследования обуславливается не столько выбором методологического инструментария (это дело немало-важное, но все же производное), сколько изменением ракурса, в котором мы ставим этот феномен перед собой в качестве предмета исследования. Речь идет не об изменениях точки зрения или подхода, не о сдвигах мировоззренческого или методологического плана, но о выходе в область метаметодологии, где причудливо сочетаются различные факторы – культурные, исторические, институциональные, политические, этические и пр. Параллельно этому ориентация исследования смещается от познаваемого объекта в сторону познавательных возможностей субъекта, переносится с «что?» на «как?». Эта область, или инфраструктура теоретического исследования, представляет собой совокупность теоретических и социальных априори, неявным образом направляющих работу мышления, его ход и способ интерпретации полученных данных. По итогам исследования историко-культурного контекста феномена советского мы пришли к следующим выводам. Советское представляет собой особый тип культуры, сопрягающий в себе измерения

локальности и всемирности и по мере роста трансформирующийся в проект мировой цивилизации. Рождение советского рассматривается как один из возможных путей модернизации общества. Условия осуществления данного пути сложились в ходе исторического перелома, связанного с движением от «традиции» к «модерну», и в специфическом сочетании разнородных культурных пластов в пространстве российского города периода первой индустриализации. Советское – бытие потестарности, атрибутивно присущей общинной матрице. Стремление к власти как сверхценности составляет энтелехию советского. Становление советского завершается возникновением культурного кода, обуславливающего воспроизводство советского независимо от экономических, социальных и политических условий, и массовым распространением революционно-диалектического дискурса. Архитектор советского – Сталин. Но в мире ставшего советского Сталин не историческое лицо, не способ властвования, а базовый миф, который продолжает определять границы и пути трансформации российского общества даже в XXI в. Новизна предлагаемой концепции советского связана с обоснованием ведущей роли культурных факторов его формирования и развития по сравнению с экономическими, социальными и политическими.

Ключевые слова: советское как тип культуры, общинная матрица, революционно-диалектический дискурс, антикапиталистическая установка, власть как энтелехия советского, культурный код советского, корпоративное начало в жизни общества и государства.

Сложившийся к настоящему времени в научном обиходе и в массовом сознании образ советского заключает в себе три внутренние связанные между собой, более или менее устойчивые черты. Во-первых, советское рассматривается как хронологическая метка, которая указывает на общество определенного периода, ограниченного Октябрьской революцией – «снизу» и распадом Советского Союза в августе–декабре 1991 г. – «сверху». Причем и тому и другому историческому событию отводится роль поворотного пункта всемирной истории, символизирующего в одном случае начало новой исторической эпохи, а в другом – ее катастрофическое завершение. Во-вторых, не обладающее собственным содержанием советское используется в качестве синонима социалистического общества в его местном, национально-русском варианте, а также производных от него сторон (культура, государство, образ жизни, человек). И, наконец, советское – это «имя» государственно-идеологической идентичности, осознание которой достигалось посредством противопоставления «своего» изначально враждебному «чужому» – «буржуазному», «капиталистическому», «американскому» и тому подобным обществам и мирам.

И в этой нарочитой простоте и общепонятности, демонстративном отсутствии собственного содержания, чистой функциональности, «служебности», сопрягающейся с внешней безмерностью и внутренней неопределенностью, – суть советского. Она – не «проступает» и не «просвечивает», а именно «есть». Впрочем, в данном отношении различие между «есть» и «суть» сводится к различию грамматических «чисел» – единственного и множественного, а это означает, что советское – тавтологично, а точнее, внутренне пусто. Содержание, которым оно обладает, – не его собственное,

это «наведенное» (индуцированное) содержание, отраженное, заимствованное и всегда производное – от контекста, от ситуации, от обстоятельств и условий текущего момента. Советское может жить в различных социальных, политических и экономических оболочках. Элитизм и эгалитаризм, авторитаризм и демократия, план и рынок – это маски, которые оно меняет в зависимости от обстоятельств. Таков один, расхожий, образ советского, предназначенный для повседневного, массово-идеологического оборота. Но за его простотой и текучестью скрывается (или открывается?) другое: при всей его изменчивости советское остается равным себе самому, чем-то себе тождественным, это – пусть и неуловимая в будничности, но – форма, чистая и пустая. И даже больше, чем форма. И как тут свести концы с концами, соединить столь несхожие лики советского?

1. Культурная генетика советского: традиция – модерн – пост-модерн... Чтобы ухватить эту парадоксальность советского, надо, на наш взгляд, выйти из него, отойти в сторону, посмотреть на него издали – насколько это вообще возможно для нас, его современников?! Рискнем сопоставить несопоставимое – советское и Пушкина. Скрывшийся за псевдонимом «Абрам Терц» Андрей Синявский говорил о специфической пустоте поэта, благодаря которой он становился чистым восприемником мира во всей неискаженности и полноте его бытия, несмотря на разность и несходность заполняющих этот мир вещей. «Пустота – содержимое Пушкина. Без нее он был бы не полон, его бы не было, как не бывает огня без воздуха, вдоха без выдоха. Ею прежде всего обеспечивалась восприимчивость поэта, подчинявшаяся обаянию любого каприза и колорита поглощаемой торопливо картины, что поздравительной открыткой влетает в глянец: натурально! точь-в-точь какие видим в жизни! <...> Пушкин был достаточно пуст, чтобы видеть вещи как есть, не навязывая себя в произвольные фантазеры, но полнясь ими до краев и реагируя почти механически, ”ревет ли зверь в лесу глухом, трубит ли рог, гремит ли гром, поет ли дева за холмом”, – благосклонно и равнодушно» (Терц 1990: 45). Но, продолжает Синявский, в этой способности поглощать без остатка все богатства окружающего мира, переполняясь ими, есть что-то от вурдалака: «В столь повышенной восприимчивости таилось что-то вампирическое. Потому-то пушкинский образ так лоснится вечной молодостью, свежей кровью, крепким румянцем, потому-то с неслыханной силой явлено в нем настоящее время: вся полнота бытия вместились в момент переливания крови встречных жертв в порожнюю тару того, кто в сущности никем не является, ничего не помнит, не любит, а лишь, наливаясь, твердит мгновению: ”ты прекрасно! (ты полно крови!) остановись!” – пока не отвалится» (Терц 1990: 46). Стремление русского поэта остановить миг прекрасного находит параллельный отзвук в западной культуре – гетевский доктор Фауст, расплатившийся с Мефистофелем по самой высокой ставке: душу – в обмен на исполнение желаний. Неожиданное сходство, пугающее. И с этим перекликается характеристика, которую директор Лицея Е.А. Энгельгардт дал своему гениальному выпускнику: «Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может

быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце» (Вересаев 1990: 74).

Сопоставление советского и Пушкина не условный прием: попытка имплантировать пушкинское наследие, а вместе с тем и петербургскую, имперскую по духу, культурную традицию в только что народившийся мир советского – идея, принадлежащая архитектору советского – Сталину. У сталинского обращения к Пушкину есть своя предыстория; разгадать ее тайну – значит найти ответ на один из главных вопросов, связанных с проблемой советского: имеет ли советское чисто русские корни, как об этом писал Р. Пайпс, или в его зарождении сыграл свою роль и Запад? Сам Пайпс сформулировал свою позицию достаточно отчетливо: «В отличие от большинства историков, ищущих корни тоталитаризма XX века в западных идеях, я ищу их в российских институтах» (Пайпс 1993: 10). Эти корни («зачатки» тоталитаризма) он находил в вотчинных институтах, переживших модернизацию в 1880-х гг. и представших в виде бюрократически-полицейского режима (Пайпс 1993: 41). Надо отметить, что термином «тоталитаризм» Пайпс характеризовал существенные черты советского в том его виде, в каком оно сложилось в сталинскую эпоху. Причем эти черты сохранялись, с его точки зрения, и в последующее время (книга Р. Пайпса вышла в свет в 1974 г.). И тем самым он, желая того или нет, придал тоталитаризму характер исторической судьбы России, начиная с момента возникновения Московского государства, а может быть и с удельного («вотчинного») периода.

Советское есть бытие потестарности в контексте модерна. Не в условиях, а именно в контексте, поскольку советское всегда рядом с модерном, заимствует его фрагменты, светит отраженным светом модерна. Это – около-модерн, его околица, временами – после-модерн, скрывающий кончину «образца». В таком отношении к модерну присутствует оттенок некрофильства. Ценится только мертвое, перевоплотившееся в памятники. Советская склонность к некрофильству совсем не похожа на пушкинский «вампиризм». Поэтический «вампир» тянется к живому, цветущему, в самом соку, а советское – к умершему, питается, грубо говоря, падалью. Булгаковская осетрина второй свежести – явление чисто советское. Любовь к мертвому, к отжившему – обратная сторона постоянного запаздывания во времени, исторического гистерезиса, неизбежного для обществ, попавших в институциональную ловушку макроисторического масштаба. Подобного рода ловушки обусловлены общественно признанным выбором в пользу неэффективного института. Такой выбор «...переводит систему в состояние гистерезиса, под которым понимается запаздывающий и неадекватный способ реагирования на вызовы внешней среды. На поведение системы продолжают оказывать определяющее влияние схемы и стереотипы, черпаемые из арсенала прошедшего времени, тогда как идущие извне вызовы характеризуются принципиальной новизной» (Скоробогачкий 2014: 152). При этом у нас своя игра, которую мы маскируем: карты лежат на столе, но главные манипуляции – под столом. Вступая в контакт с внешним миром, мы говорим «по-французски», но думаем на родном языке, «по-

нижегородски». Даже в состоянии диалога мы – себе на уме. Говорим про Фому, а имеем в виду – Ерему.

Модерн издавна воспринимается у нас практически всегда и во всем – инструментально, как средство украсить отечественную архаику новинками Запада. Это своеобразное культурно-политическое мичуринство, стремление присоединить к себе чужеродное, не поступившись ради такого заимствования ничем в себе самом. Не компромисс, а поглощение чужого, его поверхностное употребление – сменить вывески и декорации, заговорить по-французски, переодеться в европейское платье, переименовать Боярскую думу в Правительствующий сенат, а этот последний – во ВЦИК. Царь, император, генеральный секретарь, президент – все это маски носителей потестарности, перекраиваемые в соответствии с духом всегда запаздывающего времени. За видимой преемственностью советского и московско-петербургского стоит способность советского к мимикрии и воспроизведению чего угодно. Симулируется даже культурная традиция...

Через дистанцирование от модерна (а беря шире – от культуры Петербурга как недоросля модерна) в советском просвечивает постмодерн (Скоробогатский 1997: 224) – в виде всеядности советского, его способности заимствовать и использовать для собственного выживания любой чужеродный материал. Постмодерн по-русски – это абсолютная пластичность, стремление соединить все со всем, произвольная комбинаторика как способ конструирования приспособительных структур, технологий и практик. Отсюда и способность симулировать даже культурную традицию, перевоплощая прошлое в формы, удобные для поддержания настоящего.

Советское с его проблесками постмодерна – граница петербургской цивилизации, новый культурный и цивилизационный тип, контурно предугаданный еще Гоголем. И не только в лице Чичикова, но и (это гораздо важнее) в образе жизни губернского города – воплощенного царства абсурда, где растворение культуры до степени Пустоты (так у Гоголя, с большой буквы (Гоголь 1994а)) порождает и выводит на белый свет ходячие бессмысленности – Коробочку, Манилова, Ноздрёва и апофеоз «окременившегося» (от слова *ремень*) человека, Плюшкина (Гоголь 1994б). Все упомянутые лица, включая и Чичикова, – живые носители «мертвых душ». У каждого из них вместо души – шкатулка с деньгами или, говоря словами Гоголя, еще какая-нибудь расхожая дрянь. Например, пресловутая шинель, из которой будто бы вышла последующая русская литература. Этим выведенные Гоголем на свет Божий существа заполняли внутреннюю пустоту, этому подчинили свое существование... И не так уж и важно, выдуманы персонажи писателем, или у них были прообразы в реальности. Впоследствии они вошли в русскую действительность, во многом литературоцентричную (Бердяев 1991: 251-252). В русской жизни грань между реальным и вымышленным часто условна. Поэтому в петербургской культуре не столько литература была отражением («энциклопедией», по Белинскому) русской жизни, сколько жизнь – ее отражением. Не случайно же дуэль Лермонтова так похожа на дуэль героя его романа, Печорина, и повторяет своим исходом судьбу Пушкина.

Здесь, в провинции, находит Гоголь «край», завершение и пока еще символическое окончание Петербурга, чье культурное влияние доходит до города N-ска с большим, в десятилетия, опозданием, притом в искаженном бесплодной праздностью и пустословием виде. В одном из писем («Напутствие») своей «Переписки...» Гоголь характеризует, так сказать, материальное присутствие Пустоты в жизни провинциального города: «...Жить посреди таких грубых, неуклюжих людей, каковы жители пошлого городка, в котором ты поселился, которых уже одно бесчувственное, топорное прикосновение в силах разбить, даже без их ведома, лучшую драгоценность сердечную, медвежьей лапой ударить по тончайшим струнам душевным, данным на то, чтобы выпеть небесные звуки, – расстроить и разорвать их, видеть, в прибавление ко всему этому, ежедневно происходящие мерзости и терпеть презрение от презренных!» (Гоголь 1994с: 146). Гоголь первым обнаружил влияние Пустоты на строй и смысл жизни русского города, и не только в провинции, где все – лишь остраненное отражение Петербурга, но и в самом Петербурге, художественным чутьем ухватил его внутреннюю границу, границу в гегелевском смысле – как принцип наличного бытия¹. И это была Пустота отнюдь не пушкинского склада. Пустота не означает здесь отсутствия содержания, она – отсутствие подлинности, ничтожение действительного, подмененного кажимостью, призрачностью, обманом; это мир, где за красотой скрывается не добродетель, а разврат: «...Все дышит обманом. Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» (Гоголь 1994d: 37). Петербург – город, где царствует демон, во власть которого попадают люди, охваченные обезбоженными, демоническими страстями. Эти страсти вовлекают людей в мир ремесла, а не искусства, в мир цивилизации, а не культуры (Воропаев, Виноградов 1994: 473-476). «Ремесло» (и захватившая Запад промышленная революция, которая вскоре перекинется и в Россию), его продукты, вещи, лишённые всякого высокого смысла, ничтожные и нередко служащие даже не удовлетворению потребностей тела, а исключительно искусственным вожделениям – самолюбию и амбициям престижности и статусности, – сила, опустошающая культуру. Она производит ту самую Пустоту, в которой обесмысливается человеческая жизнь. «...В образе Акакия Акакиевича поэт начертал последнюю грань обмельенья Божьего создания до той степени, что вещь, и вещь самая ничтожная, становится для человека источником беспредельной радости и уничтожающего горя, до того, что шинель делается трагическим *fatum* в жизни существа, созданного по образу и подобию Вечного...» (Григорьев 1982: 113-114).

¹ «Эти границы суть принцип того, что они ограничивают...» (Гегель 1970: 190). А чуть раньше Гегель пишет: «...Нечто есть то, что оно есть, только в своей границе» (Гегель 1970: 190). Граница не только конец, завершение чего-то, но и его начало, место рождения и обитания этого «есть».

В мире ремесла красота становится источником соблазна и искушения, и такое оборачивание, подмена былого идеала, высших духовных ценностей разрушающим образом влияет на человеческую нравственность, вызывая ее снижение до того уровня, когда нормой и бытом становится ранее недозволенное и даже преступное. Советский человек опознавал в Акакии Акакиевиче своего, себя, униженного и оскорбленного, «маленького человека» школьных учебников, того последнего, который в новом, советском, мире должен стать первым. Все это свидетельствует о том, что советское во многом коренится, берет истоки в этой угаданной Гоголем страшной, безжизненной, обесчеловечивающей Пустоте, культурной истощенности и извращенности городской жизни. Опустошение человеческого стало обыденностью, банальным, лежащим на поверхности фактом: «Все теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил себя в подлое подножие всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет теперь нигде свободы в истинном ее смысле» (Гоголь 1994с: 121-122). Из этой Пустоты с ее обратной стороной – несвободой, как из жизненной почвы, вырастают утилитаристы 60-х гг. XIX в., люди стесненных обстоятельств и с резким неприятием «отвлеченностей» (ценностей) высокой культуры. Люди, понимающие только язык непосредственной пользы и склонные бороться с ненавистным им строем жизни средствами, почерпнутыми из самой этой жизни. Согласно поговорке: с волками жить...

Достоевский по-своему предугадал приход советского в лице его предтеч – «нигилистов» и «бесов». В речи при открытии памятника Пушкину, который стал символом петербургской культуры, он объявляет поэта национальной святыней, как будто заговаривает Петербург от нечистой силы – чур меня! Здесь же он говорит о всечеловеческом характере русского – возможно, эта черта вошла в культурный код советского. Вряд ли Достоевский добавил что-то к популярности Пушкина в современном ему обществе – сколько было у Пушкина почитателей, столько и осталось. Тем более что родилось целое поколение смотрящих вперед, провозгласивших устами Писарева: «Место Пушкина – не на письменном столе современного работника, а в пыльном кабинете антиквара, рядом с заржавленными латами и с изломанными аркебузами»¹ (Писарев 1956b: 378). XVIII век, музейный экспонат. Человек из далекого прошлого. Два десятилетия великих реформ были вместе с тем временем зарождения нового поколения русской молодежи, которое, руководствуясь принципом чистого (полного) утилитаризма²,

¹ В самом конце цитируемой статьи он подведет итог: «...в так называемом великом поэте я показал моим читателям легкомысленного версификатора, опутанного мелкими предрассудками, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно неспособного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века» (Писарев 1956b: 415).

² «...Мы начинаем чувствовать необходимость умственной экономии и стремимся уяснить себе понятие настоящей выгоды или пользы. В этом и заключается то самостоятельное направление мысли, которое, по моему мнению, вырабатывается в современном русском обществе» (Писарев 1956a: 10).

пыталось вынести приговор Петербургу, эстетический (Писарев) и политический (Нечаев).

Внутренний раскол в петербургской культуре назревал давно, и Достоевский просто обозначил свою позицию в этом споре, опрометчиво, быть может, бросив свой авторитет на одну чашу весов. На другой чаше – литературные и политические нигилисты-радикалы с Писаревым и Нечаевым во главе и люди «дела» из романа Чернышевского, который (роман), по признанию Ленина, полностью перепахал его в юности. Люди «дела» не революционеры, а социальные переустройщики. Постепенно, посредством социально ориентированного *бизнеса*¹ выращивая «новых людей» и новые правила жизни, российские Оуэны-Лопуховы и Фурье-Кирсановы готовили обновленный человеческий «материал» для будущей социальной революции, предвестником которой в романе Чернышевского выступал Рахметов.

Ленин угадал появление советского и мастерски, отступая от требований марксистской доктрины, использовал его политический потенциал: «Именно такого типа государство *начала* создавать русская революция в 1905 и в 1917 годах. Республика Советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов... вот что уже *входит в жизнь* у нас теперь, в данное время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию *по-своему*...» (Ленин 1974: 162-163). Тем не менее он не может считаться творцом советского мира. Его приверженность культурной классике, идеалам и принципам Просвещения (в их российской редакции, естественно), а также марксистской модели социализма сужала горизонт его представлений о возможностях, вызревающих в почве настоящего. Он подходил к советскому по-писаревски утилитарно, как к своего рода не-правильности, рожденной русской спецификой; впрочем, эта не-правильность способствовала решению генеральной задачи революции в России – захвату и удержанию большевиками политической власти в стране. И он только терпел эту не-правильность, равно как и НЭП, – до тех пор, пока «настоящий» социализм и ведущая к нему мировая революция не приблизят Россию к цивилизации Запада. И говорил об этом совершенно открыто, например, в заметках о книге Суханова в январе 1923 г.: «...при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходится даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающую ее революцию

¹ Нужно было новое слово для обозначения этого небывалого в России, с Запада идущего, бескорыстного, социалистического по духу, по целям *предпринимательства* – студенческие артели, коммуны. В романе Чернышевского идеи европейских социалистов так тесно переплелись с новыми явлениями русской жизни, порожденными становлением капитализма, что отнюдь не казались утопическими. Это было именно *дело*, приближавшее социальную революцию.

от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящих некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным» (Ленин 1975а: 379). Смягчающие резкость и принципиальную заостренность основного тезиса формулировки типа: «некоторые своеобразия», «некоторые частичные новшества» имеют характер дипломатических оговорок, сохраняющих возможность продолжения дискуссии на языке общепринятой теории – но теории Маркса, а не упомянутого в статье Каутского и других «учеников» (Плеханова, например), давших ее догматическое, по мнению Ленина, изложение. Эта перемена «порядка развития» для Ленина – Октябрьская революция, преждевременная с точки зрения его оппонентов из социал-демократического лагеря. И он пишет прямо: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского (выделено нами. – Н.С., В.С.) строя, двинуться догонять другие народы» (Ленин 1975а: 381).

По-настоящему исторический выбор, предreshавший судьбу советского, совершался между Богдановым с его Пролеткультом и пока еще неизвестным истории Сталиным. Архитектором советского стал именно Сталин, который в конце концов напрямую обратился к Пушкину. Сталину было присуще интуитивное ощущение связи между советским и культурной традицией Петербурга и плодотворности этой связи для становления и оформления советского как культурного и политического феномена. Его интерес к имперскому прошлому и его культуре проявлялся еще в 1920-е гг. – проявлялся косвенно, в виде негласного заказа на частичную реабилитацию Петербурга. Знаком этого поворота в культурной политике было повышенное внимание Сталина к сочинениям А.Н. Толстого (не только к роману о Петре I, но и к более ранним пьесам о нем – «На дыбе», «Петр I») и к постановке во МХАТе «Дней Турбиных» М. Булгакова (987 спектаклей в 1926–1941 гг.).

Что привлекло внимание Сталина к Пушкину, только ли его статус первого гения петербургской России? Скорее всего, он прочувствовал в Пушкине эту «всемирность» русской души, истолковав и использовав ее в своих целях – для строительства советского как новой русскости, строительства культуры, в которой всё и вся – независимо от этнического происхождения, культурного генотипа, смысложизненных ориентиров и целей и тому подобных «частностей» – будет русским!? Его целью была культура, обеспечивающая добровольно принимаемую и столь необходимую политическому режиму (а может быть, беря шире, самому советскому, обществу как таковому) национально-культурную идентификацию для любого, кто попадает в ее атмосферу, в поле ее притяжения. Культура как соблазн, как искушение русскостью. «Да будь я и негром преклонных годов, и то б без унынья и лени я русский бы выучил только за то, что им разговаривал...» – нет, не Ленин! Пушкин! Он и есть тот самый негр, который за сто с лишним лет до того, как Маяковский написал эти строки, выучил, благодаря няне Арине Родионовне, русский – так за что? За то, что с Пушкиным русская культура открыла

в себе ошеломляющее и будоражащее воображение чувство всемирности, родства с миром во всем его многообразии. Именно это чувство позволило Пушкину, вопреки пессимистическим выводам Чаадаева об отсутствии истории и цивилизации в России, увидеть в захваченности русской души богатствами европейской культуры новую перспективу России, обещание новой ее истории.

Сталин, во многом следуя за Достоевским, рассматривал всемирную отзывчивость Пушкина, его восприимчивость к иному не в эстетическом плане, а в самом что ни на есть прямом и утилитарном – националистическом и политическом. Новый ракурс, заключающийся в смещении от эстетического к прагматическому истолкованию искусства и культуры, имел предпосылкой новую городскую (будущую «массовую») культуру, формирование которой в России, опережая индустриализацию, началось еще в первой половине XIX в. (Захаров 2003: 6) и шло под воздействием импульсов, исходивших из жизненной среды и культурных потребностей городского образованного класса.

Повторим еще раз: пустота *поэта* Пушкина, о которой говорил Синявский-Терц, – совсем не та Пустота, которую открыл Гоголь в повседневной жизни провинциального русского города. У Пушкина это – обратная сторона восприимчивости и тяги к новому, у Гоголя же – жизненный строй города, сформированный потребительской установкой, элиминирующей всякое различие ценностей и пользы, сводящей воображение и восторг узнавания к мелочному расчету, а эстетическое переживание – к утверждению статуса и престижа. Пушкинская «толпа» и «светская чернь» Лермонтова – поэтические предчувствия пришествия русского Хама. В атмосфере города, в провинции, равно как и в Петербурге, взрастало поколение 1860-х, поколение нигилистов и утилитаристов.

Одним из первых, кто истолковал пустоту Поэта во внехудожественном аспекте, отождествив творение с психологическим портретом творца, вырвав поэтический феномен из сферы искусства и пересадив его на почву пользы и расчета, осуществив трансцензус – только в обратном направлении, от «высокого» к «низкому», был Писарев: «...Пушкин пользуется своею художественною виртуозностью как средством посвятить всю читающую Россию в печальные тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственного бессилия» (Писарев 1956b: 376). Но подобное «снижение» Поэта означает на деле вполне реальное падение уровня культуры и вульгаризацию художественного вкуса идейных вождей нового поколения, в итоге чего это поколение утрачивает способность воспринимать высокое – и не только в искусстве, но и в области морали. Соответственно и область практических вопросов, дела/бизнеса и политики утрачивает духовную, нравственную «заграду» и становится беззащитной против «грязных», бесчеловечных технологий, приемов, подходов. В этом плане отличие Писарева от Нечаева – относительное, они несхожи скорее психологически, большей или меньшей решимостью «испачкать» руки, взявшись за дело, которое для них изначально обречено быть «грязным».

Если Гоголь отметил существование внутренней границы Петербурга (как типа культуры и образа человеческой жизни), то Достоевский своим истолкованием всемирности Пушкина приоткрыл эту границу навстречу мутным потокам повседневности, которые несли с собой угрозу «бесовщины», – угрозу, которую Гоголь остро ощущал с первых шагов в литературе. Именно в Пушкине, в его творчестве и в принципах, направлявших это творчество, видел Гоголь защиту от демонических сил, обступивших человека и в провинции, и в самом центре Петербурга, на Невском проспекте. Для него Пушкин как поэт и есть та внутренняя граница Петербурга, по эту сторону которой возможно спасение от подступающего демонизма. В письме «О том, что такое слово» Гоголь подчеркнул, что поэт (и всякий другой человек в своем деле) несет личную ответственность за все те уступки жизненным обстоятельствам, которые имеют следствием неискренность, необдуманность у поэта, торговлю правосудием, взятки у судьи, другие маленькие и большие проступки и преступления: «Пушкин прав. Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще. <...> Зачем ты не устоял противу всего того? Ведь ты же чувствовал сам честность званья... в себе услышал на то призванье Божие... Зачем же ты был ребенком, а не мужем, получа все, что нужно для мужа?» (Гоголь 1994с: 19-20). Судьба героя гоголевского «Вия» Хома Брута являет собой классический пример того, что не внешняя ограда, не проведенный Хомой меловой круг может защитить от нечистой силы, а вера, поскольку граница эта проходит внутри человека, в пространстве его души, обтекаемой соблазном. Там совершается невидимый стороннему глазу выбор человека между добром и злом. Хома, он же Фома неверующий – образ, естественно, не евангельский, а простонародный – беззащитен перед бесовщиной именно по причине хрупкости его веры, подмененной внешним, формальным исполнением обряда, механическим чтением молитв-заклинаний. Значение творений великого поэта (теперь уже на примере Гомера, поэта-слепца, вооруженного *внутренним* оком) Гоголь видит в том, что он оставляет нам «живую и полную книгу законодательства» (Гоголь 1994с: 29). К Пушкину он относит это в той же мере.

Писарев угадал в Пушкине человека XVIII в., и в этом – много правды. Но прикоснулся к ней Писарев совершенно случайно, поскольку своим сравнением он пытался поместить и самого Пушкина, и его творчество в разряд отживших культурных реликтов, не понимая, что этот век занимает особое место в русской истории. Правда же заключается в том, что XVIII в. был временем, когда складывались основы русской классической культуры, без которой немислима и современная Россия. Для Гоголя начало этому веку дал петровский «крутой поворот»; с помощью европейского просвещения он предопределил и пути становления, и специфическую окраску новой культуры. Этой окраской стал – *свет*: «С этих пор стремленье к свету стало нашим элементом, шестым чувством русского человека, и оно-то дало ход нынешней нашей поэзии, внося новое, светоносное начало...» (Гоголь 1994с: 140). Поэзия – хранитель светоносного начала, и пушкинская поэзия в первую очередь. Указание на ее аполлонический характер давно

уже стало общим местом в пушкиноведении. Одним из первых эту черту пушкинской поэзии в 1838 г. отметил немецкий критик К.А. Варнгаген фон Энзе в журнале «*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*», основанном Гегелем: «Но главное, существенное свойство Пушкина... состоит в том, что он живым образом слил все исчисленные нами качества (*тоска, уныние, печаль, грусть и пр.*, характерные для Байрона. – *Н.С., В.С.*) с их решительной противоположностью, именно, с свежее духовною гармониею, которая, как яркое сияние солнца, просвечивает сквозь его поэзию и всегда, при самых мрачных ощущениях, при самом страшном отчаянии подает утешение и надежду. <...> Светлая гармония, бодрое мужество составляют основу его поэзии, основу, по которой все другие его свойства пробегают как тени, или, лучше, как оттенки» (цит. по: Катков 2010: 62). Одно из проявлений светоносного начала в русской культуре, может быть, самое важное, – всеохватность предмета поэзии Пушкина: «Немеет мысль перед бесчисленностью его предметов. Чем он не поразился и перед чем не остановился? <...> Все предметы его; изо всего, как ничтожного, так и великого, он исторгает одну электрическую искру того поэтического огня, который присутствует во всяком творенье Бога, – его высшую сторону, знакомую только поэту...» (Гоголь 1994с: 158). Но эта способность к охвату бесконечного – свидетельство трансцендентальной природы поэтического творения («ай да Пушкин, ай да сукин сын!»). Творение в качестве условия возможности предполагает кантовское трансцендентальное единство апперцепции, то, что мы называем озарением, интуицией. Трансцендентальное – значит, обращенное вверх, а не вниз; его, как гармонию, нельзя поверить алгеброй, найти его логическую формулу, исчислить его полезность, привязать к чему-то конкретному, частному, вывести из опыта. Но без него никакие опыты, и художественные в том числе, невозможны.

Искусство – путь, на котором человеку открывается «высшая сторона» тварного мира, путь из царства необходимости, где правит механизм природы, в царство свободы. Всеохватность предмета поэзии и житейская «бесполезность» поэтических творений – две взаимосвязанные стороны, ставящие поэзию на то место, на которую греки ставили «теорию». Под «теорией» они понимали способность созерцать мир вещей во всей полноте и глубине, каким видит его Высшее существо (*Theos*); способность видеть мир, озаренный Солнцем, видеть его в свете, а не в сумраке Платоновой пещеры, где рождаются призрачные тени, вводящие в заблуждение. Населенная тенями Пещера мало чем отличается от Аида, царства мертвых. Теория в античном смысле этого слова – светоносна; это знание, равное божественному и доступное только философу. Поэзия Пушкина по отношению к петербургской культуре играет ту же роль, что и афинская философия Сократа – Платона – Аристотеля играла по отношению к античной культуре – роль ее смыслообразующего, ментального стержня. Без такого стержня все это богатство, как в калейдоскопе, рассыпается на бесчисленное множество раритетов, музейных экспонатов, вызывающих восхищение потомков и смутное, тоскливое чувство невозвратимой утраты. Писарев, лишенный способности воспринимать поэзию Пушкина

(да и любую другую, наверное), по-своему логичен, отправляя эту россыпь неведомо чего в музей. Пусть специалисты-антиквары разбираются в историческом хламе.

Поэтому для Гоголя всемирная отзывчивость поэзии Пушкина (и русской души, соответственно) не тождественна тяге к мировому господству, пусть и культурному. Русское у Пушкина (по Гоголю) означает способность слышать и чувствовать Бога не только в себе, как у Паскаля, но и в гармонии, охватывающей воедино и внешний мир, и внутреннее движение чувств. Это способность понять и охватить богатство культур, образующих многоцветье, называемое культурой мира, составляющих общее достояние человеческого рода. Охватить это богатство с какой-то высшей точки зрения, доступной лишь жрецам прекрасного, поэтам – подмастерьям Божественного Мастера. Потому-то Поэт выше царя, Поэт открывает народу и царю смысл национального бытия. Некоторые недоброжелатели после смерти Пушкина называли его деистом (Гоголь 1994с: 60–62). И надо отдать им должное: далекая от общепринятых стандартов вероисповедания пушкинская религиозность отдавала для них запахом серы. Но ухватили они эту специфику Пушкина, который оставался художником даже в вопросах веры, с такой точки зрения, которая, по выражению И. Бродского, была далека и от православия, и от эллинизма¹. Деизм, в котором они обвиняли поэта, здесь просто другое имя культуры Просвещения, под воздействием которой вырастает Пушкин, но вырастает на почве русской культуры. (Сто лет спустя патриоты сталинской выделки введут в идеологический оборот другое обвинение за сходное «преступление» – «космополитизм»). И когда Блок в январе 1918 г. (а в это время Франция и Германия сошлись в схватке не на жизнь, а на смерть) пишет: «Нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений», – в этом он следует Пушкину.

Неразрывная связь Пушкина и национальной души, которая нашла воплощение в его поэзии, прозе, исторических сочинениях, кратко выражается формулой «Пушкин – наше все». Но именно в силу краткости это высказывание стало трюизмом, бессодержательной банальностью. Приведем в его полном виде: «А Пушкин – наше все: Пушкин – представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами. *Пушкин* – пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организмами, все то, что принять следует, отбрасывавший все, что отбросить следует, полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности, образ, который мы долго еще будем оттенять красками. Сфера душевных сочувствий Пушкина не исключает ничего до него бывшего и ничего, что после него было и

¹ «Сегодня ночью я смотрю в окно / и думаю о том, куда зашли мы?/ И от чего мы больше далеки: / от православья или эллинизма?/ К чему близки мы? Что там впереди?/ Не ждет ли нас теперь другая эра?/ И если так, то в чем наш общий долг?/ И что должны мы принести ей в жертву?» (Бродский 1997: 167).

будет правильного и органически нашего. Сочувствия ломоносовские, державинские, новиковские, карамзинские, сочувствия старой русской жизни и стремления новой, – все вошло в его полную натуру в той стройной мере, в какой бытие послепотопное является сравнительно с бытием допотопным, в той мере, которая определяется русской душой. Когда мы говорим здесь о русской сущности, о русской душе, мы разумеем не сущность народную допетровскую, а органическую целость: мы верим в Русь, какова она есть, какую она оказалась или оказывается после столкновений с другими жизнями, с другими народными организмами, после того, как она, воспринимая в себя различные элементы, – одни брала и берет как родственные, другие отрицала и отрицает как чуждые и враждебные... Пушкин-то и есть наша такая, на первый раз очерком, но полно и цельно обозначившаяся душевная физиономия, физиономия выделившаяся, вырезавшаяся же ясно из круга других народных, *типовых* физиономий – обособившаяся сознательно именно вследствие того, что уже вступила в их круг. Это – наш самобытный тип, уже мерявшийся с другими, европейскими типами, проходивший сознанием те фазисы развития, которые они проходили, но побратавшийся с ними сознанием, – но вынесший из этого процесса свою физиологическую, типовую самостоятельность» (Григорьев 1990: 56-57). В нем, в русской натуре, сложившейся под его воздействием, продолжает Ап. Григорьев, находят оправдание и примирение «теперешние, столь враждебно раздвоившиеся сочувствия» (Григорьев 1990: 57-58).

Иными словами, литература Пушкина – не просто слепок с чего-то уже готового, завершенного. Это не копия сложившейся культурной формы, изготовленная художественными средствами. То, что называется национальной душой, народной личностью, в определенной мере – пушкинское творение, вырастает из него, сливается с ним и, прорастая далее, выходя за границы петербургской культуры, в нем находит один из питающих этот рост корней. Из этого следует, что обращение к Пушкину, его новое прочтение в изменившихся обстоятельствах – одно из необходимых условий национального самоопределения при *переменах* исторической судьбы нации: «Пушкин... укоренен в нашей исторической судьбе, как и она в нем. Говорить о Пушкине – почти то же самое, что говорить о России во всех возможных ее ракурсах. Но если так, то Пушкин заключает в себе источник и стимул нашего последующего духовного развития – может быть, на все времена» (Бурсов 1985: 125).

Читать Пушкина – ответ на вопрос Чернышевского: что делать? Новое поколение 1860-х выбрало другое – делать дело. От тургеневского Евгения Базарова до чеховского доктора Астрова протянулась эстафета бесплодных усилий что-либо переменить в русской жизни, не меняя ничего в себе, а напротив, пытаясь переустроить мир по мерке собственного Я. На этой дистанции, охватившей полвека – от начала реформ Александра II и до революции 1917 г., темп задавали нигилисты-революционеры; сходявшие же с нее погружались в привычное для русского интеллигента состояние апатии и тоски, ставшее национальной болезнью.

2. Советское как тип культуры. Гоголь – с одной стороны, Достоевский – с другой. Так закладываются в нашей классической литературе основы противоположных концепций русского, одна из которых (линия Достоевского) нашла свой отклик в советском. И принципиальная разность этих основ предопределена различными трактовками пушкинского творчества и культурного наследия Петербурга в целом. Или, по крайней мере, существенным образом с ними связана.

Достоевский, конечно, был далек от всего, что несли с собой «новые русские» 1860–70-х гг., он только предсказывал и ужасался, не замечая, что способствует общественной и культурной легитимации того, чего сам боится. Нигилизм и радикализм – перспектива, в створе которой появляется советское и которая обретет должный размах через полвека, в годы второй большевистской (сталинской) революции, изменившей уже не только политический режим, который сложился после Октября, в годы гражданской войны, но само лицо, а возможно и судьбу России. Но возникала эта перспектива в процессе перелома, который совершился в культуре русского города. И вклад в него внесли не только «новые люди» 1860–70-х гг., но и представители «почвенного», охранительно-консервативного направления, в том числе и Достоевский с его «Дневниками писателя».

Говоря о происхождении советского, следует отметить, что зарождается оно в результате «встречи» в социальном пространстве Города двух культур – деревенской и массовой городской культуры. Советское появляется как культура, особая по отношению к материнским, как третий культурный мир. Но, возникая на пересечении двух культур, советское сохраняет дистанцию по отношению к ним обеим, не включает их в свой состав в качестве «снятых» и «преодоленных», а предполагает известную степень их самостоятельности. Более того, самостоятельное постбытие материнских культур – условие возможности советского.

Асимметрия деревенской и городской культуры при безусловном доминировании Города – еще одно из условий возможности советского. У такой асимметрии давняя история, в нашем же случае речь идет о соотношении этих культур по оси «традиция – модерн». Оппозиция традиции и модерна – составная часть проблемы связи между прошлым и настоящим. Возникает эта оппозиция как ответ на вопрос, чему должно следовать новое поколение – обычаю или «моде» (Шацкий 1990: 281, 286–287). Ослабление или даже разрыв исторических связей между поколениями, одно из которых ориентируется на так называемое «будущее», отводя при этом другому роль защитника «прошлого», оборачивается дисфункцией в системе социальной коммуникации, затрагивая, в первую очередь, письменный язык, представленный литературой, и приводя к становлению нового дискурса. Появление нового дискурса разрешает конфликт между поколениями, институционально закрепляя разрыв между ними и задавая условия их сосуществования в едином (новом) социокультурном пространстве. Собственно, обновление дискурса и означает смену времен, переход от прошлого к

будущему, дает сигнал о конституировании нового социокультурного пространства. (Возможно, это частный случай для теории традиции, характеризующий культурную ситуацию, сложившуюся в России в последней трети XIX в., но именно он интересует нас в первую очередь.)

Возникая в поле противостояния традиции и модерна, советское, в строгом смысле слова, не является ни тем, ни другим и вместе с тем обнаруживает в себе не просто отдельные черты, но сущностные стороны и того, и другого. Это выглядит как некий исторический «вывих», выпадение из истории, отклонение от линии, соединяющей прошлое и настоящее. Небывалое и кажущееся невозможным и противоестественным сочетание в советском традиции, порой стародавней, и модерна, зачастую авангардного, ставит нас перед вопросом: не является ли советское особым миром – со своей онтологией, законами пространства и времени? Представляется, что утвердительный ответ на него – интеллектуальный оппортунизм, попытка уклониться от краеугольного для нашей темы вопроса: какова природа советского, имеет ли оно чисто русское происхождение или в его возникновении сыграло свою роль и влияние Запада?

Пересечение деревенской и массовой культуры в социальном пространстве Города эпохи «первой» индустриализации можно рассматривать как столкновение традиции (русских начал) и модерна (начал по преимуществу западных). На наш взгляд, это столкновение разрешилось специфическим синтезом, в котором определяющую роль сыграла традиция, но «перелицованная» с помощью материала модерна. Следствием встречи традиции и модерна стало кардинальное обстоятельство – актуализация общинной матрицы. Когда носители деревенской культуры – и поодиночке, и как сообщество – оказываются в ином, чуждом им социальном и культурном пространстве, общинная матрица выдвигается на передний план в роли основного фактора консолидации рассеянного социального множества сельских мигрантов, обеспечивает их адаптацию к новым условиям существования, *решающим образом способствуя рождению советского*. В процессе рождения советского под воздействием городской «новизны» меняется характер идентичности, которая прежде обуславливалась традицией. Произошел сдвиг от идентичности локального типа – территориально-земляческой, когда *Мы* – это узкий круг родственников и соседей, к идентичности «разомкнутой» – идентичности более универсального плана, культурной и политической. Ближайшее следствие такой перемены – социальная всеядность новой общности, открытой для представителей различных групп населения, от дворянства до городских низов, которые подверглись маргинализации в ходе Великих реформ, интенсивного формирования массовой культуры, индустриализации и других изменений в социальном пространстве Города, свидетельствовавших о втягивании российского общества, пусть и невольном, под давлением межгосударственной конкуренции, в общеевропейское русло модернизации. Маргинализация затронула практически все социальные слои пореформенной России, попавшие под каток перемен. Владельцы «вишневых садов», торговый класс (купцы Островского), низшие отряды государ-

ственной бюрократии, интеллигенция, двинувшие в город крестьяне, – словом, все «новые горожане» представляют собой огромную массу людей, затронутых деклассированием, выбитых волнами индустриализации/урбанизации из традиционных социокультурных «гнезд» существования, заброшенных в новый мир, где многое неизвестно и потому пугает, где все – с нуля и строится в расчете исключительно на личные качества и способности, где «местное» (родовое и земляческое) отжило свой век.

Смыслообразующим стержнем новой идентичности стала антикапиталистическая установка. Она ментально объединяла разрозненную массу маргиналов, задавала сходную картину мира и базовые мифы советского как особого типа культуры. Капитализм нес с собой рационализацию всех сторон жизни – и производства, и быта, и культуры, и религии. Речь при этом шла не только о вытеснении всего, что еще недавно было настоящим, актуальным и живым, в область прошлого, традиции. На повестке дня стоял вопрос о кардинальном сломе многовекового порядка и о подрыве базового принципа социального и культурного устройства русского общества – корпоративности. Капитализм, основанный на получении прибыли *путем добровольного* обмена равноправных субъектов, исключает корпоративный порядок, который обуславливал взаимопроникновение и взаимообусловливание власти и собственности, их соединение в целое. Этот порядок устанавливает способ распределения благ в соответствии со степенью причастности к власти и изначально предполагает как неравенство статусов внутри корпорации, так и кажущееся естественным неравенство самих корпораций, размещенных на ступенях иерархической лестницы, ведущей от основания пирамиды власти к ее вершине. Противодействие разных социальных слоев и групп разрушению основ корпоративного миропорядка, освященного нравственно и религиозно, сделало антикапиталистическую установку общим местом в духовной жизни русского общества. Ее влиянием не в меньшей степени, чем усилиями церковной иерархии, сковывались всякие попытки обновления традиционной религии (православия), встроенной в корпоративный миропорядок. (Не случайно такие попытки не вызвали особого сочувствия в образованном обществе, склонном, скорее, к атеизму, о чем свидетельствует, например, судьба Толстого, не услышанного обществом Лютера русского православия (Бибихин 2012: 40)). Непрямым проявлением становления антикапиталистической установки можно считать и критику философии «русского черта», Канта, распространенную в эпоху Великих реформ и позднее.

То обстоятельство, что капитализм предполагает определенные этико-религиозные предпосылки, специально отмечал М. Вебер: «Ибо в такой же степени, как от рациональной техники и рационального права, экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически рационального *жизненного поведения*. Там, где факторы душевной природы ему препятствуют, там развитие *хозяйственно-рационального* жизненного поведения наталкивается на сильное внутреннее противодействие. В прошлом

основными формирующими жизненное поведение элементами повсюду выступали магические и религиозные и основанные на вере в них этические представления о долге» (Вебер 1990: 55-56). Но в случае антикапиталистической установки речь идет даже не об отрицании протестантской этики, связанной, согласно М. Веберу, с духом капитализма, или чего-то подобного ей, а о чем-то более глубинном – о неготовности этих слоев и групп принять новый порядок, предполагающий свободу и равноправие всех без исключения членов общества, отказаться от корпоративных привилегий и прав, даже если вытекающие из них преимущества являются фиктивными, стали данью традиции. Отживающая свой век традиция против духа модерна – такова культурная основа антикапиталистической установки.

Закреплению этой установки в массовой культуре способствовала литературная деятельность Горького и близких к нему писателей дореволюционной и особенно послереволюционной поры. Благодаря, в первую очередь, произведениям Горького, теоретические и политические принципы социалистов-радикалов получили массовое распространение и социокультурную легитимацию, помимо которой не мог бы обрести массовое бытование революционно-диалектический дискурс. Новая идентичность, которая складывалась на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до 1940-х гг., и получила закалку в трудные годы Отечественной войны и послевоенных лет, придала советскому черты модерна: обусловила большую открытость советского внешнему миру, привела к значительному снижению уровня страхов и комплексов по отношению к «чужому», породила стремление не просто войти в Большой мир, но играть в нем ведущую роль.

Под воздействием общинной матрицы и по ее образу и подобию культурная традиция кардинально видоизменяется, но – и это принципиально – реконструируется она в условиях уже посттрадиционного общества, в условиях модерна и из материала его культуры. В нашем случае – в социальном пространстве модернизирующегося русского города, куда хлынула крестьянская масса, перемешивавшаяся с маргиналами из других социальных групп. И это уже – *другая* традиция, отличающаяся от прежней, и от деревенской культуры села, и от мещанской культуры города XIX в., которые она замещает и вытесняет в условиях Современности. Точнее было бы говорить о *других* традициях, ибо то, что появляется в качестве традиции, подпиравшей советское как тип культуры «снизу», от «имени» прошлого, зарождается вместе с советским – как важная составная часть явления нового – в виде «веера» возможностей, получающего большую или меньшую определенность под воздействием возникающего советского и по мере его формирования. И здесь уместен другой вопрос: на самом ли деле это традиция – или это новообразование, маскирующееся в одежды старины и выполняющее функцию традиции? Ответ прост – это советское в его начальной, еще неразвитой форме, а является ли оно продолжением традиции или новообразованием – вопрос праздный. Здесь и то, и другое сразу.

Советское конструирует «свою» традицию как ключевую опору существования на собственной основе и подвергает ее пересмотру, как только

меняются внешние условия его существования или целевое назначение. Одним словом, традиция (традиционализм как установка) является подвижной и, вопреки определению, «переменной» частью советского как культуры, неотделимой и производной от него. И вследствие специфического соотношения с культурной традицией советское «выглядит» и демонстрирует себя как нечто самопорожденное и не имеющее непосредственных предпосылок в прошлом. Для последнего же возникновение советского равносильно историческому приговору, практически обрекающему его на полное уничтожение. Под таким углом зрения большевики осмысливают тезис Маркса о коммунистической революции пролетариата, совершающего исторический прыжок из царства необходимости в царство свободы.

Но какова же природа советского, если оно не является особым бытием наряду с деревенской и городской культурами и не имеет «своей» онтологии? Природа советского – в его функциональности; это такая «сущность», которая не предшествует существованию, а специфическим (а именно – телеологическим) образом присутствует в нем, придавая существованию характер чего-то возвышенного и устремленного в будущее. Говоря иначе, советское – это феномен, утративший свой ноумен, точнее, изначально его не имевший, это нечто, пытающееся представить себя как самопорожденное и осознающее себя в данном качестве. И в силу этого оно обречено на постоянное обновление по мере изменения внешней среды существования и под воздействием импульсов, идущих из будущего. Советское не имеет своей онтологии в привычном значении этого слова, ее место занимает квазифеноменология как отражение, копия несуществующего образца. Это копия Утопии – того, чего еще нет. То, что их противники называли утопией, сами большевики считали научно обоснованным предвидением. Е. Шацкий отмечал, что истолкование социальной утопии как научного эксперимента, как смелого проекта, ломающего устоявшие границы картины мира, принадлежит Э. Маху (Шацкий 1990: 31-32).

Примечательно, что самым последовательным сторонником Маха среди русских революционеров был Богданов, разработавший целую философскую систему под названием «эмпириомонизм». Единомышленник Богданова, создатель доктрины социалистического реализма Луначарский рассматривал возникновение нового мира как результат действия «идеологического центра», который, по его словам, возвышается над действительностью, «подтягивая» последнюю вверх (Луначарский 1982: 283). Задача «возвышения» действительности, конструирования будущего в большой степени решается средствами искусства. По крайней мере, художественное преобразование, «украшение» реальности занимало важное место в бытовании советского: «Это открывает доступ элементам, строго говоря, выходящим за формальные рамки реализма, но нисколько не противоречащим реализму по существу, потому что это не уход в мир иллюзии, а одна из возможностей отражения действительности – реальной действительности в ее развитии, в ее будущем» (Луначарский 1982: 283). Но в любом случае образец недосягаем, он размещен где-то впереди, а каждый шаг к нему –

лишь приближение, улучшенная (по сравнению с предыдущей) копия, очередной черновик, обреченный на переделку, поскольку между действительностью и образцом сохраняется неизбывный зазор. Образец принадлежит миру идеологической Утопии, и потому связь копии с образцом не является причинно-следственной. Это антиципация, облакаемая в скудный, ограниченный материал наличной реальности.

Социалистический реализм появляется с определенной необходимостью в результате последовательного наложения принципов революционно-диалектического дискурса на область литературы, где существенное место занимали идущие от Гоголя и Достоевского приемы фантастического реализма и сравнительно новый для России жанр научной фантастики, социальной и технической одновременно. Может быть, это секулярная форма русской сказки, возродившейся в новом культурном материале. Такие особенности советского позволяют характеризовать способ его существования как идеологическое конструирование, как производство, точнее, телеологически детерминированное осуществление утопии-образца. Сам же образец всякий раз перекраивался, и не только по политическим мотивам, но и в зависимости от изобразительной силы таланта тех мастеров культуры, которые поставили свое перо на службу режиму, взяли на себя небывалую для классической литературы ношу – быть инженерами человеческих душ. «Нет у меня для вас других писателей!» – отвечал Сталин на критические замечания недовольных.

Вопрос о бытовании советского как самостоятельной цивилизации имеет еще одну грань, шпенглеровскую: не является ли эта цивилизация локальной? Сталинская попытка построить социализм в России независимо от сроков мировой революции и с опорой на местные основы как будто бы служит аргументом в пользу утвердительного ответа. Но можно ли пренебречь международным контекстом перехода России к социализму, не рискуя вообще отказаться от учения Маркса, теперь уже открыто? И где границы самобытности советского, если само понятие культуры предполагает соотнесение внутренних основ существования того или иного общества с внешними условиями, обстоятельствами и силами? Выход из этой ситуации мы видим в том, чтобы рассматривать советское как *проект* цивилизации, формально очерченной и обособленной от другой (западной), но в основном посредством запретов и отрицаний, то есть доказывающей свою самость *негативно*. Позитивное же самоутверждение и самообоснование советского существенно ограничивается отсутствием собственного (оригинального) культурного потенциала, тем, что советское «питается» отраженным светом западного модерна и материалом материнских культур. Советское не локальная цивилизация в духе Шпенглера, но маргинализованное общество, культура, которая пытается разорвать связь с материнскими культурами в надежде встать на ноги, обрести самостоятельность и собственное лицо.

С другой стороны, попытка разорвать связь с материнскими культурами была бы для советского равносильной самоубийству. Поэтому обосо-

бление советского от своих предпосылок, от прошлого как такового совершалось символически, в форме ритуала. В первую очередь – посредством переименования всего и вся, дублировавшего христианское крещение – обряд перерождения *ветхого* человека в нового, получающего и новое имя. Собственно, уже широко распространенное в дореволюционном подполье использование псевдонимов (Ульянов – Ленин, Малиновский – Богданов, Бронштейн – Троцкий, Джугашвили-Сталин) было шагом в мир новой культуры. Не случайно возникновение советского совпадает по времени с интенсивным обсуждением тематики имяславия и имяборчества в богословии и религиозной философии, с разработкой философии имени в трудах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, В.Ф. Эрн, А.Ф. Лосева. Сделанный ими вывод о субстанциальной связи имени (слова) с вещью, о том, что наименование вещи есть акт ее сотворения из Ничто, так или иначе отвечал духу нарождающегося советского, накладывал определенный отпечаток на самосознание носителей новой культуры, придавал философскую основательность и известную степень легитимности идеям и принципам советского, порождал видимость его преемственной связи с высокой культурой Петербурга. К тому же этот вывод не нес в себе чего-то принципиально нового, поскольку, как уже указывалось, петербургская культура с самого начала отличалась литературоцентричностью. Осмысливая стихию русской революции, Бердяев подчеркивал, что многое из того, что заполняет сцену современной жизни, перешло сюда из прежней России, что «нигилистические бесы» – как и другие образы, рожденные литературой, – сошли с книжных страниц в русскую жизнь еще в XIX в. и ожили в мутных стихиях революции, несущих насилие, разрушение и зло: «Россия, раскрывавшаяся ее великим писателям, Россия Гоголя и Достоевского может быть обнаружена и в русской революции. <...> По-разному раскрывалась им Россия, художественные методы их противоположны, но у того и у другого было что-то пророческое для России, что-то проникающее в самое существо, в самые тайники природы русского человека» (Бердяев 1991: 251-252). (Это может показаться чем-то малозначимым, но эпиграфом к статье Бердяева служат строки Пушкина: «Сбились мы. Что делать нам? / В поле бес нас водит, видно, / да кружит по сторонам» («Бесы»). И, может статься, водит нас до сих пор.)

В продолжение хотим подчеркнуть, что нигилизм и бесы – феномен культуры Петербурга, его тень, и исчезают они вместе с Петербургом. К миру петербургской культуры, к ее теневой стороне принадлежали, например, эсеры, Савинков и даже – Азеф. Эсеры – поколение, наследовавшее идеи и террористическую практику «Народной воли»; они пережили исторически отведенное этим идеям время и лоб в лоб столкнулись не просто с новой формацией революционеров в лице большевиков, а с чем-то культурно чужеродным, с выходящим на свет советским. Точно таким же культурным «осколком» Петербурга был и Ленин со своей гвардией революционеров-подпольщиков, обреченных на уничтожение не только политическое, но и физическое начиная с середины 1920-х гг., сразу после смерти Ленина. Все они – и эсеры, и меньшевики, и большевики-ленинцы – оказались чуждыми

по своей культурной генетике, культурному коду тому партийному активу, который идейно, политически и социально вырос и поднялся в годы гражданской войны и привел к власти Сталина и ему подобных. Это был конфликт не поколений, но культур, своего рода столкновение цивилизаций – старой, уходящей, и новой, нарождающейся. Попытки разделить старых («ленинцы») и новых («сталинцы») большевиков по возрасту, по времени вступления в партию (до и после 1917 г.), по этническому составу (русские или «иностранцы»), по методам решения практических задач («шаг за шагом» или «кавалерийским наскоком»), по мировоззрению (революционные идеалисты или прагматики) оказались безуспешными. Показательно, что две трети представителей политической элиты (членов ЦК), выдвинувшихся после 1923 г., были репрессированы в годы Большого террора. Наиболее значимыми индикаторами различия стали социокультурные: происхождение (выходцы из средних или низших классов), место рождения (город или село), уровень образования (подробнее об этом см.: Модсли, Уайт 2011: 86-92).

И потому видеть в террористической политике Сталина продолжение нигилизма и революционной «бесовщины» нечаевского толка или прямое и непосредственное осуществление «дела Ленина», в верности которым, и делу, и Ленину, публично клялся Сталин в январе 1924 г., – значит осуществлять теоретически некорректную операцию и вырывать эти феномены из той культурной почвы, где только и возможно их органическое существование. В пространстве и времени иной культуры мы находим лишь их имитации, подражания, маски «театра Иосифа Сталина». «...Политический театр зародился при Ленине, но именно Сталин превратил его в универсальное орудие оглушения народа и внедрения массового психоза, выработав особые каноны, регламент и стиль. В процессе становления театра расцвел талант Сталина-драматурга, режиссера, актера. На всем, что происходило в стране, лежит печать многоликого лицедея» (Антонов-Овсенко 2000: 3). Всякая революция, говорил Бердяев, есть маскарад, скрывающий старые, знакомые лица, тогда как «новые души рождаются позже, после глубокого перерождения и осмысливания опыта революции» (Бердяев 1991: 251). Эти «новые души» сигнализируют о взрослении советского, они олицетворяют особый тип культуры, включающий в себя и новый человеческий тип. Именно этот тип человека стал своеобразным историческим могильщиком Петербурга – и его высокой культуры, и революционного подполья как теневой суб(контр)культуры. Впрочем, об этом давным-давно писал Г.П. Федотов (Федотов 1991а; Федотов 1991b). Во всяком случае, идея конфликта культур, уходящей петербургской и становящейся советской, который шаг за шагом раскалывал революционный лагерь в ходе революции и гражданской войны и в период «строительства основ социализма» в России, может стать дополнительным аргументом против так называемого «тезиса непрерывности», согласно которому сталинизм есть закономерное продолжение и завершение ленинизма (Коэн 1989). На наш взгляд, принять этот тезис – значит поверить Сталину на слово.

3. В перекрестье локального и всемирного: культурный код советского. Обсуждая проблему возникновения и последующей эволюции советского, мы должны еще раз подчеркнуть, что условием того и другого является связь советского с материнскими культурами, с прошлым. Причем связь амбивалентная, двойственная, которая заключает в себе и отрицание прошлого, и, одновременно, его продолжение-наследование. В строгом смысле слова началом, отделяющим советское, его от предшествующих культур, является его культурный код. В силу функционального характера советского как бытия-впереди-себя оно по существу совпадает с собственным культурным кодом. Код здесь – главное, это инвариантное, матричное, порождающее начало в структуре советского, сходное с формальной причиной у Аристотеля. По отношению к нему все остальное – переменное, оно прилагается или отбрасывается в зависимости от условий пространства и времени. Реальность в ее конкретных проявлениях – это сырье, поверх которого и независимо от которого существует советское, – существует как чистая структура, способная упорядочить любой культурный материал. И существует именно в виде кода, перерождаясь и возрождаясь в новых оболочках, при самых крутых поворотах и переменах. Материнские же культуры наряду с жизненным материалом повседневности – основной субстрат для строительства советского.

Как и советское в целом, его культурный код двусмыслен, заключает в себе динамическую двойственность. С одной стороны, в коде просвечивает образец, телеологически детерминирующий процесс новообразования. Код представляет в настоящем утопию, идеологический образ желаемого будущего и определяет тем самым цель и перспективу движения, его генеральную линию, придавая этому движению возвышенный характер, характер творения исторически нового, небывалого и неслыханного по своей мощи и дерзости замысла. С другой же стороны, он несет в себе установку на аннигиляцию, на «ничтожение», опустошение реальности. В этом втором случае код заключает в себе Пустоту как некую формальную структуру, порождающую отсутствие. Но порождающую таким образом, что за этим отсутствием проступает то, что подвергается ничтожению, проступает былое присутствие, проступает прошлое, вырванное из череды времен, лишенное характера (прошлого) времени, превращающееся в беспорядочную, калейдоскопичную россыпь обломков. Здесь Пустота – культурная воронка, втягивающая в себя всё и вся.

Психологический коррелят Пустоты – чувство тоски, охватывающее русского человека петербургской культуры, как только он, пытаясь вырваться из рутинной круговерти светских (и не только) *обязанностей*, задумывается над смыслом жизни в поисках *своего* предназначения, *своего места* в мироздании. Это мы видим и на примере героев Чехова, и гораздо раньше, у лермонтовского Печорина и даже у Онегина: «...русская хандра им овладела понемногу» – это в Петербурге, но и в деревне, куда отправился Онегин, «хандра ждала его на страже, и бегала за ним она, как тень иль верная жена». Человек Петербурга все время – не у себя, все время – не на своем месте. Это не «лишний человек», как его определял

Белинский, это человек в отсутствие свободы, человек *без основы*, утрачивающий почву под ногами, выпадающий из времени, из настоящего, из реальности.

Пустота кода – выражение его универсальной всеядности и функциональности, его способности формобразовать любой материал и в любых условиях. И на той («будущее») и на другой («прошлое») стороне кода – отсутствующее присутствие: на стороне будущего – в виде утопии, трансцендентального образца, на стороне прошлого – в виде ничтожащей Пустоты. Но отсутствие присутствия означает тотальную аннигиляцию – времени, пространства, самой реальности. Код, а точнее, непосредственный процесс творения новой культуры вырывает человека из жизненного потока, приподнимает над ним, рождая чувство полного, ничем не ограничиваемого господства над пространством и временем.

Полнота господства над реальностью – эквивалент (или суррогат?) полноты бытия, к которой стремился человек предшествующей культуры. Во всяком случае, переживание власти как сверхценности не просто компенсирует чувство утраты, исчезновения прошлого, оно становится онтологической силой, преобразующей действительность и придающей культурному коду действенность и цельность. Стремление к власти как сверхценности образует неявную основу, под влиянием которой видоизменяется, переплавляется и оборачивается (порой наизнанку) содержание заимствуемых извне материалов в качестве составных частей новой культуры. Власть как движущая сила, как энтелехия советского заполняет пробелы в культурных основаниях его бытия, дает путеводную нить в ситуации социокультурной дезорганизации и неопределенности. И в этом советское является прямым наследником общины, ее реинкарнацией в культурном пространстве города, заимствуя общинную матрицу – потестарность как господство корпоративности, господство коллективного начала, в лице выборного органа, над индивидом. Потестарность осуществляется в границах советского в виде принципа самодержавия, полномостия, унаследованного, в свою очередь, общиной-корпорацией от породившего ее самодержавного государства и переданного общиной своему преемнику, советскому.

Благодаря коду упорядочивается та игра равновероятных возможностей, которая, согласно Ницше, делает неизбежными «вечное возвращение», переоценку ценностей и в своем радикальном выражении – обесмысливает налично существующее (Эко 2004: 25-27). Игра равновероятных возможностей, нечто вроде исторического конкурса проектов советского, сопровождала становление нового типа культуры, и в этой игре обнаруживается влияние на процесс становления со стороны, как писал У. Эко, его глубинного первоисточка, когда «открывается... неструктурированная и неструктурируемая без-основность» (Эко 2004: 25). И надо отметить, что первый очерк этой проблемы можно найти в русской философии начала XX в., где в связи с темой свободы и творчества, обновления культуры (и задолго до Хайдеггера) интенсивно обсуждались идеи «беспочвенности» (Л. Шестов) и *Ungrund*, без-основного (Н. Бердяев).

Здесь мы видим почти кантовскую ситуацию: с одной стороны, описываемый нами мир феноменов, а с другой – некая вещь сама по себе, присутствие которой мы открываем «на кончике пера» и о которой можем говорить лишь на языке апофатики – *без-основность*. Но именно «почти»: используя образ вещи самой по себе, Кант демонстрирует поверхностный характер притязаний человеческого разума, неспособного охватить собственными средствами полноту Бытия, тогда как *без-основное* есть другое имя Ничто. И это совсем иная ситуация, ницшевская, смысл которой не в вероятностно-условном (и уж точно не в причинно-следственном) соотношении феномена и ноумена, а в том, что *без-основное*, словно крупье в казино, смахивающий со стола результаты только что закончившейся игры, возвращает любой процесс к исходному состоянию. Что стоит за вечным возвращением – античная ли Судьба с ее неведомым человеку Законом или отсутствие всякого Закона, Отсутствие как таковое?

Это вопрос, способ решения которого предопределяется онтологией, присущей тому или иному типу культуры, античной, новоевропейской (Кант) или зародившейся на переходе от XVIII к XIX в. современной культуры, отличительная черта которой – появление человека в новом качестве. Согласно М. Фуко, в эпоху ставшего модерна под «человеком» понимается не «человеческий род», не специфическая «природа», а «...некий разрыв в порядке вещей», породивший «все химеры новых типов гуманизма, все упрощения “антропологии”, понимаемой как общее, полупозитивное, полупилософское размышление о человеке» (Фуко 1994: 36). Это человек, существование которого то ли предшествует сущности, как утверждал Сартр (Сартр 1989: 321–323), то ли вообще держится на его способности обустроиваться в мире, то есть конструировать реальность в отсутствие какой бы то ни было основы, кроме веры – естественной, религиозной или философской. И Кант готовил этот переворот, который заранее, может быть даже и не подозревая о его истинных масштабах и последствиях, назвал *коперниканским*, заявив в «Критике чистого разума» о намерении ограничить притязания разума, чтобы освободить место для веры (Кант 1994: 24). Данное заявление было вызвано предчувствием неслыханных перемен в основаниях научного знания, но случившееся превзошло все ожидания кенигсбергского профессора.

Непредвиденное следствие коперниканского переворота – смещение онтологической проблематики от Бытия к Ничто, ставшее очевидным с момента появления философского нигилизма в лице Ф. Ницше. Это смещение было спровоцировано вторжением в пространство знания концепта «человек». Сам же факт его появления – сигнал о радикальном изменении строения сферы знания, гуманитарного и социального в первую очередь. Обнаруживается это изменение в том, что познающее мышление обретает качество историчности¹, и, соответственно, в том, что формируется новый взгляд на историю, допускающий возможность для любого отдельного

¹ С точки зрения Фуко, Кант был первым философом, который устранил границу между метафизикой и историей, рассматривая событие через призму «здесь» и «теперь» и соединяя универсальное и историческое (Фуко 2006: 173–174).

объекта иметь «свою», локальную, историю. Условие данной возможности – двойной разрыв, которым отмечено существование данного объекта: во-первых, его обособление «от длинной хронологической непрерывности, возводившей непосредственные взаимосвязи...» подобных частных объектов «...к самым их первоистокам», а во-вторых, освобождение «...из общего пространства представлений» (Фуко 1994: 317). Это означает, что «частная», неуниверсальная история отныне не является параграфом или главой всеобщей истории и должна иметь собственную теоретико-методологическую основу и концептуальный язык. Единый язык исторического описания, равно как и всеобщая история с ее универсальными законами, остается в прошлом. Идея «исторического индивидуума» и обоснование теоретико-методологической специфики гуманитарного знания в сравнении с естествознанием (в работах неокантианцев, Г. Риккерта например) закрепляют переход к частным моделям в исторической науке в конце XIX в.

Тенденция к построению «частных» историй, отчетливо проявившаяся в концепции локальных цивилизаций (Н. Данилевский, О. Шпенглер), а также актуализация проблематики Ничто, без-основного (Ungrund), беспочвенности под воздействием работ Ницше и кризисных явлений в науке («исчезновение материи» в физике, «кризис оснований» в математике), порожденных надломом классической парадигмы, – все это приводило к методологическому уроку-предупреждению, предостерегающему от попыток укоренить тот или иной тип культуры непосредственно в Бытии, вывести так называемую объективную необходимость его возникновения и существования в качестве непреложного закона Истории. Новые философские идеи и принципы проникли в интеллектуальную среду русских социал-демократов, оттолкнув некоторых из них от марксизма (причем самых талантливых – С. Булгакова, П. Струве, Н. Бердяева) и породив так ничем и не закончившуюся дискуссию между ортодоксами (Ленин, Плеханов) и сторонниками махизма (Богданов, Луначарский и К^о). Ожесточенный, бескомпромиссный, особенно со стороны Ленина, характер, казалось бы отвлеченной, дискуссии обнаружил принципиальное различие среди большевистских вождей в подходе к советскому – новому феномену, возвестившему о себе в годы первой русской революции и изменившему самим фактом своего появления расстановку действующих сил, задачи и границы возможного в русской революции.

Неявным предметом дискуссии стал вопрос об основаниях новой культуры – должна она опираться на достижения мировой цивилизации, как писал позднее Ленин в статье «Карл Маркс», вместе с марксизмом продолжая и завершая ее историю, или вырастать из социально организованного опыта пролетариата (Пролеткульт) и строиться на решительном разрыве с прошлым (Богданов). Характерно, что при всех разногласиях в философии большевики после Октябрьской революции действовали в области практической политики единым фронтом, поставив условием возможности нового решительное разрушение старого. Для них строительство нового было конструированием на основе отрицания-аннигиляции, на основе Ничто. В годы революции и гражданской войны политическая практика Ленина в

большей степени соответствовала философским взглядам Богданова, чем Энгельса. Отсюда его установка на первенство политики перед экономикой в эпоху диктатуры пролетариата. Неожиданный для многих поворот к НЭПу был вызван, помимо узко практических (но очень важных для выживания народившегося советского) причин, еще и частичным возвращением к классическому марксизму, стремлением реабилитировать в условиях мирного развития принцип первенства экономики как базиса общественной жизни.

Код советского складывался в живом опыте переустройства общества. Он стал результатом конвенции, используемым (и в этом его главное значение) для конструирования нового культурного универсума. Вплотную к решению этой задачи большевики приступили после XVI съезда ВКП(б), провозгласившего необходимость решительного наступления социализма на всех фронтах, включая и культуру. Новый культурный код возникает вместе с советской литературой, родоначальником которой был Горький, и утверждается по мере институционализации ее как литературы социалистического реализма. Если угодно, учредительным документом такой институционализации советской литературы могут служить материалы Первого съезда писателей, а формальным актом заключения «общественного договора», согласно которому социалистический реализм получил статус основного метода художественного творчества, стало принятие устава Союза писателей. Естественно, что, во-первых, этот процесс имел предысторию, был протяженным во времени и, во-вторых, неформальная сторона становления новой литературы имела большее значение, чем ее официальное организационное закрепление. Существует вполне зримая параллель между официальными идеологемами из «Краткого курса ВКП(б)» 1938 г. и образами-тропами из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924). И объясняется это неслучайное совпадение тем, что, согласно Ю. Карабчиевскому, Маяковский дал язык безъязыким вождям и массам: «Он дал этой власти дар речи. Не старая улица, а новая власть так бы и корчилась безъязыкая, не будь у нее Маяковского. С ним, еще долго об этом не зная, она получила в свое владение именно то, чего ей не хватало: величайшего мастера словесной поверхности, гения словесной формулы» (Карабчиевский 1990: 44). Это был первый поэт советской эпохи не по выбору Сталина, а – по праву: «Ко времени пришествия Революции Маяковский, единственный из всех современников, был уже готовым ее поэтом. И дело тут не в идейной его подготовленности, которая, кстати, очень сомнительна. <...> Но все это не имеет никакого значения, здесь важно другое.

К семнадцатому году молодой Маяковский оказался единственным из известных поэтов, у которого не просто темой и поводом, но самим материалом стиха, его фактурой были кровь и насилие» (Карабчиевский 1990: 16).

Может показаться, что мы недооцениваем роль экономики или даже пренебрегаем ею и преувеличиваем значение культурных факторов в процессе становления и оформления советского. Но дело в том, что так называемые объективные факторы, а это не только экономика, но и политические

системы и социальные структуры, лишь создают условия и возможности исторической динамики. Выбор же тех или иных вариантов действия, принятие решений и, соответственно, их осуществление остаются за людьми – обстоятельство, хорошо известное уже Ф. Энгельсу, оставившему крылатую фразу: «История есть не что иное, как деятельность человека, преследующего свои цели» (Маркс, Энгельс 1955: 102). Точкой же опоры для человеческого выбора служит культурное наследие, обуславливающее коридор исторически возможного, или «историческую колею» – институционально закреплённый способ жизни и деятельности общества, который воспроизводится в течение определенного отрезка времени и с большой вероятностью (*en masse*) предопределяет ход и общую направленность различных процессов. «Культурное наследие формирует искусственную структуру (убеждения, институты, инструменты, технологии), которая не только играет существенную роль в определении тех непосредственных выборов, которые делаются игроками в обществе, но и дает нам ключи к динамическому успеху или поражению обществ во времени. В сущности, чем богаче искусственная структура, тем ниже степень неопределенности процесса принятия решений в некоторый момент времени. В исторической перспективе чем богаче культурный контекст в смысле предоставления возможностей для разнообразных экспериментов и творческой конкуренции, тем больше шансов на успешное выживание имеет общество» (Норт 2010: 61). Культура как фабрика знания, научного и социального (опыта), играет ведущую роль в социальном конструировании реальности. Парафразируя Д. Норта, можно сказать, что культура имеет значение по определению, а в переломные времена исторических переходов – *первостепенное значение*.

И Ленин понимал это лучше многих своих оппонентов, разделяя в политике подход Богданова и рискуя при этом порвать с традицией классического марксизма, навешивая на ее хранителей-ортодоксов – Плеханова и Каутского – ярлык ренегатов (Ленин 1974: 164). Трезво сознавая, что ни экономических, ни социальных, ни даже политических предпосылок и условий перехода России к социализму в то время не существовало, он предлагал, захватив государственную власть *вооруженным* путем, путем революционного *насилия и террора*, достраивать отсутствующие – с точки зрения классического марксизма – условия социализма в России в культурной работе, посредством внесения начал европейской цивилизации в самую толщу деревенского труда и быта. «У нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной...» (Ленин 1975b: 377). Подобная революция, по Ленину, решает главную задачу – «культурную работу для крестьянства»; это «...целая полоса культурного развития всей народной массы» (Ленин 1975b: 376, 372). Но отсюда следует, что Ленин, признавая роль культуры в становлении и укреплении социализма, рассматривал советское в служебном отношении, как социальное пространство для рас-

пространения и эффективного использования в социалистическом переустройстве России богатств европейской (мировой) цивилизации. В плане же текущей политики он видел в советском феномен по большей части политический, модель нового государственного устройства, федеративного по своему духу. Сталин, по существу, был первым, кто осознал собственно культурный потенциал советского и придал вопросам культурного строительства значение не меньшее, а со временем и большее, чем задачам индустриализации и коллективизации.

Новый подход к советскому неявно опирался на посылку, согласно которой культурный код и советское как тип культуры совпадают. Совпадают в определенном ракурсе, а именно когда мы рассматриваем советское как *проект*, детерминирующий и направляющий попытки постепенного, пошагового приближения общественного устройства к трансцендентальному образцу и тем самым смягчающий (но не устраняющий до конца) принципиальное различие между образцом и реальностью. Взятое как проект, советское выступало в качестве кода или совокупности правил, в соответствии с которыми конструировалась и упорядочивалась новая социальная реальность. Конструировалась из разнородных материалов, которые, сцепляясь друг с другом, обретали в этом сцеплении идентичность, ментально обусловленное «сродство», переживаемое как чувство общего высокого назначения, миссии всемирного масштаба: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» (М. Светлов). Структурно-смысловым «ядром», точкой порождения и поддержания новой идентичности был культурный код, служивший функциональной заменой отсутствующему «изначальному», мифическому «первоистоку» (Эко 2004: 29). Во-первых, он придавал легитимный характер правилам, в соответствии с которыми в пространстве настоящего конструируется новая реальность, а во-вторых, утверждал необходимость изменения этих правил по мере их воплощения, – необходимость того, что на языке политики называется изменением стратегического курса, «генеральной линии». Наличие у кода идентифицирующей функции придавало советскому качество системы с рефлексией: идеальный носитель советского должен был обладать способностью не просто следовать образцу и вытекающему отсюда набору правил, но, осмысливая изменения, «отклонения» от предписанного, сопоставляя накапливаемый опыт действия в изменяющейся среде с образцом, формулировать новые правила и новые пути движения в направлении образца. Таким правом, разумеется, обладает один-единственный субъект. Им может быть вождь или группа лиц, осуществляющая «коллективное руководство», – в зависимости от обстоятельств, которые на фоне истории советского выглядят как эмпирические.

Философская схватка Ленина с Богдановым, вспыхнувшая в атмосфере идейных шатаний и политического разброда в лагере большевиков после поражения революции 1905–1907 гг., через два десятка лет, когда завершалось становление советского, принесла свои плоды – догматическую интерпретацию культурного кода советского в 1930-е гг. Победа на философском

фронте так называемого диалектического материализма, опирающегося на «Материализм и эмпириокритицизм» и официально декретированного в «Кратком курсе истории ВКП(б)», восстановила «в правах» онтологию, научную картину мира, методологию и язык философии и науки первой половины XIX в., то есть, по сути, законсервировала, объявив высшим и непревзойденным эталоном научности, ту парадигму, в рамках которой сложился классический марксизм, в первую очередь теоретические взгляды Маркса и Энгельса, подвергнутые догматизации. В свете этого поворота советское и его культурный код стали рассматриваться как выражение объективной закономерности не только русской – как в 1930-е гг., но и всемирной истории – как в конце 1940-х, когда на волне патриотического подъема, вызванного победой в Великой Отечественной войне, была развязана идеологическая кампания по борьбе с космополитизмом и сделана попытка национализации достижений мировой культуры. Но у этой кампании был более глубокий замысел, а именно повторное обращение советского к потенциалу интернациональной идеи в ее неклассовой версии – как идеи единства человеческого рода, попытка объявить советское выражением глубинной сути всемирной истории, принципиально новым проектом мировой цивилизации и современного гуманизма.

Литературным предвестием этого поворота, предугаданного Л. Леоновым еще в первой половине 1930-х гг., стал его роман «Дорога на Океан», наполовину реалистический, наполовину фантастический. Как отмечено в аннотации к роману, «... философский образ Океана воплощает в себе дорогу в Будущее, в воображаемую страну, и всечеловеческое добро и справедливость, и символ и смысл жизни» (Леонов 1977). Соединяя критическое, зоркое к деталям описание повседневной реальности советского начала 1930-х гг. и фантастическую картину всепланетной борьбы сил добра против носителей зла, своего рода революционно-коммунистический апокалипсис, этот роман бесспорно талантливого писателя мог бы служить образцовым произведением социалистического реализма, даже – учебным пособием для вступающих в литературу. И он же показывает, насколько тонкая грань отделяла литературу собственно научно-фантастическую от бытописания, производственного романа и тому подобной типовой литературы советского времени. Все они рождены в определенной духовной атмосфере и пронизаны сходным идейным стержнем – стремлением «приподнять» реальность, найти в ней духоподъемную силу, выводящую героев в новый мир, будь то Космос, коммунизм, передовой завод или образцово устроенное коллективное хозяйство в русской деревне.

Возникая в русле тенденции к локальным, частным моделям истории, советское по мере догматизации культурного кода попыталось осознать и представить себя миру в качестве всемирной цивилизации, интерпретировать собственную (частную) историю с точки зрения универсального, как подлинное и завершенное выражение общеисторической закономерности движения человечества к царству свободы (как бы оно ни называлось), не избегая при его описании коннотаций, почерпнутых из христианства. Перетолковывая собственные исторические перспективы на языке классиче-

ской науки XIX в., возвращаясь, в числе прочего, к идее интернационализма, советское искало баланс между полюсами локального и всемирного, все более и более склоняясь к последнему. Этот сдвиг был закреплен в тезисе о всемирно-историческом значении Октября, а после 1945 г. – в утверждении о решающем вкладе Советского Союза в победу над Германией и Японией, в победу сил прогресса во Второй мировой войне. Впрочем, оба эти тезиса оставляли возможность двоякого, в зависимости от ситуации и политических целей советских вождей, истолкования: от националистически-патриотического, выдвигающего на передний план «свое» (русский характер, например), до всемирно-исторического (признание решающего значения совместных усилий всех антифашистских сил: и народов, и правительств, и лидеров – Сталина, Черчилля и Рузвельта).

4. Историческое бытие советского: перспективы и пути его трансформации. Как показал исторический опыт, вопрос о перспективах советского был и остается тесно увязанным с вопросами его генезиса и специфики. Колебания между полюсами локального и универсального отражают принципиальную незавершенность становления советского, несформированность его основ, несмотря на способность советского к самостоятельному существованию, о чем мы писали выше. Отсюда и отмеченные выше особенности: функциональный характер советского, его зависимость от материнских культур и стремление вырваться из их пут, амбивалентность культурного кода. Базовым условием бытия советского является скрытый, негласно и наполовину стихийно устанавливающийся общественный компромисс: он исполняет роль перекидного моста между расходящимися крайностями – между прошлым и будущим, локальным и универсальным, «новым варварством» и культурой, демократией и диктатурой, традиционализмом и модернизацией, социальными «верхами» и «низами». И любыми другими антиномичными различиями, постоянно возникающими по мере реального осуществления советского, расширения его присутствия в истории.

Компромисс – не то же самое, что инерция или, по-русски, застой, о котором говорят, характеризуя время Брежнева. Это разновидность институциональной ловушки – состояния неэффективного устойчивого равновесия, при котором снимается острота различий между различными социальными слоями, группами, корпорациями и складывается формула согласия, опосредствованного принятием каждым (всеми) условий, выдвигаемых другим (другими). «Снимается» в данной случае означает – остается; различия утрачивают на время действия компромисса свой конфликтный потенциал, переходя в латентное состояние, но не исчезая. Согласие, предполагающее следование общепринятым правилам и нормам, держится, помимо всего прочего, на подспудной перманентной боязни советского человека нарушить установившееся социальное перемирие и на стремлении придать ему характер чего-то постоянного. Стабильность независимо от того, на каком уровне качества жизни она устанавливается, стабильность как таковая выступает здесь ценностью – ценностью витальной и потому

превосходящей все, что предлагает человеку культура: достоинство личности, свободу, право, моральный долг. Признание ценности социальной стабильности обусловлено страхом перед возможным развязыванием «войны всех против всех». Это та нижняя черта, к которой нередко скатывалось российское общество в ходе восстания масс и приступов «нового варварства», периодически повторяющихся в течение всего столетия. «Лишь бы не было войны» – распространенное присловье, оно выражает опасение по поводу не только чужеземного нашествия; более общим является острое ощущение присутствия «внутреннего врага», которое не покидает наше общество уже на протяжении столетия. Чувство стабильности и защищенности придает человеку причастность к власти, хотя бы и чисто символическая, возникающая в акте религиозно-политического ритуала, языческого преклонения перед кумиром – очередным носителем высшей власти.

В рамках компромиссов институты советского приобретают специфическую окраску – стоящие за институтами нормы и правила обуславливают не целерациональный, а ценностно-рациональный, этически детерминированный характер социального действия. Они не допускают (в идеале) секулярного к ним отношения, прагматического истолкования с точки зрения полезности-для-индивида, они включают индивида и группу в символический универсум, отрешая их от всего «низкого» и приземленного, направляя социальное действие «ввысь», к общественному благу. Этим, то есть ритуальным опосредствованием института, предопределяется «недостроенность» институционального порядка, присущего миру советского. Назначением данного порядка является не установление условий для реализации интересов социальных акторов (индивидов, организаций и групп), не обеспечение их прав и свобод в экономике, политике и культуре, но постоянное перераспределение власти, расширение или сужение доступа к ней. В мире советского институт легитимирует или запрещает социальное действие, «помечая» его властной санкцией, положительной или отрицательной. Сам же институциональный порядок, строй советского есть не что иное, как ритуализованная оболочка власти, регулирующая доступ к ней и формы использования ее ресурсов теми или иными носителями.

Как разновидность институциональной ловушки компромисс выступает функциональным аналогом общественного договора в мире советского, но содержание и сроки действия этого договора определяются не открытым соглашением сторон, основанным на трезвом расчете возможных приобретений и утрат. Они зависят от ситуативного соотношения позиций акторов в социальном пространстве, обусловленного исторической динамикой советского, взаимопереплетением внешних и внутренних факторов. Менялась ситуация – менялся характер компромисса, его масштаб. Так, решения XX и XXII съездов КПСС об осуждении культа личности Сталина и десталинизации партийной и общественной жизни относились к числу долговременных компромиссов, равно как и выбор политического курса на коллективизацию и индустриализацию в начале 1930-х гг. Но бывали и компромиссы меньшего масштаба, не менявшие (принципиально) ни полити-

ческий режим, ни конструкцию власти и государственного управления, – например, возвращение к коллективному руководству в середине 1960-х гг. или перестройка во второй половине 1980-х. Если смена долговременных компромиссов означала переход от одной институциональной ловушки макроисторического характера к другой, то появление нового «частичного» компромисса оставляло общество в рамках наличной ловушки, смягчая ее негативные последствия. Вообще переход от одной институциональной ловушки макроисторического (равно как и любого другого) масштаба к другой составляет характерную особенность исторического существования советского, может быть, сам способ его существования.

В силу специфики институционального порядка, присущего советскому, наступление перемен захватывало властвующие группы врасплох; даже если о необходимости таких перемен догадывались и говорили многие, никто не мог внятно сказать, в чем они заключаются. Такое запаздывающее реагирование (исторический гистерезис), реагирование на уже случившееся, было обусловлено тем, что смена компромисса подчинялась иной логике, нежели та, что диктовалась шаблонными представлениями, почерпнутыми из советского общественнознания и санкционированными идеологически. Революционно-диалектический дискурс маскировал действительное положение вещей, фактические интересы социальных акторов и их цели и в целом – тот реальный механизм распределения и перераспределения власти в социальном пространстве, который составлял контекст происходящего. Недоступность этого контекста для восприятия и теоретического осмысления была обусловлена двумя взаимосвязанными причинами. Во-первых, строением советского, которое предполагало отсутствие сущности как внутреннего закона, таящегося где-то в «глубине». Сущность специфически присутствовала в виде самоочевидностей, социальных априори, то есть наперед заданных правил мышления, не требующих никакого обоснования. Она была феноменологически «разлита» по поверхности социальной реальности, совпадая с «явлением», с тем, что – «есть», как облик (вид) этого «явления». Во-вторых, характером и познавательными возможностями (скорее, «невозможностями») той интеллектуальной оптики, которая сопутствовала советскому и была важным элементом в механизме его бытования. Этой оптике присуща не близорукость даже – ведь расстояние до наблюдаемого объекта при желании можно изменить, а теоретический астигматизм – расфокусированность образа реальности, конечная сборка которого осуществлялась внетеоретическими (идеологическими) средствами. Для собственно теоретического наблюдения и описания социальная реальность была в принципе недоступной. То, что считалось научным исследованием этой реальности, было на деле наполнением наперед заданного категориального каркаса («теоретического» ответа) произвольно подбираемым чувственно-эмпирическим материалом, демонстрацией истинности «принципов» – правил конструирования советского. Господствовавший тогда в советской исторической науке подход к исследованию характеризовал И.Я. Фроянов: «Суть... устанавливалась посредством изучения произведений основоположников марксизма. Полученные в ходе такой работы

выводы экстраполировались затем на источники» (Фроянов 1995: 17). При этом положения классиков нередко интерпретировались неполно или искаженно, под давлением либо теоретической конструкции, либо текущей идеологической ситуации (Фроянов 1995: 19). И это хорошо чувствовали представители «нормальной», строгой науки, с недоверием и долей иронии относившиеся к так называемым наукам общественным как «неестественным» по определению.

Причины, обуславливавшие запаздывающий и нередко частичный характер перемен, имели общий, сквозной характер, коренились в самом устройстве советского. Но в конце 1980-х гг. их действие усугубилось, многократно усилилось институциональным распадом Системы. Он сопровождался вытеснением на периферию общественной жизни духовных ценностей, место которых обвальными темпами занимали вызванные из социокультурного «подполья» социальные техники выживания любой ценой. Их реактивация вызывала снижение уровня нравственности в обществе, вначале не очень заметное и проявлявшееся в основном в нарастании потенциала негативности, обращенного в социальное пространство, реализовавшегося в поисках внешнего – по отношению к «нам», к «простым советским людям», к Народу – врага. Выход накопленной энергии социального протеста шел по рельсам, проложенным и накатанным еще со второй половины XIX в. интеллигентами-народниками. Такого врага пробудившаяся общественность увидела в оплоте нового самодержавия, в КПСС. Энергия протеста была обращена против Системы и номенклатуры как зримого образа, как человеческого измерения этой Системы. Лозунг «Долой КПСС!» стал организующим и смыслообразующим фактором массового движения за отделение государства от КПСС, и по мере роста этого движения резко сокращалась социальная база политического режима.

При этом идеология не исчезла, а сменила форму бытования: вместо официальных клише в массовую моду вошла романтизация революции и большевизма 20-х годов с его относительной, вынуждаемой непростыми обстоятельствами терпимостью (знаковые приметы того времени – НЭП, многоукладная экономика, демократия во внутрипартийной жизни, «мягкая» цензура, мирившаяся с «попутчиками» в культурной жизни). Ретроспективный разворот в идеологии создал относительно узкое, но все же – пространство для политического маневра со стороны той части руководства КПСС, которая сознавала необходимость серьезных перемен, выработки нового общественного компромисса, который бы отвечал духу времени, вызовам со стороны не только пробуждающегося общества, но и глобализации. Последняя была предвестником наступления новой исторической эпохи – постиндустриального, информационного общества, обуславливала острую потребность в кардинальных переменах в международных отношениях; Горбачев назовет это «новым мышлением». Перестройка, собственно, и рассматривалась ее конструкторами как движение советского к новому историческому компромиссу, включавшему в себя не только внутреннее, но и глобальное назначение.

Перестройка замышлялась как программа коренного переустройства социализма на человеческих началах. Но идея социализма с человеческим лицом была заимствованием опыта Пражской весны и еврокоммунизма, который исповедовали лидеры наиболее авторитетных и массовых компартий – Италии, Испании и Франции; опыта, осмысленного левыми философами. Среди них можно отметить Э. Блоха, Г. Маркузе, Ж.-П. Сартра, Р. Гароди, Л. Колаковского, А. Шаффа, философов из группы «Праксис». Они отталкивались от раннего Маркса, от критики грубого, уравнилельного коммунизма в его «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и использовали эту критику для отрицательной оценки сталинизма и советской модели социализма как таковой. Эта идея, аутентично марксистская по своей генетике и по существу, была тем не менее чужеродной в пространстве советского. Советское оставалось культурой, которая впитала в себя принципиально иной, отличный от западноевропейского опыт революции и гражданской войны с культом революционного насилия, осуществлением свободы как сознательного и доходящего до самопожертвования растворения человека в стихии Революции, с отрицанием личного в пользу общественного. Романтизация исторического опыта раннесоветского времени оставляла движение протеста и его вождей в духовном плену у «комиссаров в пыльных шлемах» (Б. Окуджава), закольцовывала течение времени, возвращая его к первоистокам советского, а главное – лишала идеологию убеждающей и мобилизующей силы.

Живительная для советского в его классическом виде связь политики и идеологии стала причиной кризиса легитимности политического режима в условиях стихийной деидеологизации общества и самой номенклатуры. Проявлением этого кризиса стало отсутствие того субъекта, авторитетом, интеллектом и волей которого мог быть утверждён новый компромисс. В конце 1980-х гг. не было ни лидера, ни партии, ни иной организации, способных заложить легитимные основы стратегического соглашения, которое открывало бы перед страной историческую перспективу. Вместе с тем дискурс как общепринятый язык, на котором можно было бы выработать платформу согласия, рассыпался на множество идеологических «наречий». На его место пришло половодье дискурсов-речей, восходящих тем не менее в своей глубинной основе все к тому же революционно-диалектическому дискурсу с его лейтмотивом – идеей отрицания-насилия как творческой силы исторического прогресса.

Соответственно трансформация советского получила в 1990-е гг. характер процесса, идущего беспорядочно, наощупь, по сути – «без головы» и без ясно определенной цели через стихийную конкурентную борьбу политических кланов. За функциональными суррогатами политических партий стояли различные группы интересов, которые выступали от имени заново складывающихся социальных корпораций отраслевого и территориального типа. На конкурс проектов были представлены три основных варианта трансформации, политически олицетворяемые радикальными демократами, государственниками и державниками. Первоначально, на

волне успехов движения под лозунгом «Долой КПСС!», фаворитами политической «массовки» были демократы, на смену которым в конце 90-х, после дефолта и досрочной отставки Ельцина, пришли государственники. Их опорой стало большинство, требовавшее наведения порядка после криминального разгула, захлестнувшего страну в годы радикальных реформ в экономике и политике. Опорой пассивной, молчаливой и своекорыстной, ждущей от государства решения всех проблем. Видимый перевес государственныхников в течение двух последних десятилетий – следствие временной паузы, предыдущки после неудач «штурма и натиска» конца 80-х – первой половины 90-х.

По существу, общество отложило на продолжительное время задачу серьезных, глубоких перемен, сочтя их цену несоразмерной тем новшествам, которые эти перемены принесли. Обещанные в свое время ориентиры – экономический рост и материальное благополучие, безопасность и гражданские свободы, словом, жизнь «как на Западе» – сохранили свою привлекательность для нынешних поколений россиян, но ответственность за осуществление нововведений они переложили на потомков – детей и внуков. Так сложилось устойчивое, но неэффективное равновесие между различными корпоративными образованиями в структуре общества, включая и государство, охваченное процессами системной коррупции, разрастающимися по мере того, как набирала силу корпоративизация государства. Это было равновесие, напоминающее топтание на месте человека, не знающего, куда надо (или хотя бы можно было) двинуться, – равновесие, исключающее какую-либо стратегически (а значит, и исторически) плодотворную динамику. Фундамент этого равновесия составил административно-бюрократический рынок – феномен, предугаданный еще в конце 1980-х в работах В. Найшуля и С. Кордонского и обозначенный в современной литературе новым, точнее, вошедшим в моду термином – «власть-собственность». Реформы же «лихих 90-х» оказались подобием НЭПа. Они были его функциональным повторением, способствовали частичной реставрации и стабилизации советского эпохи «развитого социализма», поверхностно модифицированного временем, окрасившегося в цвета современности.

С нашей точки зрения, содержанием этой исторической «задержки» советского является не деинституционализация общественной жизни, а приспособление как старых структур, оставшихся от прошлого, так и новых, закрепившихся за прошедшие тридцать лет институтов рыночного и демократического плана к условиям, которые определяются ситуацией сложившегося равновесия. Это напоминает басню о Тришкином кафтане, латанном и перелатанном, но ничего другого у современного российского общества просто нет. Временное, хотя и исторически затянувшееся равновесие держится, по существу, на искусственно культивируемом посредством СМИ негативном отношении молчаливого большинства к перестройке второй половины 80-х и к «лихим 90-м». Этим событиям приписывается роль генератора, породившего все те проблемы, с которыми люди, сообщая и каждый в отдельности, сталкиваются сегодня в повседнев-

ной жизни. На этой основе складывается некое подобие государственной идеологии, формирующей картину мира для массового пользования. В ее рамках текущие проблемы объявляются следствием нарушения международного порядка, стратегического паритета между двумя сверхдержавами в результате рокового ослабления мощи СССР–России. Ослабления, виновниками которого признаны Горбачев и Ельцин, инициировавшие (намеренно или по недомыслию, это не имеет значения с точки зрения случившегося) глобальную геополитическую катастрофу – распад Советского Союза.

Наблюдаемая сегодня выборочная реставрация советского осуществляется в большей степени поверхностно. Это не политическая программа, а идеологический маневр, который до поры до времени обеспечивает государственным деятелям поддержку молчаливого большинства. Но затягивание времени, откладывание перемен имеет важное следствие – деградацию и истощение культурного потенциала общества, неизбежное в духовной атмосфере, где нет творческой свободы, порыва к новому, воодушевления и надежды. Нет того, что мобилизует к действию новые поколения, историческое задание которых – слышать голос времени и действовать согласно его призыву.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антонов-Овсеенко А.В. 2000. Театр Иосифа Сталина. Москва : АСТ. 379 с.
- Бердяев Н.А. 1991. Духи русской революции // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины: Сборник статей о русской революции. Москва : Правда. С. 250-289.
- Бибихин В.В. 2012. Дневники Льва Толстого. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха. 480 с.
- Бродский И. 1997. Остановка в пустыне // Сочинения Иосифа Бродского. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд. Т. 2. С. 167.
- Бурсов Б. 1985. Судьба Пушкина : роман-исследование. Ленинград : Совет. писатель. 512 с.
- Вебер М. 1990. Предварительные замечания // М. Вебер. Избранные произведения. Москва : Прогресс. С. 44-60.
- Вересаев В.В. 1990. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // В.В. Вересаев. Сочинения : в 4 т. Москва : Правда : Огонек. Т. 2. 560 с.
- Воропаев В.А., Виноградов И.А. 1994. Комментарии // Н.В. Гоголь. Собрание сочинений : в 9 т. Москва : Рус. кн. Т. 3-4. С. 473-478.
- Гегель Г.В.Ф. 1970. Наука логики. В 3 т. Т. 1. Москва : Мысль. 501 с.
- Гоголь Н.В. 1994а. <Заметки> к 1-й части // Н.В. Гоголь. Собрание сочинений : в 9 т. Москва : Рус. кн. Т. 5. С. 471-472.
- Гоголь Н.В. 1994b. <Размышления о героях «Мертвых душ»> // Н.В. Гоголь. Собрание сочинений : в 9 т. Москва : Рус. кн. Т. 5. С. 473-474.
- Гоголь Н.В. 1994с. Выбранные места из переписки с друзьями // Н.В. Гоголь. Собрание сочинений : в 9 т. Москва : Рус. кн. Т. 6. С. 7-193.
- Гоголь Н.В. 1994d. Невский проспект // Н.В. Гоголь. Собрание сочинений : в 9 т. Москва : Рус. кн. Т. 3-4. С. 7-37.

Григорьев А.А. 1982. Гоголь и его последняя книга // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / сост., вступ. ст. и примеч. В.К. Кантора, А.Л. Осповата. Москва : Искусство. С. 106-125.

Григорьев А.А. 1990. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая // А.А. Григорьев. Сочинения : в 2 т. Москва : Худож. лит. Т. 2. С. 48-90.

Захаров А.В. 2003. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопросы философии. № 9. С. 3-16.

Кант И. 1994. Критика чистого разума. Москва : Мысль. 591 с.

Карабчиевский Ю. 1990. Воскресение Маяковского. Москва : Совет. писатель. 224 с.

Катков М.Н. 2010. Отзыв иностранца о Пушкине // М.Н. Катков. Собрание сочинений : в 6 т. Санкт-Петербург : Росток. Т. 1: Заслуга Пушкина. О литераторах и литературе. С. 53-84.

Коэн Ст. 1989. Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. № 7. С. 46-72.

Ленин В.И. 1974. Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии) // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 31. С. 149-186.

Ленин В.И. 1975а. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 45. С. 378-382.

Ленин В.И. 1975б. О кооперации // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 45. С. 369-377.

Леонов Л. 1977. Дорога на Океан. Москва : Совет. писатель. 528 с.

Луначарский А.В. 1982. Социалистический реализм // А.В. Луначарский. Литература нового мира: Обзоры, очерки, теория. Москва : Совет. Россия. С. 275-312.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Святое семейство, или критика критической критики // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 2. С. 3-230.

Модсли Эв., Уайт Ст. 2011. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены. 1917–1991 гг. Москва : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 431 с.

Норт Д. 2010. Понимание процесса экономических изменений. Москва : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 256 с.

Пайпс Р. 1993. Россия при старом режиме. Москва : Независимая газ. 421 с.

Писарев Д.И. 1956а. Реалисты // Д.И. Писарев. Сочинения : в 4 т. Москва : Худож. лит. Т. 3. С. 7-138.

Писарев Д.И. 1956б. Пушкин и Белинский // Д.И. Писарев. Сочинения : в 4 т. Москва : Худож. лит. Т. 3. С. 306-417.

Сартр Ж.-П. 1989. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Москва : Изд-во полит. лит. С. 313-344.

Скоробогачкий В.В. 1997. Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. Екатеринбург : Наука. 304 с.

Скоробогачкий В.В. 2014. Безвременье и время философии. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 280 с.

Терц А. 1999. Прогулки с Пушкиным // А. Терц. Путешествие на Черную речку. Москва : Захаров. С. 6-120.

Федотов Г.П. 1991а. Трагедия интеллигенции // Г.П. Федотов. Судьба и грехи России : в 2 т. Санкт-Петербург : София. Т. 1. С. 66-101.

Федотов Г.П. 1991б. Революция идет // Г.П. Федотов. Судьба и грехи России : в 2 т. Санкт-Петербург : София. Т. 1. С. 159-172.

Фроянов И.Я. 1995. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. Москва ; Санкт-Петербург : Златоуст. 704 с.

Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Санкт-Петербург : А-сэд. 407 с.

Фуко М. 2006. Субъект и власть // М. Фуко. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. Москва : Праксис. Ч. 3. С. 161-190.

Шацкий Е. 1990. Утопия и традиция. Москва : Прогресс. 456 с.

Эко У. 2004. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург : Simposium. 504 с.

Natalja A. Skorobogatskaya, The Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@ui.ranepa.ru

Vyacheslav V. Skorobogatsky, Ural Institute of Management – Branch of
the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@ui.ranepa.ru
Author ID: 646215

Article recived 04.10.2019, accepted 21.02.2020, available online 06.07.2020

THE SOVIET: HISTORICAL, CULTURAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXTS OF THE PHENOMENON

Abstract. The article deals with the historical and cultural context of the Soviet phenomenon. With the unprecedented frequency of the use of the term “the Soviet”, the phenomenon designated by it remains a “white spot” for social science. The author proceeds from the assumption that the possibility of its theoretical study is due not so much to the choice of methodological tools (this is an important matter, but still a derivative), but to a change in the perspective in which we put this phenomenon in front of us as a subject of study. We do not talk about changes in point of view or approach, not about changes in worldview or methodological plan, but about entering the field of meta-methodology, where various factors are intricately combined – cultural, historical, institutional, political, ethical, etc. At the same time, the focus of the study is shifted from the cognizable object to the cognitive capabilities of the subject, transferred from “what?” to “how?”. This area or infrastructure of theoretical research is a set of theoretical and social *apriori*, implicitly directing the way of thinking, its course and the way of interpreting the results. In the course of the study of the historical and cultural context of the Soviet phenomenon, the following results are obtained: The Soviet is presented as a special type of culture that combines the dimensions of locality and worldliness and as the Soviet continue to grow it degenerates into a project of world civilization. The birth of the Soviet is considered as one of the possible outcomes of modernization, the conditions of which prevailed during the historical turning point from “tradition” to “modernity”, and the specific combination of heterogeneous cultural strata in the space of Russian City during the industrialization. The Soviet is the existence of potestarity, an attribute inherent in the community matrix. The pursuit of power as a super-value constitutes the entelechy of the Soviet. The development of the Soviet culminates in the emergence of the cultural code, which determines the reproduction of the Soviet regardless of economic, social and political conditions, and the mass dissemination of revolutionary dialectical discourse. The architect of the Soviet is Stalin. Nevertheless,

in the world of the Soviet Stalin is not a historical person, not a way of ruling, but a basic myth that defined and defines the boundaries and ways of transformation of the Russian society, even in the XXI century. The novelty of the proposed concept of the Soviet is associated with the justification of the leading role of cultural factors of its constitution and development in comparison with economic, social and political ones.

Keywords: Soviet as a type of culture; communal matrix; revolutionary dialectical discourse; anti-capitalist attitude; power as entelechy of the Soviet; cultural code of the Soviet; corporate beginning in life of society and state.

For citation: Skorobogatskaya N.A., Skorobogatsky V.V. *Sovetskoe: istoriko-kul'turnyy kontekst fenomena* [The soviet: historical, cultural and philosophical contexts of the phenomenon], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 33-74. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202. (in Russ.).

References

Antonov-Ovseenko A.V. *Teatr Iosifa Stalina* [Joseph Stalin's theatre], Moscow, AST, 2000, 379 p. (in Russ.).

Berdyayev N.A. *Dukhi russkoy revolyutsii* [Russian revolution spirits], *Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii. Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii*, Moscow, Pravda, 1991, pp. 250-289. (in Russ.).

Bibikhin V.V. *Dnevnik L'va Tolstogo* [Leo Tolstoy's diaries], St.-Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2012, 480 p. (in Russ.).

Brodsky I. *Ostanovka v pustyne* [Stop in the desert], *Sochineniya Iosifa Brodskogo*, St.-Petersburg, Pushkinskiy fond, 1997, vol. 2, pp. 167. (in Russ.).

Bursov B. *Sud'ba Pushkina : roman-issledovanie* [The fate of Pushkin: a novel study], Leningrad, Sovetskiy pisatel', 1985, 512 p. (in Russ.).

Cohen St. *Bol'shevizm i stalinizm* [Bolshevism and Stalinism], *Voprosy filosofii*, 1989, no. 7, pp. 46-72. (in Russ.).

Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Missing structure. Introduction to semiology], St.-Petersburg, Simposium, 2004, 504 p. (in Russ.).

Fedotov G.P. *Revolyutsiya idet* [Revolution is in process], *G.P. Fedotov. Sud'ba i grekhi Rossii : v 2 t.*, St.-Petersburg, Sofiya, 1991, vol. 1, pp. 159-172. (in Russ.).

Fedotov G.P. *Tragediya intelligentsii* [The tragedy of the intelligentsia], *G.P. Fedotov. Sud'ba i grekhi Rossii : v 2 t.*, St.-Petersburg, Sofiya, 1991, vol. 1, pp. 66-101. (in Russ.).

Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. The archeology of the Humanities], St.-Petersburg, A-cad, 1994, 407 p. (in Russ.).

Foucault M. *Sub'ekt i vlast'* [Subject and power], *M. Fuko. Intellektualy i vlast' : izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*, Moscow, Praxis, 2006, pt. 3, pp. 161-190. (in Russ.).

Froyanov I.Ya. *Drevnyaya Rus'. Opyt issledovaniya istorii sotsial'noy i politicheskoy bor'by* [Ancient Russia. The experience of studying the history of social and political struggle], Moscow, St.-Petersburg, Zlatoust, 1995, 704 p. (in Russ.).

Gogol N.V. <*Razmyshleniya o geroyakh «Mertvykh dush»*> [<Reflections on the heroes of "Dead souls">], *N.V. Gogol'. Sobranie sochineniy : v 9 t.*, Moscow, Russkaya kniga, 1994, vol. 5, pp. 473-474. (in Russ.).

Gogol N.V. <*Zametki k 1-y chasti*> [<Notes> to the 1st part], *N.V. Gogol'. Sobranie sochineniy : v 9 t.*, Moscow, Russkaya kniga, 1994, vol. 5, pp. 471-472. (in Russ.).

Gogol N.V. *Nevskiy prospekt* [Nevsky prospect], *N.V. Gogol'. Sobranie sochineniy : v 9 t.*, Moscow, Russkaya kniga, 1994, vol. 3-4, pp. 7-37. (in Russ.).

Gogol N.V. *Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami* [Selected parts from the correspondence with friends], *N.V. Gogol'. Sobranie sochineniy : v 9 t.*, Moscow, Russkaya kniga, 1994, vol. 6, pp. 7-193. (in Russ.).

Grigoryev A.A. *Gogol' i ego poslednyaya kniga* [Gogol and his last book], V.K. Kantor, A.L. Ospovat (comp.). *Russkaya estetika i kritika 40–50-kh godov XIX veka*, Moscow, Iskusstvo, 1982, pp. 106–125. (in Russ.).

Grigoryev A.A. *Vzglyad na russkuyu literaturu so smerti Pushkina. Stat'ya pervaya* [A look at the Russian literature since the death of Pushkin. Article 1], A.A. Grigor'ev. *Sochineniya : v 2 t.*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990, vol. 2, pp. 48–90. (in Russ.).

Hegel G.V.F. *Nauka logiki. V 3 t. T. 1* [Science of logic, in 3 vols., vol. 1], Moscow, Mysl', 1970, 501 p. (in Russ.).

Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason], Moscow, Mysl', 1994, 591 p. (in Russ.).

Karabchievsky Y. *Voskresenie Mayakovskogo* [The resurrection of Mayakovsky], Moscow, Sovetskiy pisatel', 1990, 224 p. (in Russ.).

Katkov M.N. *Otzyv inostrantsa o Pushkine* [The opinion of a foreigner about Pushkin], N. Katkov. *Sobranie sochineniy : v 6 t.*, St.-Petersburg, Rostok, 2010, vol. 1, pp. 53–84. (in Russ.).

Lenin V.I. *O kooperatsii* [On cooperation], V.I. Lenin. *Polnoe sobranie sochineniy*, Moscow, Politizdat, 1975, vol. 45, pp. 369–377. (in Russ.).

Lenin V.I. *O nashey revolyutsii (po povodu zapiskov N. Sukhanova)* [About our revolution (about N. Sukhanov's notes)], V.I. Lenin. *Polnoe sobranie sochineniy*, Moscow, Politizdat, 1975, vol. 45, pp. 378–382. (in Russ.).

Lenin V.I. *Zadachi proletariata v nashey revolyutsii (Proekt platformy proletarskoy partii)* [Tasks of the proletariat in our revolution (Draft platform of the Proletarian party)], V.I. Lenin. *Polnoe sobranie sochineniy*, Moscow, Politizdat, 1974, vol. 31, pp. 149–186. (in Russ.).

Leonov L. *Doroga na Okean* [Way on Ocean], Moscow, Sovetskiy pisatel', 1977, 528 p. (in Russ.).

Lunacharsky A.V. *Sotsialisticheskiy realizm* [Socialist reality], A.V. Lunacharskiy. *Literatura novogo mira: Obzory, ocherki, teoriya*, Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1982, pp. 275–312. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Svyatoy semeystvo, ili kritika kriticheskoy kritiki* [The Holy family, or critique of critical criticism], K. Marks, F. Engel's. *Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1955, vol. 2, pp. 3–230. (in Russ.).

Maudsley E., White S. *Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva. Tsentral'nyy komitet i ego chleny. 1917–1991 gg.* [The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. Central Committee and its members. 1917–1991], Moscow, ROSSPEN, Fond «Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina», 2011, 431 p. (in Russ.).

Nort D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the process of economic change], Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2010, 256 p. (in Russ.).

Paips R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the old regime], Moscow, Nezavisimaya gazeta, 1993, 421 p. (in Russ.).

Pisarev D.I. *Pushkin i Belinskiy* [Pushkin and Belinsky], D.I. Pisarev. *Sochineniya : v 4 t.*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1956, vol. 3, pp. 306–417. (in Russ.).

Pisarev D.I. *Realisty* [Realists], D.I. Pisarev. *Sochineniya : v 4 t.*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1956, vol. 3, pp. 7–138. (in Russ.).

Sartre J.-P. *Ekzistentzializm – eto gumanizm* [Existentialism is humanism], *Sumerki bogov*, Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1989, pp. 313–344. (in Russ.).

Shatsky E. *Utopiya i traditsiya* [Utopia and tradition], Moscow, Progress, 1990, 456 p. (in Russ.).

Skorobogatsky V.V. *Bezvremen'e i vremya filosofii* [Timelessness and time of philosophy], Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2014, 280 p. (in Russ.).

Skorobogatsky V.V. *Rossiya na rubezhe vremen: novye puti i starые vekhi* [Russia at the turn of time: new ways and old milestones], Yekaterinburg, Nauka, 1997, 304 p. (in Russ.).

Terts A. *Progulki s Pushkinym* [Walks with Pushkin], A. Terts. *Puteshestvie na Chernuyu rechku*, Moscow, Zakharov, 1999, pp. 6–120. (in Russ.).

Veresaev V.V. *Pushkin v zhizni. Sistematischeskiy svod podlinnykh svidetel'stv sovremennikov* [Pushkin in person. Systematic set of authentic testimonies of

contemporaries], V.V. Veresaev. *Sochineniya : v 4 t.*, Moscow, Pravda, Ogonek, 1990, vol. 2, 560 p. (in Russ.).

Voropaev V.A., Vinogradov I.A. *Kommentarii* [Comments], *N.V. Gogol'. Sobranie sochineni : v 9 t.*, Moscow, Russkaya kniga, 1994, vol. 3-4, pp. 473-478. (in Russ.).

Weber M. *Predvaritel'nye zamechaniya* [Preliminary remarks], *M. Veber, Izbrannye proizvedeniya*, Moscow, Progress, 1990, pp. 44-60. (in Russ.).

Zakharov A.V. *Massovoe obshchestvo i kul'tura v Rossii: sotsial'no-tipologicheskii analiz* [Mass society and culture in Russia: socio-typological analysis], *Voprosy filosofii*, 2003, no. 9, pp. 3-16. (in Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Давыдов Д.А. Неоконченная дискуссия: к вопросу о принципах выделения общественных формаций. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10203 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 75–103.

УДК 19

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10203

НЕОКОНЧЕННАЯ ДИСКУССИЯ: К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ВЫДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМАЦИЙ¹

Дмитрий Александрович Давыдов

кандидат политических наук,
научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: davydovdmityriy90@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7978-9240

ResearcherID: O-3033-2017

SPIN-код: 1881-6989

*Статья поступила 04.10.2019, принята к печати 07.04.2020,
доступна online 06.07.2020*

В статье поднимается вопрос об эвристическом потенциале теории общественных формаций. Автор пытается оспорить разделяемое многими исследователями мнение, что данная теория являлась исключительно идеологическим продуктом, созданным исключительно для оправдания господствовавшего в СССР политического режима. За догматическими шаблонными суждениями скрывались живые дискуссии, нацеленные на выяснение универсальных закономерностей общественного развития. Результаты этих дискуссий не теряют актуальности и сегодня, когда

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ № 19-011-00650 А «Контурь посткапиталистического общества: перспективы и социальные противоречия».

многие ученые вновь осмысливают перспективы посткапиталистического общества. Один из важнейших аспектов теории общественных формаций – поиск релевантных критериев выделения этапов общественного развития в рамках материалистического понимания истории. Однако дискуссия о критериях выделения общественных формаций так и не была окончена. В качестве подобного рода критериев предлагались преобладающие формы собственности, исторические типы техники, специфика производственных отношений. Между тем, как показывает автор, с каждым из этих критериев было связано множество проблем. В частности, традиционная европоцентричная схема смены преобладающих форм собственности плохо согласовывалась с общественными процессами, протекавшими на Востоке. Технотехнологический критерий оказался крайне сложным с точки зрения выявления качественных этапов самого научно-технического развития. Упор на специфику производственных отношений приводил к плохо соответствовавшим реальности выводам о том, что между советским социализмом и индустриальным капитализмом есть принципиальная разница.

В статье предпринята попытка исключить устаревшие догматические и идеологические построения из теории общественных формаций. При этом рассматривается такой критерий выделения общественных формаций, как преобладающие источники потребительных ценностей (природные процессы, контролируемые природные процессы, труд, творчество). Данный критерий позволяет качественно связать в единую причинно-следственную схему количественный технотехнологический аспект с политико-правовыми явлениями вроде преобладающих форм собственности, систем отношений власти, эксплуатации и отчуждения и т.п. Автор предлагает определять общественные формации как доклассовую, сословно-классовую, классовую, персоналистскую исходя из преобладающих источников потребительных ценностей и делает вывод о том, что исторические формы социализма и капитализма являются разными модификациями классовой общественной формации, базирующейся на труде как преобладающем источнике потребительных ценностей. Становление же постклассовой (персоналистской) общественной формации на основе творчества как главного источника потребительных ценностей – крайне противоречивый процесс. Данная формация будет иметь свою внутреннюю логику, свои собственные противоречия, а стало быть, характеризующие ее категории не следует смешивать с категориями постепенно уходящей в прошлое классовой общественной формации.

Ключевые слова: теория общественных формаций, общественные формации, капитализм, социализм, коммунизм, марксизм, посткапитализм, способы производства.

Введение. Научное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса по своим притязаниям на выявление и описание магистрального вектора развития человечества до сих пор не имеет аналогов. Разработанная советскими исследователями теория общественных формаций (здесь имеется в виду, что основоположники создали теорию формаций только лишь в самых общих чертах, предложив формационную парадигму, которую затем развивали в основном советские ученые), в свою очередь, претендовала в странах советского блока на монопольное право делать научно обоснованные долгосрочные прогнозы развития общества. Причем прогнозы эти, как предполагалось, должны были ориентироваться не на отдельные компоненты, не на те или иные черты или сферы общества, а на формирование образа будущего в его целостности. Основная функция теории общественных фор-

маций заключалась в выявлении *этапов исторического развития человечества* (общественных формаций). Это давало возможность корректировать набор принципов, лежащих в основе материалистического понимания истории. Так, рассмотрение эволюции общественных формаций позволяло выяснить, какие конкретные процессы общественной жизни оказывают существенное влияние на историческое развитие (ведут к радикальным изменениям во всех сферах общества), а какие являются вторичными, несущественными.

Конечно, нужно учитывать, что теория общественных формаций как продукт советской науки – изобретение преимущественно идеологическое. Впрочем, стоит отметить, что многие пришедшие на смену марксистскому истмату и заимствованные из зарубежной науки политологические (вроде концепций демократического транзита, «конца истории», теорий политической модернизации и т.п.) и экономические концепции (современная экономическая теория с ее «человеком экономическим») выполняли все ту же идеологическую роль, только в пользу противников марксизма и вообще «левой» картины мира. Перед исследователями советского периода зачастую стояла задача «подгонять» факты под определенные теоретические клише. Тем не менее мы не согласны с радикальным призывом отбросить всю советскую общественную науку как несостоятельную. За идеологической официальной ширмой скрывались весьма интересные и живые теоретические дискуссии, а сама теория общественных формаций, как мы увидим, зачастую не столько оправдывала существующий строй, сколько постепенно готовила теоретическую почву для «подрыва» самого идеологического над ней диктата. Цель настоящего исследования – определить, насколько те «забытые» теоретические наработки современны, что из них сохранило эвристический потенциал применительно к изучению современности.

NB! Относительно скептического взгляда на научный статус теории общественных формаций можно привести цитату Ю.И. Сёменова:

«В России до революции и за рубежом и раньше и сейчас материалистическое понимание истории подвергалось критике. В СССР такая критика началась где-то... с 1989 г. и приобрела обвальный характер после августа 1991 г. Собственно, назвать все это критикой можно лишь с большой натяжкой. Это было настоящее гонение. И расправляться с историческим материализмом стали теми же самыми способами, какими его раньше защищали. Историкам в советские времена говорили: кто против материалистического понимания истории, тот не советский человек. Аргументация “демократов” была не менее проста: в советские времена существовал ГУЛАГ, значит, исторический материализм ложен от начала и до конца. Материалистическое понимание истории, как правило, не опровергали. Просто как о само собой разумеющемся говорили о его полнейшей научной несостоятельности. А те немногие, которые все же пытались его опровергать, действовали по отлаженной схеме: приписав историческому материализму заведомый вздор, доказывали, что это вздор, и торжествовали победу.

Развернувшееся после августа 1991 г. наступление на материалистическое понимание истории было встречено многими историками с сочувствием. Некоторые из них даже активно включились в борьбу. Одна из причин неприязни немалого числа специалистов к историческому материализму состояла в том, что он навязывался им ранее в принудительном порядке. Это с неизбежностью порождало чувство протеста. Другая причина заключалась в том, что марксизм, став господствующей идеологией и средством оправдания существующих в нашей стране «социалистических» (в действительности же ничего общего с социализмом не имеющих) порядков, переродился: из стройной системы научных взглядов превратился в набор штампованных фраз, используемых в качестве заклинаний и лозунгов. Настоящий марксизм был замещен видимостью марксизма – псевдомарксизмом. <...> При этом не только превращались в мертвые схемы действительные положения материалистического понимания истории, но и выдавались за непреложные марксистские истины такие тезисы, которые никак не вытекали из исторического материализма. <...> Исторический материализм рассматривался как такой метод, который позволяет еще до начала исследования того или иного общества установить, что будет найдено в нем исследователем. Большую глупость придумать было трудно. В действительности материалистическое понимание истории не предваряет результаты исследования, оно лишь указывает, как нужно искать, чтобы понять сущность того или иного конкретного общества. Однако неверно было бы полагать, что для обратного превращения исторического материализма из шаблона, под который подгоняли факты, каким он у нас долгое время был, в подлинный метод исторического исследования достаточно вернуться к истокам, восстановить в правах все то, что когда-то было создано К. Марксом и Ф. Энгельсом. Материалистическое понимание истории нуждается в серьезном обновлении, которое предполагает не только внесение новых положений, которых не было у его основоположников, но и отказ от целого ряда их тезисов» (Сёменов 1998: 195-196).

Согласно нашей гипотезе актуальность марксизма, и в частности теории общественных формаций, растет – достаточно вспомнить современные дискуссии о движении человечества к посткапиталистической общественной формации (Srnicek, Williams 2015; Мейсон 2016; Бузгалин 2018 и др.). При этом стоит отметить, что здесь теория общественных формаций рассматривается как своего рода «аналитическая подпорка», теоретический инструмент *в рамках* материалистического понимания истории. Выделение по тому или иному критерию этапов развития общества позволяет выявлять и наглядно представлять механизмы воздействия экономического «базиса» на все остальные, «надстроечные», сферы общества. Это не означает, что общественные формации – нечто «объективно» существующее. Скорее, общественные формации – продукт своеобразного абстрагирования, «логического упорядочивания» исследователем исторического процесса. Не исключено, что от результатов данного «упорядочивания» зависит успешность

применения материалистического подхода к изучению глобальных политических, экономических и иных трансформаций современных обществ. Задача исследователя здесь – выявление *наиболее значимых* базисных (или, условно говоря, «фундаментальных абстрактных», позволяющих двигаться по пути к конкретному) факторов, влияющих на трансформацию общества и делящих историю на периоды (формации), в которых эти факторы наиболее действенны (влияют на все сферы общества и соответствующим образом выстраивают «социальную тотальность»). Разумеется, само материалистическое понимание истории необходимо рассматривать как *один из* возможных инструментов познания общества, не исключая остальные (нацеленные на выявление культурных детерминант, описание своеобразия отдельных обществ и т.п.) и ориентированный на рассмотрение общества в определенном срезе, с помощью специфической «материалистической» методологической оптики.

Проблема заключается в том, что сегодня исследователи-марксисты признают саму парадигму материалистического понимания истории, идею смены общественных формаций и способов производства, стадийного развития человечества, но теоретические разработки в области самой теории общественных формаций остаются довольно редкими. Более того, консенсус относительно критериев выделения общественных формаций так и не был достигнут. Теория общественных формаций в целом серьезно обесценилась в академическом сообществе, особенно после того как вместо предсказываемого ею перехода к коммунизму случилась реставрация капитализма. Стоит отметить, что многие современные исследователи утверждают, что никаких ошибок в основных положениях теории общественных формаций не было. Проблема якобы заключается в том, что изначальный посыл Маркса и Энгельса был искажен. Коммунизм стали строить в условиях недостаточно развитых производительных сил в отдельной стране, окруженной врагами и т.п. Иными словами, речь должна идти о том, что необходимо дождаться соответствующего развития производительных сил (дискурс об автоматизации и роботизации производства) – и уже тогда можно вновь поставить вопрос о возобновлении целенаправленного движения к социализму/коммунизму. В конце концов, и капиталистическое общество возникло не сразу, происходили постоянные «откаты назад»¹.

В настоящей статье мы попытаемся показать, что ошибки все же были. Причем обусловлены они как раз отсутствием консенсуса относительно основного критерия выделения общественных формаций. В качестве такового пытались обозначить то преобладающие формы собственности, то

¹ А.В. Бугалин, А.И. Колганов: «...на базе технологий (и, прежде всего, содержания труда), характерных для прежней системы (ручной труд для докапиталистических систем, индустриальный – для капитализма), новая система (соответственно, капитализм или социализм) может возникнуть, а может и не возникнуть. Революционный порыв может привести к победе, а может – к поражению. В случае победы начнется развитие новой системы на еще не адекватном для нее технологическом базисе, возникнет феномен, который я бы назвал “опережающей мутацией”. Это ситуация, когда общественные отношения несколько “забегают вперед” по отношению к материальному базису, содержанию труда» (Бугалин 2008).

исторические типы техники, то специфику производственных отношений. Все это попутно приводило к ряду трудностей, которые так и не были преодолены (не разрешены они и в современном марксизме). Наша цель – не только раскрыть те проблемы, которые имелись в теории общественных формаций, но также предложить новый принцип выделения исторических этапов развития человечества, опираясь на который можно было бы с иных позиций взглянуть на существующие представления о пределах капитализма и перспективах посткапиталистического (постклассового) общества.

Теория общественных формаций и ее «фатальные» ошибки. В общем и целом теоретический посыл, лежащий в основе материалистического понимания истории и теории общественных формаций, ясен. Он подразумевает, что существуют очень серьезные ограничения, накладываемые на конкретную историческую «форму» общества уровнем развития производительных сил. Этот посыл может иметь следующую формулировку: «Развитие экономики (понимаемой в самом широком смысле как производство и воспроизводство социального бытия), связанное с преобразующим характером предметной деятельности, ведет к развитию производительных сил, что на определенном этапе неизбежно вызывает необходимость изменения и производственных отношений. Но в силу того, что существующие производственные отношения закрепляются в регулятивных нормах надстройки, в какой-то момент надстройка перестает соответствовать уровню производства и становится тормозом развития общества. Нарождающийся новый базис в структурах еще существующей прежней общественной формы требует совершенно новых регулятивных механизмов (форм государства, права, морали), но этому препятствует старая надстройка, функции которой выполняют прежние господствующие классы. <...> Изменения, характеризующие прежде всего отношения производства, рано или поздно вступают в противоречие с устоявшимися социальными структурами, сформировавшимися на основе прежних форм производства; это создает условие для революции: новые формы производства и детерминированные ими отношения больше не могут уживаться со старыми формами государства и права» (Кондрашов 2014: 150-151). Такова в целом картина развития общества: одни способы производства приходят на смену другим, что влечет за собой закономерную ротацию надстроек. Погружаясь в конкретный контекст, мы можем опираться на эту идею, говоря об историчности тех или иных общественных структур, идеологий, представлений о человеке и т.д. Для этого и не нужен какой-то четкий универсальный критерий выделения общественных формаций. Маркс, говоря об общественных формациях, не создает никакой *теории* общественных формаций. Нужно помнить, что сам концепт «формация» в трудах Маркса и Энгельса являлся скорее метафорой. Для них главным было показать, что капитализм историчен, что он является всего-навсего определенным этапом развития человечества, на смену которому должно прийти что-то новое.

Поэтому необходимо иметь в виду, что теория (то есть нечто завершенное и развернутое) общественных формаций¹ является скорее результатом изысканий советских ученых-обществоведов, нежели масштабным явлением мировой науки². В трудах классиков марксизма мы найдем лишь очень редкие разрозненные фрагменты (к примеру, в «Немецкой идеологии» (Маркс, Энгельс 1955), в предисловии «К критике политической экономии» (Маркс 1959), в третьем наброске ответа на письмо В.И. Засулич (Маркс 1961) и др.), в которых тема исторического развития затрагивается максимально кратко, причем один фрагмент зачастую противоречит другому. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс рассматривают племенную, античную, феодальную, буржуазную *формы собственности* (заметим, форма собственности – это отнюдь не то же самое, что способ производства). В предисловии «К критике политической экономии» Маркс выделяет уже азиатский, античный, феодальный и буржуазный *способы производства* как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (Маркс 1959: 7). В третьем наброске ответа на письмо В.И. Засулич Маркс говорит о трех больших *общественных формациях* – первичной, вторичной и третичной (Маркс 1961). В «Капитале» и вовсе применяется неупорядоченный набор терминов, употребляющихся в разных значениях: «общественная формация», «общественно-экономическая формация», «формация общественного производства», «экономическая формация» (см.: Маркс 1960; 1962)³. Следует отметить, что для Маркса понятие «формация» во многом является попросту метафорой, взятой из геологии. При этом во втором томе «Капитала» термин «формация» не упоминается вообще, а в третьем томе мы только в нескольких местах находим термины «общественная формация» и «экономическая формация общества» (например: «...с точки зрения более высокой экономической формации общества частная собственность отдельных индивидуумов на земной шар будет представляться не в меньшей степени нелепой, чем частная собственность одного человека на другого человека» (Маркс 1962: 337)).

¹ Общественная формация (*Gesellschafts formation*) – исторически сложившийся на основе определенного способа производства и соответствующей ему надстройки тип общества, характеризующийся определенными технологиями и техническими средствами, социальной структурой, механизмами производства, распределения и потребления, господством той или иной формы собственности, теми или иными формами духовного освоения мира. Иными словами, под общественной формацией понимают определенную систему социальных явлений и отношений, внутренне связанных друг с другом и зависимых друг от друга, организм, материальной основой которого является способ производства.

² Отмечая это, мы вовсе не желаем принизить вклад зарубежных исследователей-марксистов в исторический материализм как таковой (см., например: Амбарцумов 1984; Андерсон 2007; Андерсон 2010 и др.). Речь идет о том, что теория общественных формаций как нечто системно (можно даже сказать – институционально) развивающееся является достоянием советской (и внешне примыкающей к ней) общественной науки.

³ Маркс часто вместо слова *формация* употребляет термины *ступень, форма*. Например, в первом томе «Капитала» Маркс говорит о «более высокой общественной форме, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума» (Маркс 1960: 605).

Сама по себе теория общественных формаций является, по сути, следствием творческой переработки того, что писали Маркс и Энгельс в своих сочинениях. Это было результатом систематического применения принципов материализма к изучению истории и анализу глобальных общественно-политических тенденций. И если Маркс и Энгельс обращались к термину «формация» довольно редко, то в Советском Союзе теория общественных формаций превращается в целую отрасль обществоведческих исследований. Думается, многочисленные дискуссии об общественных формациях свидетельствуют о довольно благородном побуждении – познать «логику» исторического развития (Вазюлин 2019), не просто «скользить» по поверхности общественных явлений, но усматривать в *человеческой истории закономерный глобальный процесс*, которым можно в соответствии с познанной необходимостью пытаться управлять (или, по крайней мере, выстраивать долгосрочные прогнозы, осознавать необходимость тех или иных перемен). В то время как на Западе продолжали приветствовать в капиталистической экономике очищенную от традиции «правильную» на все времена систему с ее вечно молодым «человеком экономическим» (что тоже есть форма теоретического догматизма) или разрабатывали «социологические» концепции стадийного развития (например, теории постиндустриального/информационного общества), в Советском Союзе велись острые дебаты об универсальности механизмов смены общественных формаций, о пресловутой непогрешимости «европоцентричной» пятичленной системы (например, имела ли место «азиатская» формация (см.: Качановский 1971)), о количестве реально существовавших общественных формаций и т.п.

Конечно, партийный идеологический диктат негативно сказался на способности теории общественных формаций творчески развиваться. Часто дискуссии об общественных формациях превращались в догматические «подгонки» фактов под канонизированную «пятичленку»¹. Некоторые проблемы теории общественных формаций были обусловлены незрелостью реальных предпосылок разложения капиталистической системы и развития посткапиталистических общественных отношений. Часто научные выводы и прогнозы «редактировались» идеологическими лозунгами. *Основной же проблемой, как мы полагаем, являлось так и не найденное рациональное реше-*

¹ Это также видно по тому, как многие авторы, в советские времена придерживавшиеся «канона», в 90-е и нулевые годы радикально или существенно меняли свои взгляды (например, Т.И. Ойзерман и многие другие). Ср.: «Великая Октябрьская социалистическая революция, – говорится в Программе КПСС, – открыла новую эру в истории человечества – эру крушения капитализма и утверждения коммунизма. Социализм восторжествовал в Стране Советов, одержал решающие победы в странах народной демократии, стал практическим делом сотен миллионов людей, знаменем революционного движения рабочего класса всего мира». В наше время, когда социализм победил на значительной части земли и доказал свое превосходство над капитализмом, враги марксизма уже не могут третировать научный социализм как беспочвенную, несбыточную утопию» (Ойзерман 1961: 17); «Нельзя, конечно, согласиться с этим определением ревизионизма, который представляет собой не политиканство, приспособляющееся “к поворотам политических мелочей”, а вполне определенную, последовательную политику и также вполне оправданную критическую позицию относительно основ марксизма» (Ойзерман 2003: 439).

ние вопроса о том, какой принцип должен лежать в основе выделения общественных формаций. В итоге за основу зачастую брались вторичные параметры, которые не могут достоверно указывать на то, что мы, как в случае с СССР, имеем дело с принципиально новым этапом общественного развития. Среди наиболее часто встречающихся критериев мы выделим следующие: *преобладающие формы собственности, исторические типы техники, а также специфику производственных отношений.*

Преобладающая форма собственности («правовая форма собственности»). Заранее отметим, что определение общественных формаций по преобладающей форме собственности не означает, что из рассмотрения исключаются все остальные моменты исторического процесса (эволюция средств производства, производственные отношения и т.п.). Скорее, здесь имеет место стремление к классификационной наглядности: становлению той или иной формы собственности соответствуют определенные производственные отношения и порождающие их производительные силы («каковы формы собственности, таковы и производственные отношения» (Кабаяев 1961: 33)).

Как было отмечено выше, Маркс и Энгельс делили историю развития человечества на этапы исходя из тех или иных преобладающих форм собственности (в «Немецкой идеологии»¹, «Экономических рукописях 1857–1859 годов»). В итоге зачастую понятия «форма собственности» и «общественная формация» оказывались тождественными. К примеру, в книге «К теории общественных формаций» Ф. Тёкеи идет речь об эволюции форм собственности. Он рассматривает эволюцию докапиталистических общественных формаций как постепенное разложение общины и становление частного землевладения. При этом азиатская, античная и германская (феодалная) формы собственности являются этапами данного длительного процесса. По мнению Тёкеи, при первой форме «естественно возникающая община есть субстанция, где индивиды представляют собой лишь ее атрибуты, при второй форме община есть такое общее, которое, даже отделенное от индивидов, может обладать самостоятельным существованием, и, наконец, в третьей форме община есть лишь придаток по отношению к индивидам. Рассматривая развитие в целом, не трудно обнаружить, по существу, те же три фазы: в докапиталистических формах все индивиды – пусть это землевладелец или работающий частный собственник – являются непосредственными членами общины, неотделимы от нее, при капиталистической форме подлинная “общность” обособлена и отчуждена от индивида, противостоит ему как нечто овеществленное, и, наконец, при коммунизме индивиды сами являются творцами общности, которая им принадлежит и ни в коем случае не может им противостоять» (Тёкеи 1975: 166).

¹ Хотя еще раньше, в «Экономическо-философских рукописях», мы находим следующее: «Именно то обстоятельство, что *разделение труда и обмен* суть формы частной собственности, как раз и служит доказательством как того, что *человеческая жизнь* нуждалась для своего осуществления в *частной собственности*, так, с другой стороны, и того, что теперь она нуждается в упразднении частной собственности» (Маркс 1956: 615).

Однако проблема данного подхода заключается в том, что на второй план отодвигаются более существенные аспекты способа производства. Как отмечает В.Ж. Келле в послесловии к книге Тёкеи, возникает вопрос: чем же определяется внутренняя логика исторического процесса? «Ф. Тёкеи пытается дать ответ на этот вопрос с помощью своих формул-схем, изображающих основные формы собственности. Действительно, ему удается показать, что в смене форм собственности от племенной до коммунистической отражается внутренняя логика всемирно-исторического процесса. Но автор все-таки не акцентирует внимание на том главном обстоятельстве, что сама эта логика развития форм собственности “задается” развитием производительных сил, и прежде всего орудий труда» (Келле 1975: 265).

Более того, как только в поле зрения разработчиков теории общественных формаций начали чаще попадать неевропейские страны, выяснилось, что рассмотренная выше эволюция форм собственности им совершенно не соответствует. Очевидно, в зависимости от каких-то обстоятельств, внешних для самого *технического ядра* способа производства (например, войны, позволявшие завозить в массовом порядке рабов), *существовавшие* формы эксплуатации и собственности попросту сменяли друг друга в качестве преобладающих. Иными словами, *появились причины отнести процессы смены форм собственности скорее к «надстроечным», нежели к «базисным»*. По крайней мере, подчеркивалось, что *смена преобладающей формы собственности еще не означает одновременной трансформации сущности способа производства*. Как отмечает В.П. Илюшечкин, «метод выведения антагонистических классов из господствующих форм частнособственнической эксплуатации, восходящий к историко-социологической концепции А. Сен-Симона и его последователей, явно не срабатывает на современном уровне знаний о системе добуржуазной частнособственнической эксплуатации, поскольку оказывается, что ее господствующих форм было не две, как считалось некогда, а четыре (рабство, крепостничество, докapiталистическая аренда и колонат) и что сменяли они одна другую – там, где такая смена происходила, – в самой различной последовательности» (Илюшечкин 1996: 256). В.П. Илюшечкин обнаружил, что не существовало никакого рабовладельческого и феодального способов производства. И так называемые рабовладельческие, и феодальные общества «базируются на природно-обусловленной, натуральной системе производительных сил, для которой были характерны: основанное на ручном труде и очень несложной инструментальной технике рутинное сельское хозяйство в качестве основного занятия подавляющего большинства массы населения, преобладание живого труда над овеществленным в средствах производства, недостаточное развитие товарно-денежных отношений, преобладание обмена между обществом и природой над обменом в обществе, естественного разделения труда по полу и возрасту в производственных ячейках над общественным разделением труда, абсолютное господство таких форм организации труда, которые исключали его кооперацию и комбинирование, преимущественно натуральное и полунатуральное производство, рассчитанное прежде всего на удовлетворение собственных потребностей производителей, и т.д.»

(Илюшечкин 1996: 196). Феодализм – это, как показывает Илюшечкин, *явление политико-правовое*, в то время как «широкое распространение рабства в отдельных странах древнего мира являлось не правилом, а исключением и было обусловлено не какой-либо общеисторической закономерностью, но лишь стечением особо благоприятных для этого обстоятельств» (Илюшечкин 1996: 221). Фактически в сословно-классовых обществах лишь менялись количественные соотношения в распространенности тех или иных форм эксплуатации (рабская, оброчная, крепостническая, арендаторская и наемный труд).

Примечательно, что из этого вытекает следующее: *осуществленный большевиками государственный переворот, повлекший за собой смену преобладающей формы собственности, не означал переход общества в качественно новое состояние, то есть переход к новой общественной формации*. Данное положение объясняет все известные антиномии СССР, и в частности тот факт, что под коммунистическим идеологическим соусом существовала громоздкая система эксплуатации труда совокупным эксплуататором в лице государства. *Юридический статус эксплуататора несколько изменился, но суть производственных отношений поменялась мало* (см., например: Кржевов 2018). М.И. Воейков справедливо отмечает, что многими чертами советское общество больше напоминало буржуазное, чем социалистическое: «под буржуазностью в данном случае понимается стремление человека (или группы людей, слоя, класса) в своей повседневной и прежде всего хозяйственной деятельности следовать правилам рационального экономического поведения. Буржуазность – это скрупулезное соизмерение затрат и результатов труда, бережливость, экономичность, говоря по-старому, хозрасчет, экономическая рациональность, возведенная в высший принцип существования, в религию» (Воейков 2015: 134).

Исторические типы техники. Другой подход – выделять общественные формации в соответствии с историческими типами техники. Думается, этот подход уже ближе к истине, ведь именно техника определяет саму суть производственного процесса, служащего основанием для экономического уклада. Маркс пишет, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» (Маркс 1960: 191). Соответственно нередко преобладающие формы собственности исследователи связывают с тем или иным уровнем развития техники и технологий. К примеру, так поступает В.А. Вазюлин, характеризуя разницу между рабовладельческой и феодальной общественными формациями следующим образом: «...рабовладельческие отношения возникли и развились при преобладающем применении каменных и деревянных ручных орудий труда в земледелии и скотоводстве. Господство крупной *частной собственности на землю* уже неизбежно предполагает широкое применение железных орудий в земледелии. Только при преобладании в земледелии железных орудий труда, т.е. орудий, с необходимостью предполагающих предварительную обработку, становятся возможными преодоление

господства в земледелии естественно возникшего отношения к земле и установление господства частной собственности на землю» (Вазюлин 2019: 280). Зрелому же капитализму соответствует, по мнению историка, техническая база крупного производства: «...механическое, непрерывное, правильное движение частей рабочей машины коренным образом отличается от функционирования двигательной силы человека и животных, а также от нерегулярной механической силы воды и ветра, если они непосредственно применяются для приведения в движение машин» (Вазюлин 2019: 311).

Однако можно заметить, что и такой подход имеет свои существенные недостатки. *Прежде всего, очень трудно выделять количественный и качественный аспекты развития техники (и технологий). Качественных исторических типов техники можно указать бесконечное множество.* Например, в капиталистическую эпоху технологических укладов сменилось уже довольно много, но суть производственных отношений (сами базовые основы капиталистической системы) от этого изменилась мало.

Еще одна связанная с технико-технологической исследовательской оптикой проблема – попытки ассоциировать наступление коммунистической общественной формации с некоторым уровнем научно-технического развития, который при минимальном приложении совокупного общественного труда позволял бы обеспечивать изобилие материальных благ. Эти попытки приводили к постоянным завышенным оценкам научно-технических возможностей эпохи. Так, уже классики марксизма утверждали (при этом часто вступая в противоречие с другими своими тезисами), что в их время уже все готово для построения социализма. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: «Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем все улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей, – эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно достигнута» (Энгельс 1961: 294). В СССР в официальной пропаганде отмечались грандиозные достижения науки и техники, приближающие настоящий коммунизм¹. Разумеется, никакого реального приближения коммунизма при этом не было.

Специфика производственных отношений. Наконец, с точки зрения идеологии было выгодно делать упор на специфику производственных отношений. В конце концов, на официальном уровне можно было утверждать,

¹ Пример: «...особенно больших успехов добился Советский Союз. Когда-то царская Россия в экономическом отношении далеко отставала от других капиталистических стран. А теперь наша страна занимает второе место в мире по уровню промышленного производства после Соединенных Штатов Америки. В ближайшие годы трудящиеся СССР будут иметь самый короткий в мире рабочий день и рабочую неделю. С октября 1960 года началась постепенная отмена налогов с рабочих и служащих. К концу семилетки взимание налогов прекратится окончательно. Советская наука в ряде отраслей заняла ведущее место в мире. Достаточно напомнить о запуске искусственных спутников Земли и космических кораблей, которые готовят полет человека в космос. Это ли не поразительные достижения социализма, не доказательства его превосходства над капитализмом!» (Кабаев 1961: 4).

что в стране отсутствует эксплуатация человека человеком, все средства производства принадлежат государству (трудящемуся народу) и т.п. Как отмечают авторы коллективной монографии «Марксистско-ленинская теория исторического процесса» (1983), «ограничивать исследование материальной основы исторического процесса производственной техникой – значит заведомо ставить преграду для выяснения различий докапиталистических способов производства. С таких позиций нельзя, например, провести принципиальную черту между социализмом и современным капитализмом. Не всегда учитывается также и то, что производительные силы необходимо рассматривать в диалектической взаимосвязи с производственными отношениями, ибо две стороны общественного способа производства всегда функционируют в неразрывном единстве и не могут характеризоваться одна без другой» (Плетников 1983: 360).

Данный тезис вполне закономерен, поскольку нужно было как-то оправдывать сосуществование «реального социализма» и капитализма примерно на одном научно-техническом уровне развития. При этом было принято рассматривать производительные силы в диалектике с производственными отношениями¹, будто бы плановая экономика и государственная собственность на средства производства принципиально меняют саму общественную формацию (саму суть производственных отношений со всеми вытекающими следствиями). Однако фактически при подобном подходе предлагается рассматривать в качестве главенствующего *политический* фактор, словно преимущественно *политическими* актами можно преобразовать производственные отношения и тем самым изменить общественную формацию. В данном случае мы рискуем выдать желаемое за действительное. Так было в СССР: всецело провозглашалось, что созданные большевиками новые институты управления экономикой – это и есть производственные отношения коммунистической общественной формации (пусть даже ее первой «стадии»). Между тем реальная новизна свелась лишь к появлению одного огромного эксплуататора. Сущность производственных отношений в СССР мало чем отличалась от таковой в США или Европе: имели место эксплуатация труда, денежные отношения, экономическая конкуренция между отдельными производственными единицами и т.п.

¹ Такую аргументацию можно встретить и сегодня. Так, Б.Ф. Славин пишет: «...для подлинного марксистского понимания реальной ситуации здесь нужна не формальная, а диалектическая логика, не технологический детерминизм... и вытекающий из него автоматизм смены общественных отношений, а признание детерминизма общественных отношений и человека по отношению к технике» (Славин 2019: 240). И далее: «...что же, с моей точки зрения, обуславливало “рабочий”, а в перспективе социалистический характер советского государства? Прежде всего, государственная собственность на основные средства производства, с одной стороны, и сознательный или планомерный характер развития экономики и социальной сферы – с другой. Наряду с известными идеологическими и политическими причинами именно эти объективные факторы заложили социалистический вектор развития советского общества, обеспечивающий в первую очередь удовлетворение интересов рабочего класса и трудового крестьянства» (Славин 2019: 243).

Иными словами, ситуация оказывается весьма сложной: или никакие общественные формации как устойчивые, качественно определенные стадии развития общества выделить невозможно, или нужно искать другой критерий их выделения. Имеющиеся же критерии либо являются поверхностными (например, по преобладающей форме собственности), либо упираются в довольно сложную, преимущественно количественную, категорию уровня технологического развития. Ясно, что искать нужно в направлении, связанном с техникой и технологиями, но не ограничиваться ими. Никакие перевороты *только* в производственных отношениях не могут изменить тех жестких ограничений, которые налагают на человеческую свободу материальные условия «производства жизни». Но нам нужно найти более подходящий, качественный, критерий, который бы позволил представить целостную логику исторического процесса.

Преобладающий источник потребительных ценностей как критерий выделения общественных формаций. Основной тезис данной статьи заключается в том, что критерием выделения общественных формаций мог бы быть преобладающий источник потребительных ценностей¹. Под ним здесь подразумевается *преобладающий материальный фактор в процессе формирования полезных свойств тех или иных благ, удовлетворяющих человеческие потребности. Этот фактор определяет, какова роль в экономическом процессе непосредственных производителей, что в свою очередь обуславливает систему властных отношений и отношения эксплуатации и отчуждения.*

В целом можно выделить четыре основных преобладающих источников потребительных ценностей:

- 1) природные процессы;
- 2) контролируемые природные процессы;
- 3) труд;
- 4) творчество.

Источниками потребительных ценностей обуславливаются преобладающие формы производительной деятельности:

1. Присвоение – простое изъятие у природы материальных благ.

2. Регуляция природных процессов – преобразующая деятельность с целью извлечения благ, «созидаемых» преимущественно природой (хотя здесь речь идет уже о том, что обусловлено трудом²). Человек вы-

¹ Речь идет о Марксовом *Gebrauchswert*, изначально переводившемся как «потребительная стоимость». Многие исследователи считают, что *Gebrauchswert* желательно переводить как «потребительная ценность», поскольку это избавляет данное понятие от чисто рыночных коннотаций. «Свойством полезности, – пишет П.Н. Кондрашов, – обладают все явления (как естественные, природные, так и искусственные), имеющие значимость для человека. Наличие этого свойства не зависит от формы общественного производства, ибо продукты природы и труда имеют полезность, или потребительную ценность, и в первобытном, и в рабовладельческом, и в феодальном, и в капиталистическом обществах» (Кондрашов 2016: 2010).

² К примеру, люди уже не просто убивают животных, но преобразуют окружающую среду так, чтобы животные приносили больше благ: приручают их, строят загоны, способствуют их разведению, проводят селекцию и т.п.

ступает главным образом в роли активного регулировщика природных процессов.

3. Трудовая деятельность – действия по активному материальному преобразованию самого природного мира, приносящие экономическую пользу. При этом потребительная ценность тех или иных благ определяется уже не столько природными процессами, сколько самим трудом.

4. Творческая деятельность – нематериальные по своей сути действия (подразумевающие внутреннюю, духовную деятельность, что не исключает ее направленность на материальные объекты), нацеленные на создание идей, концепций, теорий, знаний и т.п., на решение социальных (воспитательных, образовательных и т.п.) или производственных задач.

NB! Категории «труд» и «творчество» в данной схеме не тождественны (хотя принято говорить об интеллектуальном, творческом труде и т.п.). Труд здесь – это совокупность измеримых физических операций, материальное преобразование мира. Напротив, творчество не связано напрямую с физической, телесно-материальной деятельностью, оно «происходит» в области идеального, в сознании. Соответственно и продукты творческой деятельности (идеи, концепции, новые подходы) не материальны (скорее, направлены на материальное), их нельзя точно подсчитать или присвоить – они могут быть только засекречены, или же некоторые обусловленные ими экономические блага могут присваиваться кем-либо в силу рентных отношений (патенты и т.п.).

Мы также признаем, что человеческий труд всегда прикладывается к природе (в том или ином формате работы и среды), он в любую историческую эпоху неотделим от творчества. Речь идет, во-первых, о *преобладающих* в те или иные эпохи источниках потребительных ценностей. Во-вторых, в любом благе также можно найти *основной* источник его полезных свойств. Если растущая в лесу земляника совершенно не требует приложения труда, чтобы «появиться», то искусственная земляника, елочная игрушка например, – это уже в большей степени результат труда, сочетания сложных координированных действий по активному материальному преобразованию исходного «природного» материала. Другой пример: стоимость современного смартфона лишь отчасти обусловлена трудом и природными ресурсами, затраченными на его производство. Два требующих примерно одинаковых затрат человеческого труда и материальных ресурсов смартфона могут отличаться по своим полезным свойствам и, следовательно, по стоимости в десятки и сотни раз. Эта разница обусловлена преобладанием творчества как источника потребительных ценностей.

Рассмотрим сам *механизм влияния преобладающих источников потребительных ценностей* на общественные отношения в целом. Попутно попытаемся заново «определить» общественные формации.

Природные процессы. Если основным источником потребительных ценностей являются природные процессы¹, то речь должна идти об обществе охотников и собирателей. Труд в таком обществе неразвит. Возможности появления материальных излишков несущественны. Соответственно указанные обстоятельства способствуют «первобытному коммунизму» и кочевому образу жизни.

Общественную формацию, порожденную данным основным источником потребительных ценностей, можно обозначить как доклассовую.

Контролируемые природные процессы. Регуляция природных процессов способствует развитию общества сельскохозяйственных производителей и добытчиков ресурсов (речь идет о большей части населения). Труд играет вторичную роль, ибо, скорее, *создает благоприятные условия для природного «возникновения» экономических благ или организованно извлекает их*². Но при этом возникает ограничение возможностей присвоения излишков, что приводит к формированию государства и антагонистических общественных отношений (рабовладение, вассально-ленные отношения и т.п.). Для данного общества *характерен экстенсивный характер экономического развития; это оборачивается уменьшением производительности труда по мере освоения новых земель (более труднодоступные и менее плодородные земли, по Д. Рикардо) и создает постоянный риск «перепроизводства» рабочей силы при уменьшающихся экономических возможностях («мальтузианская ловушка»)*. Масса непосредственных производителей не имеет почти никакого политического значения, так как *положение господствующих социальных слоев обусловлено вовсе не эксплуатацией труда (который всегда находится в «излишке»), а насильственным захватом более богатых земель*. Подобное положение дел ведет к затяжному технологическому «застою», ибо при природорегулирующем способе экономической деятельности развитие рабочей силы, побочным следствием чего является личностное развитие (путем получения образования и т.п.), нецелесообразно.

Общественную формацию, основывающуюся на регуляции природных процессов, можно обозначить как *сословно-классовую* с учетом свойственной данной формации специфики общественных отношений, прекрасно охарактеризованных В.П. Илюшечкиным (Илюшечкин 1996).

¹ Так, можно рассматривать охоту на мамонта как довольно большой труд: нужно сделать копья, организовать в коллектив охотников, выследить, убить мамонта, разделить его мясо и т.п. Однако все равно подавляющую часть «работы» делает природа: этот мамонт сначала был зачат, потом родился, долгие годы ходил и набирал вес (не говоря уже о миллионах лет эволюции и появления самого вида «мамонт»), потреблял ресурсы природы, рос и т.п.

² Здесь наша схема пересекается с концепцией исторических типов техники В.П. Илюшечкина: «Система производительных сил, фиксируемая вторым историческим типом техники и свойственная сословно-классовой стадии развития общества, тоже была природообусловленной, натуральной в своей основе, поскольку господствующее положение в ней занимали такие естественные средства и условия производства, как работники производства, обрабатываемая земля и домашний скот. Однако она представляла собою качественно гораздо более высокую ступень, чем предшествовавшая ей, поскольку являлась основой производящего хозяйства» (Илюшечкин 1996: 206).

Труд¹. Труд как преобладающий источник потребительных ценностей подразумевает, что уже сама трудовая деятельность² преимущественно создает экономические блага («природная» сторона постепенно уходит на второй план). Роль творчества в экономической деятельности становится более значимой, но все же оно играет второстепенную роль. Для общества, в котором труд является преобладающей формой деятельности, характерен интенсивный характер экономического развития: по мере экономического роста производительность труда повышается, ибо производство сводится к все более сложной обработке «природного» материала.

Старые общественные антагонистические отношения сменяются новыми – классовыми (опустим здесь конкретику отношений эксплуатации наемного труда, которые и так хорошо описаны классиками). Перепроизводство рабочей силы отчасти сохраняется, *однако само по себе создание совокупного общественного богатства ставится в прямую зависимость от качества труда как ключевой производительной силы*. Это порождает потребность в большей мобильности «армии труда» (уничтожение крепостного права, ликвидация рабства), в ее постепенной оптимизации (распространение систем массового образования, институтов трудовой социализации, появление институтов социальной политики государства и т.п.). Совершенствование труда производится не только путем развития трудовых навыков, но и посредством все большей интеграции труда с технологической средой (и активного развития последней). А поэтому огромную роль начинает играть конкурентная борьба за развитие технологий применения и эксплуатации труда и повышение его *производительности*.

Поскольку роль труда становится преобладающей, растет и «политический вес» эксплуатируемого класса трудящихся, возникает феномен «массовой демократии» (при всех ее изъянах, хорошо известных любому марксисту).

При этом важно отметить, что разные (второстепенные, не затрагивающие *глубинной сути* производственных отношений) исторические обстоятельства, например результаты борьбы антагонистических классов, могут обуславливать различные политико-правовые оформления производственных отношений в рамках рассматриваемой общественной формации: (почти) «чистый» капитализм, смесь социализма и капитализма («шведский социализм», «интегральное общество» (Цаголов 2016) и т.п.), социализм – в зависимости от того, какая в данный момент тенденция побеждает – элитарная или эгалитарная, рыночная или государственническая³.

¹ Конечно, можно говорить о том, что и крестьяне в эпоху феодализма своим трудом «производили» пшеницу. Однако это будет, скорее, преувеличением, так как фактически крестьянин не производит пшеницу (по крайней мере, «от и до»), а в большей мере – создает условия для ее природного «возникновения».

² О нашем понимании труда см. примечание выше.

³ А потому наблюдается классовая борьба не рабочего класса с буржуазией, а рабочего класса с эксплуататорами наемного труда – буржуазией и государством (которое, надо признать, предстает то как самостоятельный эксплуататор, то как инструмент решения социального вопроса в пользу трудящихся).

NB! Материалистическое понимание истории не обязательно подразумевает строгую линейность развития. Общественная формация – это не строго зафиксированный набор параметров. С помощью материалистического понимания истории можно анализировать, условно говоря, «магистраль» развития общества, но эта «магистраль» может быть довольно широкой, – иметь множество «полос». Поэтому нам представляется вполне резонным и обоснованным «синтез» формационного и цивилизационного подходов к изучению истории (см., например: Шевченко 2016).

Главным последствием опоры на поверхностные или количественные по своей сути критерии выделения общественных формаций стал ошибочный, на наш взгляд, тезис, по которому исторический социализм являлся новой (посткапиталистической) общественной формацией. Но, согласно одному из основных принципов материалистического понимания истории, изложенному еще классиками марксизма, никакая новая общественная формация не складывается до тех пор, пока старая формация не создаст достаточные для того материальные предпосылки¹. Логично, что это подразумевает довольно долгий период, когда эти предпосылки еще не созданы, а стало быть, невозможно предсказать, какой будет следующая общественная формация. Однако идея социализма как альтернативы капитализму (именно как альтернативы ему, хотя сам «дух» социализма проявлял себя уже в раннехристианских общинах (Каутский 2013)) зародилась в позднем Ренессансе, то есть во времена складывания еще только *предпосылок* буржуазного общества. Иными словами, *капитализм и социализм выступают двумя сторонами одной медали*². Учтем, что «Утопия» Т. Мора написана в тот период, когда не было капиталистического обще-

¹ К. Маркс: «Историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда, с одной стороны, потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда, с другой стороны, всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения, – когда, наконец, это всеобщее трудолюбие, благодаря развитию производительных сил труда, постоянно подстегиваемых капиталом, одержимым беспредельной страстью к обогащению и действующим в таких условиях, в которых он только и может реализовать эту страсть, приведет к тому, что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии» (Маркс 1968: 171).

² Здесь нужно еще отметить теорию единого индустриального общества Р. Арона, согласно которой капиталистическое и социалистические общества представляют собой две разновидности индустриального общества (их главными отличиями являются политические режимы и формы собственности на факторы производства) (см.: Aron 1962). Более того, можно также указать теорию конвергенции, в соответствии с которой капиталистический Запад и коммунистический Восток двигались по направлению друг к другу. Точкой их конвергенции должен был стать социализм (посредством социализации Запада и либерализации Востока) (см.: Sorokin 1960).

ства как такового, но уже сложились раннебуржуазные общественные отношения. В целом социалистическая альтернатива всегда «преследовала» капитализм и иногда его вытесняла (как это было/есть в СССР, КНР, КНДР, СРВ и многих других странах). Более того, сам капитализм никогда и не существовал в «чистом» виде (как абсолютно свободная от государства экономика чисто рыночных отношений и т.п.). К примеру, Английская революция совершалась как пробуржуазными, так и просоциалистическими силами, выступавшими за равенство, против частной собственности и т.п. (движение диггеров (Лавровский, Барг 1958)). Иными словами, в представленной здесь схеме исторические капитализм и социализм – *это не разные формации, а две разновидности политико-правовых оформлений производственных отношений в рамках одной и той же общественной формации*. Здесь стоит обратить внимание на то, что социализм (как идея) всегда был эгалитарным «отражением» капитализма, его как бы «моральным», «человечным» отрицанием, но отнюдь не преодолением (снятием). Поэтому не стоит это всегда остающееся обратной стороной медали «отрицание» путать с теми процессами, которые приведут к становлению новой общественной формации. Ротация данных политико-правовых «оформлений» производственных отношений не меняет сути преобладающего способа экономической деятельности, а потому ключевые противоречия обществ на данной стадии развития остаются в силе. Иными словами, капитализм и социализм, по крайней мере в своих исторически известных формах, не являются двумя разными общественными формациями, ибо основаны на одинаковом – трудовом – преобладающем источнике потребительных ценностей.

Общественную формацию, базирующуюся на трудовом преобладающем источнике потребительной деятельности, мы обозначим как *классовую*.

Творчество. Роль творчества в качестве источника потребительных ценностей еще не стала главной. Однако тенденция очевидна: постепенно труд утратит свое «центральное» место. При этом творчество как преобладающий источник потребительных ценностей приведет к формированию новых общественных отношений (Давыдов 2020). Роль классовой принадлежности и идентичности постепенно потеряет свою значимость (классовая стратификация сохранится еще на долгое время, но будет все больше обуславливаться факторами, зависящими от *творческих* способностей отдельных индивидуумов: обладание / необладание востребованными в «креативной» и высокотехнологичной экономике навыками и способностями и т.п.). При этом уже сегодня постепенно возникают основания для новой «антагонистической» социальной стратификации: общество начинает делиться на массу потребителей творческой деятельности (имперсоналиат) и небольшую прослойку выдающихся творческих деятелей – «захватчиков дискурса» (персоналиат) (Давыдов 2019).

NB! О чем-то подобном уже сравнительно давно писали Д. Белл и другие сторонники идеи постиндустриального общества. Белл, в частности, утверждал, что исторические капитализм и социализм

принадлежат единой стадии исторического развития (индустриальное общество¹). По сути, понятия «посткапитализм» и «постиндустриальное общество» у него синонимичны. Белл критиковал марксистскую идею пролетариата как субъекта перехода к посткапиталистическому обществу и отмечал, что такой переход осуществляется постепенно уже в рамках индустриального общества путем складывания нового «господствующего класса» – прослойки ученых и технических специалистов: «...сегодня, хотя собственность и остается важным базовым принципом, еще одним иногда конкурирующим с ней принципом становится техническое мастерство, доступ к которому обеспечивается образованием» (Белл 2004: 156). Соответственно рано или поздно наступит время, когда этот новый, меритократический, класс станет господствующим, а производство знания вытеснит по своей значимости производство материальных благ: «основной класс в нарождающемся обществе – это прежде всего класс профессионалов, владеющий знаниями, а не собственностью» (Белл 2004: 500). Думается, главная проблема теории Белла заключается в том, что он не видел разницы между трудом и творчеством. В его время говорить о какой-либо очевидной тенденции утверждения именно творчества как основного источника потребительных ценностей не приходилось. Технические специалисты, представители сферы услуг и т.п. являли собой лишь новое поколение наемных работников (конечно, творческий компонент труда подрос, но не стал преобладающим), а потому они легко встраивались в саму систему *трудовых* производственных отношений. *Творческий способ экономической деятельности преобладает лишь при крайне высокой степени автоматизации труда, в рамках которого даже труд «профессионалов», технических специалистов подвергается ускоряющемуся технологическому замещению*, что уже сегодня, как показывают эксперты, не выглядит фантастической идеей (см. например: Бриньолфсон, Макафи 2017).

Итак, творчество приходит на смену труду. При этом, как уже было указано выше, в контексте настоящего исследования целесообразно разделять понятия «труд» и «творчество». Труд – повторим вышесказанное – это совокупность материальных (физических) операций по преобразованию того

¹ Д. Белл: «Индустриальные общества – это *экономические общества*, организованные вокруг принципа функциональной эффективности, требующего получения “больших результатов из меньших вложений” и выбора наиболее “рационального” типа действий. В этих условиях решение использовать природный газ вместо угля в качестве топлива будет продиктовано сравнительными затратами, а решение о том, как следует распределить работу, будет зависеть от разумного сочетания имеющихся в распоряжении материалов и квалифицированных кадров. Идеология в данном случае становится неуместной, и на смену ей приходит экономика в виде производственных функций, расчета капитальных издержек, предельной эффективности капитала, линейного программирования и так далее. В этом смысле принципиальное различие между “буржуазной” и “социалистической” экономикой стирается; если кто-то интересуется вопросами оптимизации и максимизации, то здесь он вообще не найдет никаких различий» (Белл 2004: 100).

или иного предмета, которые можно *алгоритмизировать*. Труд, ввиду его «материально-телесной» основы, поддается формализации, он научно измерим и, как правило, предполагает ожидаемый результат (можно взять отдельного человека, за пару месяцев обучить его работать на станке, и он будет приносить точно измеримую пользу при фиксированном рабочем времени). *Творчество же (см. определение выше) по самой своей сущности «скрыто» (находится в области таинственного, внутреннего), непредсказуемо, является результатом стечения обстоятельств, неповторимой судьбы творца, погруженного непосредственно в культурно-историческую и технологическую среду.* Соответственно творчество не способно порождать прибавочную стоимость, ибо его вообще невозможно измерять количественно. Результаты творческой деятельности можно только «присваивать», ограничивая к ним доступ (извлекая «интеллектуальную ренту»), но по мере роста коммуникационных возможностей такие ограничения работают все хуже и все сильнее вступают в противоречие с дальнейшим развитием производительных сил. Творчество – это, наконец, процесс созидания, скорее даже «рождения», новых, нематериальных, благ: идей, решений, технологий, теорий, произведений искусства и т.п. Все это оказывается не чем-то легко присваиваемым, а, так сказать, летучим, легко обобществляемым, становящимся общественным достоянием. Творчество плохо совместимо с регламентациями, нормативами, рациональными расчетами, узкими бюрократическими рамками дозволенного, рекомендуемого и т.п.; это всегда выход за пределы устоявшегося. *Творчество порождает личность (как нечто социально-индивидуальное) и личностное, оно неразрывно связано с персоной, ее историей, ее достижениями и амбициозными стремлениями.* Личность все сильнее стремится заявить о себе, не подчиняться никакой дисциплине и безликой власти, желает стать *самой собой*.

При этом в творческой деятельности велико значение *удачи, случая*. Примечательно то, что это отнюдь не усиливает, как принято считать (см. например: Горц 2010; Бузгалин 2014; Колганов, Бузгалин 2014; Бузгалин 2017; Бузгалин, Колганов 2019), а *ослабляет экономическое значение отдельных, «среднестатистических» индивидуумов (их способность к ультимативному политическому действию)*, так как инвестиции в их личностное развитие перестают давать гарантированный результат: можно дать огромные деньги (или материальные ресурсы) человеку или группе лиц, но совершенно не факт, что они благодаря этим деньгам создадут литературный шедевр, полезное инженерное решение или гениальную научную теорию. Возникает потенциальная ситуация тотального «обесценивания» сущностных сил множества людей, низведения их до статуса «лишних» (о таких тенденциях говорят уже сегодня (см., например: Делягин 2019)). Кроме того, расширяется спектр возможных способов личностной деградации (компьютерные игры, новые виды наркотиков, непрерывный поток развлечений, ухудшающий способность к концентрации внимания и т.п.). Тем не менее рост материальных возможностей и увеличение доли общедоступных благ (производство «с нулевыми предельными издержками» и т.п. (Rifkin 2015)) вполне может привести к обострению антагонистической борьбы получивших не-

которую «экзистенциальную подушку безопасности», «низов» против «верхов» за превращение личностного развития каждого человека в дело всего общества (как самоцель – без расчета на непосредственную «точечную» отдачу «здесь и сейчас»). В перспективе, таким образом, не только тяжелый этап *межформационной социальной революции*, но и сложные поиски оптимальной политико-правовой конфигурации посткапиталистического (постклассового) общества.

Общественную формацию, основанную на творчестве как основном источнике потребительных ценностей мы обозначим как *постклассовую или персоналистскую (лат. persōna – личность¹)*.

Заключение. Сторонники теории общественных формаций так и не пришли к консенсусу относительно главного критерия, который должен лежать в основе выделения общественных формаций. Уже постепенно освобождаясь от идеологического диктата научная дискуссия прервалась реставрацией капитализма и своеобразной «идеологической контрреформацией», когда само материалистическое понимание истории оказалось вытесненным *цивилизационным подходом*. При этом разрешение затруднительной ситуации, казалось бы, уже назревало: 80-е годы породили довольно продуктивную дискуссию о необходимости пересмотра привычной «пятичленки» и объединения докапиталистических антагонистических формаций в единую сословно-классовую. Впрочем, небольшие дополнения и уточнения, критический взгляд на такой критерий выделения общественных формаций, как преобладающая форма собственности, привели к тому, что в центре внимания оказалась не менее проблематичная категория «исторические типы техники». Эти типы, конечно, можно выделять, но дискурс о технике и технологиях неизбежно приводит к необходимости сочетать количественные и качественные их признаки. В итоге мы либо сталкиваемся с бесконечным разнообразием этих типов, либо имеем дело с количественными показателями вроде экономической производительности, чем постоянно и пользовались идеологи, связывая коммунизм с неким (правда, постоянно отодвигаемым в далекое светлое будущее) порождающим изобилие уровнем научно-технического развития.

Но все это не означает, что теория общественных формаций в корне несостоятельна. Сегодня, принимая к сведению новые открывающиеся тенденции общественного развития, мы можем попытаться переосмыслить ключевые принципы выделения общественных формаций. В статье нами предложено выделять общественные формации по «качественному» критерию преобладающих источников потребительных ценностей (природа, контролируемые природные процессы, труд, творчество).

Соответственно ревизии подвергаются и границы общественных формаций. Новая оптика позволяет увидеть, что исторические социализм и ка-

¹ Так как само «обладание личностью» становится главным фактором политического и, условно говоря, культурного господства (выражающемся в контроле над дискурсом), принадлежности к высшей социальной страте в рамках данной общественной формации (Давыдов 2019).

питализм основаны на одном преобладающем источнике потребительных ценностей (труд), а потому их объединяют схожие противоречия, общие сущностные черты (конкуренция, эксплуатация труда, отчуждение и т.п.). Разница заключается лишь в политико-правовом оформлении отношений эксплуатации (государство как совокупный собственник в СССР). Поэтому нужно говорить не только о единой сословно-классовой общественной формации, которая объединяет выделяемые ранее «азиатские», рабовладельческие и феодальные общества, но и о *единой классовой формации*. Следующей же, *постклассовой (персоналистской)*, общественной формации соответствует творчество как основной источник потребительных ценностей. Именно на узловых проблемах творчества в качестве ключевого источника потребительных ценностей необходимо сконцентрировать усилия, чтобы разглядеть черты грядущей общественной формации. Она, думается, будет иметь свою внутреннюю логику, свои собственные противоречия, а стало быть, имманентные ей категории не следует смешивать с категориями постепенно уходящей в прошлое классовой эпохи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амбарцумов Е.А. (ред.) 1984. История марксизма. Т. 1. Марксизм во времена Маркса / общ. ред. и предисл. Амбарцумова Е.А. Москва : Прогресс. 408 с.
- Андерсон П. 2007. Переходы от античности к феодализму. Москва : Издат. дом «Территория будущего». 288 с.
- Андерсон П. 2010. Родословная абсолютистского государства. Москва : Издат. дом «Территория будущего». 512 с.
- Белл Д. 2004. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва : Academia. 994 с.
- Бриньолфсон Дж., Макафи Э. 2017. Вторая эра машин. Москва : Neoclassic ; АСТ. 384 с.
- Бузгалин А.В. 2014. Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная мысль. № 1. С. 135-146.
- Бузгалин А.В. 2017. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. № 7. С. 43-53.
- Бузгалин А.В. 2018. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производственных сил и производственных отношений : (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. № 2. С. 10-38.
- Бузгалин А.В. 2008. XXI век: в чем был прав и в чем ошибался Карл Маркс // Альтернативы. № 4. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8546-xxi-vek-v-chem-byi-prav-i-v-chem-oshibalsya-karl-marks.html (дата обращения: 02.10.2019).
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. 2019. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. № 1. С. 18-28.
- Вазюлин В.А. 2019. Логика истории: Вопросы теории и методологии. Москва : Ленанд. 384 с.
- Воейков М.И. 2015. Вперед к капитализму? К вопросу о предстоящей стадии социально-экономического развития России // Свободная мысль. № 4. С. 126-139.

Горц А. 2010. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 208 с.

Давыдов Д.А. 2019. На пути к новой антагонистической формации? // Дискурс-Пи. № 1. С. 10-20.

Давыдов Д.А. 2020. Личность и государство в терниях посткапитализма: на пути к новой антагонистической общественной формации. Москва : URSS. 218 с.

Делягин М.Г. 2019. Конец эпохи: осторожно, двери открываются!. Т. 1. Общая теория глобализации. Москва : ИПРОГ ; Книж. мир. 832 с.

Илюшечкин В.П. 1990. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах : (опыт системно-структурного исследования). Москва : Наука. 435 с.

Илюшечкин В.П. 1996. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). Москва : Издат. фирма «Восточ. лит.» РАН. 409 с.

Кабаев Г. 1961. Что такое способ производства. Москва : Моск. раб. 85 с.

Каутский К. 2013. История социализма: Предтечи новейшего социализма. Москва : Акад. проект. 848 с.

Качановский В.Ю. 1971. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. Москва : Наука. 289 с.

Келле В.Ж. 1975. К анализу социально-исторической концепции К. Маркса в работе Ф. Тёкеи // Ф. Тёкеи. К теории общественных формаций. Москва : Прогресс. С. 259-270.

Колганов А.И., Бузгалин А.В. 2014. Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. № 3. С. 120-131.

Кондрашов П.Н. 2014. Онтологические структуры историчности. Исследование философии истории Карла Маркса. Москва : URSS. 318 с.

Кондрашов П.Н. 2016. Нелепость, ставшая привычкой // Свободная мысль. № 5. С. 203-217.

Кржевов В.С. 2018. Теория общественно-экономических формаций и программа социалистической революции в России // Вопросы философии. № 12. С. 47-57.

Лавровский В.М., Барг М.А. 1958. Английская буржуазная революция. Москва : Изд-во социально-эконом. лит. 368 с.

Маркс К. 1956. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Москва : Госполитиздат. С. 517-642.

Маркс К. 1959. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 13. С. 1-167.

Маркс К. 1960. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 23. С. 1-920.

Маркс К. 1961. наброски ответа на письмо В.И. Засулич // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 19. С. 400-420.

Маркс К. 1962. Капитал. Т. 3 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 25, ч. 2. С. 1-558.

Маркс К. 1968. Экономические рукописи 1857-1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 46, ч. 1. С. 1-317.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 3. С. 7-544.

Мейсон П. 2016. Посткапитализм: гид по нашему будущему. Москва : Ад Маргинем Пресс. 416 с.

Ойзерман Т.И. 1961. Формирование философии марксизма. Москва : Изд-во социально-эконом. лит. 550 с.

- Ойзерман Т.И. 2003. Марксизм и утопизм. Москва : Прогресс-Традиция. 568 с.
- Плетников Ю.К. (ред.) 1983. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени / отв. ред. Ю.К. Плетников. Москва : Наука. 535 с.
- Сёменов Ю.И. 1998. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. № 3. С. 190-233.
- Славин Б.Ф. 2019. Возвращение Маркса: О социальном идеале Маркса и исторических судьбах социализма. Москва : Ленанд. 304 с.
- Тёкеи Ф. 1975. К теории общественных формаций. Москва : Прогресс. 274 с.
- Цаголов Г.Н. (ред.) 2016. Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / Богомолов О.Т., Водолазов Г.Г., Глазьев С.Ю. и др. ; отв. ред. Г.Н. Цаголов. Москва : URSS. 256 с.
- Шевченко В.Н. 2016. Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. № 2. С. 33-44.
- Энгельс Ф. 1961. Анти-Дюринг. Перевоорот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Госполитиздат. Т. 20. С. 5-343.
- Aron R. 1962. Dix-Huit Leçons Sur La Société Industrielle. Paris : Gallimard. URL: <http://documents.irevues.inist.fr/handle/2042/30131> (дата обращения: 02.10.2019).
- Rifkin J. 2015. The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism. New York : St. Martin's Griffin. 448 p.
- Sorokin P.A. 1960. Mutual Convergence of the United States and the U.S.S.R. to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. Vol. 1, № 2. P. 143-176.
- Srnicek N., Williams A. 2015. Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work. New York : Verso. 272 p.

Dmitry A. Davydov, Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7978-9240

ResearcherID: O-3033-2017

SPIN-код: 1881-6989

Article received 04.10.2019, accepted 07.04.2020, available online 06.07.2020

UNFINISHED DISCUSSION: AN ATTEMPT TO RECONSIDER PRINCIPLES OF ALLOCATING SOCIOECONOMIC FORMATIONS

Abstract. The article raises the question of the heuristic potential of the theory of socioeconomic formations. The author tries to challenge the opinion shared by many researchers that this theory was an exclusively ideological product aimed at justifying the political regime that prevailed in the USSR. Behind dogmatic template-like judgments the lively discussions aimed at elucidating the universal laws of social development were hidden. The results of these discussions do not lose their relevance today as many scientists are discussing again the prospects of a post-capitalist society.

The theory of socioeconomic formations is aimed at finding relevant criteria for highlighting the historical stages of social development within the framework of a materialistic

understanding of history. As such a criterion, the prevailing forms of ownership, historical types of technology, and the specifics of relations of production are proposed. At the same time, the article substantiates that each of these criteria had produced many problems. Thus, the traditional Eurocentric scheme for changing the prevailing forms of ownership was poorly coordinated with the social processes taking place in the East. The technical and technological criterion turned out to be extremely difficult in terms of identifying the qualitative stages of scientific and technological development. The emphasis on the specifics relations of production led to poorly consistent conclusions that there was a fundamental difference between Soviet socialism and Western industrial capitalism.

The article attempts to discard obsolete dogmatic and ideological constructions from the theory of social formations. At the same time, it proposes using such a criterion for highlighting social formations as the prevailing sources of consumer values (natural processes, controlled natural processes, labor, and creativity). This criterion allows to connect qualitatively a quantitative technical and technological criterion with political and legal phenomena, such as prevailing forms of ownership, systems of relations of power, exploitation and exclusion, etc., into a single causal scheme. An attempt was made to redefine social formations (pre-class, class-class, class, personalist), based on the corresponding prevailing sources of consumer values. The conclusion is made that the historical forms of socialism and capitalism are different modifications of the class socioeconomic formation (based on labor as the predominant source of consumer values). The emergence of a personalistic socioeconomic formation based on creativity as the main source of consumer values is an extremely controversial process. This formation will have its internal logic and contradictions; therefore, the categories characterizing it should not be confused with the categories of a class socioeconomic formation that is gradually fading into the past.

Keywords: theory of socioeconomic formations; socioeconomic formations; capitalism; socialism; communism; Marxism; post-capitalism; mode of production

For citation: Davydov D.A. *Neokonchennaya diskussiya: k voprosu o printsipakh vydeleniya obshchestvennykh formatsiy* [Unfinished discussion: an attempt to reconsider principles of allocating socioeconomic formations], *Antinomii = Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 75-103. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10203. (in Russ.).

The present article is part of the project “The Contours of Post-Capitalist Society: Perspectives and Social Contradictions (research grant No. 19-011-00650 A – Russian Foundation of Basic Research).

References

Ambartsumov E.A. (ed.) *Istoriya marksizma. T. 1. Marksizm vo vremena Marksa* [The History of Marxism. Vol. 1. Marxism in the Time of Marx], Moscow, Progress, 1984, 408 p. (in Russ.).

Anderson P. *Perekhody ot antichnosti k feodalizmu* [Passages from Antiquity to Feudalism], Moscow, Izdatel'skiy dom “Territoriya budushchego”, 2007, 288 p. (in Russ.).

Anderson P. *Rodoslovnaya absolutistskogo gosudarstva* [Lineages of the Absolutist State], Moscow, Izdatel'skiy dom “Territoriya budushchego”, 2010, 512 p. (in Russ.).

Aron R. *Dix-Huit Leçons Sur La Société Industrielle*. Paris, Gallimard, 1962, available at: <http://documents.irevues.inist.fr/handle/2042/30131> (accessed: October 02, 2019).

Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting], Moscow, Academia, 2004, 994 p. (in Russ.).

Brynjolfsson E., McAfee A. *Vtoraya era mashin* [The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies], Moscow, Neoclassic, AST, 2017, 384 p. (in Russ.).

Buzgalin A.V. *Kreativnaya ekonomika: chastnaya intellektual'naya sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse?* [Creative Economy: Private Intellectual Property or Ownership by Everybody of Everything?], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 7, pp. 43-53. (in Russ.).

Buzgalin A.V. *Pozdnyy kapitalizm i ego predely: dialektika proizvodstvennykh sil i proizvodstvennykh otnosheniy : (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa)* [Late Capitalism and Its Limits: Dialectics of Productive Forces and Production Relations The Decline of Neo-liberalism (to the 200th Birth Anniversary of Karl Marx)], *Voprosy politicheskoy ekonomii*, 2018, no. 2, pp. 10-38. (in Russ.).

Buzgalin A.V. *Pozdnyy kapitalizm: kapital, rabochiy, kreator* [Late Capitalism: Capital, Worker, Creator], *Svobodnaya mysl'*, 2014, no. 1, pp. 135-146. (in Russ.).

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Transformatsii sotsial'noy struktury pozdnego kapitalizma: ot proletariata i burzhuzii k prekariatu i kreativnomu klassu?* [Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class?], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019, no. 1, pp. 18-28. (in Russ.).

Buzgalin A.V. *XXI vek: v chem byl prav i v chem oshibalsya Karl Marks* [XXI Century: What was Right and What was Wrong Karl Marx], *Al'ternativy*, 2008, no. 4, available at: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8546-xxi-vek-v-chem-by-l-prav-i-v-chem-oshibalsya-karl-marks.html (accessed October 02, 2019). (in Russ.).

Davydov D.A. *Lichnost' i gosudarstvo v terniyakh postkapitalizma: na puti k novoy antagonisticheskoy obshchestvennoy formatsii* [Personality and State in the Thorns of Post-capitalism: on the Way to a New Antagonistic Socioeconomic Formation], Moscow, URSS, 2020, 218 p. (in Russ.).

Davydov D.A. *Na puti k novoy antagonisticheskoy formatsii?* [On the Way to a New Antagonistic Socioeconomic formation], *Diskurs-Pi*, 2019, no. 1, pp. 10-20. (in Russ.).

Delyagin M.G. *Konets epokhi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! T. 1. Obshchaya teoriya globalizatsii* [End of an Era: Watch Out, the Doors Open! Vol. 1. General Theory of Globalization], Moscow, IPRG, Knizhnyy mir, 2019, 832 p. (in Russ.).

Engels F. *Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyy gospodinom Evgeniem Dyuringom* [Herr Eugen Dühring's Revolution in Science], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 20, pp. 5-343. (in Russ.).

Gorz A. *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [The Immaterial: Knowledge, Value and Capital], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2010, 208 p. (in Russ.).

Ilyushechkin V.P. *Ekspluatatsiya i sobstvennost' v soslovno-klassovykh obshchestvakh : (opyt sistemno-strukturnogo issledovaniya)* [Exploitation and Ownership in Estate and Class based Societies (Experience in System-Structural research)], Moscow, Nauka, 1990, 435 p. (in Russ.).

Ilyushechkin V.P. *Teoriya stadiynogo razvitiya obshchestva (istoriya i problemy)* [The Theory of the Staged Development of Society (History and Problems)], Moscow, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN, 1996, 409 p. (in Russ.).

Kabaev G. *Chto takoe sposob proizvodstva* [What is the Mode of Production], Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1961, 85 p. (in Russ.).

Kachanovsky V.Yu. *Rabovladienie, feodalizm ili aziatskiy sposob proizvodstva? Spor ob obshchestvennom stroe drevnego i srednevekovogo Vostoka, dokolonial'noy Afriki i dokolumbovoy Ameriki* [Slavery, Feudalism, or the Asian Mode of Production? The Debate About the Social Order of the Ancient and Medieval East, Pre-colonial Africa and Pre-Columbian America], Moscow, Nauka, 1971, 289 p. (in Russ.).

Kautsky K. *Istoriya sotsializma: Predtechi noveyshego sotsializma* [Forerunners of Modern Socialism], Moscow, Akademicheskii proekt, 2013, 848 p. (in Russ.).

Kelle V.Zh. *K analizu sotsial'no-istoricheskoy kontseptsii K. Marksa v rabote F. Tekei* [By the Analysis of the Socio-historical Conception of Marx in the Work of F. Tokei], *F. Tekei. K teorii obshchestvennykh formatsiy*, Moscow, Progress, 1975, pp. 259-270. (in Russ.).

Kolganov A.I., Buzgalin A.V. *Polemicheskie zametki o tselevykh aktsentakh al'ternativnoy sotsial'no-ekonomicheskoy strategii* [Polemical Notes on Target Accents Alternative Socio-economic Strategy], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no. 3, pp. 120-131. (in Russ.).

Kondrashov P.N. *Nelepost', stavshaya privyichkoy* [Absurdity that has Become a Habit], *Svobodnaya mysl'*, 2016, no. 5, pp. 203-217. (in Russ.).

Kondrashov P.N. *Ontologicheskie struktury istorichnosti. Issledovanie filosofii istorii Karla Marksa* [Ontological Structures of Historicity. The Study of Karl Marx's Philosophy of History], Moscow, URSS, 2014, 318 p. (in Russ.).

Krzhevov V.S. *Teoriya obshchestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i programma sotsialisticheskoy revolyutsii v Rossii* [Theory of Social Formations and the Socialist Revolution Program in Russia], *Voprosy filosofii*, 2018, no. 12, pp. 47-57. (in Russ.).

Lavrovsky V.M., Barg M.A. *Angliyskaya burzhuaznaya revolyutsiya* [The English Bourgeois Revolution], Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1958, 368 p. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov* [Grundrisse], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1968, vol. 46, pt. 1, pp. 1-317. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 g.* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844], *K. Marks, F. Engel's. Iz rannikh proizvedeniy*, Moscow, Gospolitizdat, 1956, pp. 517-642. (in Russ.).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [A Contribution to the Critique of Political Economy], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1959, vol. 13, pp. 1-167. (in Russ.).

Marx K. *Kapital. T. 1* [Capital. Vol. 1], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1960, vol. 23, pp. 1-920. (in Russ.).

Marx K. *Kapital. T. 3* [Capital. Vol. 3], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1962, vol. 25, pt. 2, pp. 1-558. (in Russ.).

Marx K. *Nabroski otveta na pis'mo V.I. Zasulich* [Drafts of the Letter to Vera Zasulich], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 19, pp. 400-420. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology], *K. Marks, F. Engel's. Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1955, vol. 3, pp. 7-544. (in Russ.).

Mason P. *Postkapitalizm: gid po nashemu budushchemu* [PostCapitalism: A Guide to our Future], Moscow, Ad Marginem Press, 2016, 416 p. (in Russ.).

Oyzerman T.I. *Formirovanie filosofii marksizma* [Marxism and Utopianism], Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1961, 550 p. (in Russ.).

Oyzerman T.I. *Marksizm i utopizm* [The Formation of the Philosophy of Marxism], Moscow, Progress-Traditsiya, 2003, 568 p. (in Russ.).

Pletnikov Yu.K. (ed.) *Marksistsko-leninskaya teoriya istoricheskogo protsessa. Istoricheskii protsess: tselostnost', edinstvo i mnogoobrazie, formatsionnye stupeni* [Marxist-Leninist Theory of the Historical Process. The Historical Process: Integrity, Unity and Diversity, Formational steps], Moscow, Nauka, 1983, 535 s. (in Russ.).

Rifkin J. *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism*, New York, St. Martin's Griffin, 2015, 448 p.

Semenov Yu.I. *Marksova teoriya obshchestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i sovremennost'* [Marx's Theory of Socioeconomic Formations and Modernity], *Filosofiya i obshchestvo*, 1998, no. 3, pp. 190-233. (in Russ.).

Shevchenko V.N. *Tsivilizatsionnyy podkhod pod ognem kritiki* [Civilization Approach under the Fire of Criticism], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 33-44. (in Russ.).

Slavin B.F. *Vozvrashchenie Marksa: O sotsial'nom ideale Marksa i istoricheskikh sud'bach sotsializma* [The Return of Marx: On the Social Ideal of Marx and the Historical Fates of Socialism], Moscow, Lenand, 2019, 304 p. (in Russ.).

Sorokin P.A. Mutual Convergence of the United States and the U.S.S.R. to the Mixed Sociocultural Type, *International Journal of Comparative Sociology*, 1960, vol. 1, no. 2, pp. 143-176.

Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work*, New York, Verso, 2015, 272 p.

Tsagolov G.N. (ed.) O.T. Bogomolov, G.G. Vodolazov, S.Yu. Glaz'ev et al. *Novoe integral'noe obshchestvo: Obshcheteoreticheskie aspekty i mirovaya praktika* [New Integral Society: General Theoretical Aspects and World Practice], Moscow, URSS, 2016, 256 p. (in Russ.).

Tokei F. *K teorii obshchestvennykh formatsiy* [To the Theory of Socieconomic Formations], Moscow, Progress, 1975, 274 p. (in Russ.).

Vazyulin V.A. *Logika istorii: Voprosy teorii i metodologii* [Logic of History: Questions of Theory and Methodology], Moscow, Lenand, 2019, 384 p. (in Russ.).

Voeykov M.I. *Vpered k kapitalizmu? K voprosu o predstoyashchey stadii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Forward to apitalism? On the Upcoming Stage of Socio-Economic Development of Russia], *Svobodnaya mysl'*, 2015, no. 4, pp. 126-139. (in Russ.).

Филимонов К.Г., Топычканов А.В. «Идеи университета»: за пределами этатизма, менеджериализма и «башни из слоновой кости» (к вопросу о медиативных функциях университета). DOI 10.24411/2686-7206-2020-10204 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 104–126.

УДК 378.4

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10204

«ИДЕИ УНИВЕРСИТЕТА»: ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭТАТИЗМА, МЕНЕДЖЕРИАЛИЗМА И «БАШНИ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ» (К ВОПРОСУ О МЕДИАТИВНЫХ ФУНКЦИЯХ УНИВЕРСИТЕТА)¹

Кирилл Геннадьевич Филимонов

младший научный сотрудник Центра политологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия
E-mail: kirill.filimonov.ras@outlook.com
ORCID: 0000-0001-7698-8666
SPIN-код: 1930-3186

Андрей Владимирович Топычканов

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
кафедры истории и теории политики факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
E-mail: topychkanov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5372-4414
ResearcherID: A-6005-2017
ScopusID: 57191092610
SPIN-код: 2551-5113

*Статья поступила 20.12.2019, принята к печати 12.02.2019,
доступна online 06.07.2020*

Современные университеты часто становятся объектами дискуссий в публичной сфере, в ходе которых обсуждаются актуальность университетских программ, финансирование науки и высшего образования и ряд других вопросов. Данные дискуссии вновь и вновь побуждают политических теоретиков к рефлексии по поводу

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта № 19-011-31634 «Университет как медиатор: разработка концептуальной модели позиционирования университета в государственной системе и в разрешении вопросов социально-политического развития», реализуемого при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

«идей университета». Эти идеи связываются с ценностями, ожиданиями и убеждениями и чаще всего выражаются в форме нормативных представлений, основанных либо на прагматизме, когда университет определяется как функциональный элемент государственной системы, либо на утилитаризме, когда от него требуется удовлетворить экономические запросы общества, либо на идеализме, предполагающем позиционирование университета как «башни из слоновой кости». Обозначенные позиции несколько преувеличивают значение одних характеристик университета в ущерб другим, не только искажая оптику исследования, но и определенным образом корректируя социальные убеждения, влияющие на развитие государственных систем и университетов. Отталкиваясь от институционального подхода, авторы данной статьи попытались предложить теоретическую позицию, позволяющую уловить текущую прагматику университетского сообщества, рынка и государства в отношении развития университетов и определить их вклад в организацию социального порядка. Согласно этой позиции университет следует рассматривать как институт-медиатор, который а) обладает публичной субъектностью; б) выступает агентом социальных отношений, действуя в качестве организационной формы университетского сообщества; в) осуществляет коммуникативный обмен с внешней средой (в лице обществ, государств, рынков); г) создает условия для взаимодействия различных участников социальных отношений, в том числе на собственной площадке, в рамках формализованной рациональной публичной дискуссии; д) наконец, производит знания, влияющие на организацию социального порядка. Все это в совокупности и позволяет считать университет медиатором. Такая позиция университета позволяет ему успешно выполнять свою медиативную роль как внутри университетской корпорации, так и вне ее, балансировать между различными социальными ожиданиями и оставаться одной из самых стабильных и адаптивных организационных форм, конституирующих социальный порядок.

Ключевые слова: университет, «идея университета», этатизм, менеджериализм, медиация, институт-медиатор, социальный порядок.

Современный корпус знаний об университете обширен. С момента своего возникновения он представлял собой попытку реализовать определенный жизненный идеал, который, подобно другим общественным институтам – Римской католической церкви, средневековой сословной иерархии или современному национальному государству, упорядочивал бы общественные отношения, связанные с воспроизводством знаний, профессиональной подготовкой кадров и экспертизой. Каждая попытка упорядочивания, в свою очередь, породила комплекс представлений о том, что есть университет, для чего он предназначен и каковы его перспективы.

Эти более или менее структурированные представления – *идеи университета* – неразрывно связаны с ценностями, ожиданиями и убеждениями, которые во многом и определяют содержание каждой конкретной идеи. Многовековая история университетов накопила целый комплекс такого рода идей. Некоторые из них стали достаточно влиятельными, чтобы определять направления научных исследований и государственной политики в отношении университетов. Другие же менее заметны в публичной сфере и в политике, но продолжают занимать ключевые позиции в научном дискурсе об оптимальной «идее университета». Однако для исследователя важно сохранять критический взгляд при рассмотрении доминирующих позиций,

уделяя внимание и тем подходам, которые не являются популярными на данный момент.

В противном случае мы рискуем получить искаженное представление о роли, которую университеты играют в организации социетального порядка, а наше изучение этой роли сведется к «работе с [популярными] прилагательными» (Кузьминов, Песков 2017: 209) и к аргументации в пользу исследовательского, предпринимательского или «цифрового» университета. Вполне вероятно, что доминирующая «идея университета» не будет соответствовать ни реально существующим запросам государства, рынка или общества, ни тем возможностям, которые требуются для ее практического воплощения. Более того, теоретически привлекательная «идея университета» может получить столь широкое признание в публичном дискурсе, что начнет определять не только государственную политику, но и методологические предпочтения академического сообщества – эвристику «идеи университета», меняющую социетальный порядок.

В конечном итоге формируется комплекс «идей университета», которые побуждают одних – к борьбе за независимость и автономию университетского сообщества, а других – к тому, чтобы коммерциализировать исследования и встроить университет в цепочки производственных отношений, работающих на интересы развития территорий. Подобные расхождения создают немалые сложности для исследователей, которые пытаются продемонстрировать роль университета в организации социетального порядка. Однако их необходимо преодолеть, чтобы, во-первых, комплексно проанализировать социетальную роль университета, а во-вторых, акцентировать те аспекты, которым уделяется сегодня гораздо меньше внимания, чем обсуждению вклада университетов в очередной технологический «прорыв». Речь в данном случае идет о том, какое место занимает университет в определении современной демократической политики (Гуторов 2009: 33; Гуторов 2019) и насколько сегодня велика доля участия и/или представительства, которые университетское сообщество имеет в универсальном политическом пространстве.

У истоков «идеи университета». Исследование «идеи университета» как таковой предполагает анализ его институциональной эволюции. Истоки формирования этой идеи некоторые ученые видят в античной высшей школе¹, однако только Средневековье придало объединениям преподавателей и учеников – *universitas magistrorum et scholarum* – характер корпоративной организации, наделив их от имени Римского папы или императора Священной Римской империи правами и привилегиями. Это позволило некоторым медиевистам утверждать, что с момента своего возникновения университеты были властными институтами или даже своеобразными институтами управления (см.: Ле Гофф 2001: 413). Триада «*imperium* (светская власть) – *sacerdotium* (церковная власть) – *studium* (власть знания)» довольно удачно описывает позиции университетов,

¹ Этот взгляд на ранние истоки университетской организации представлен, например, в работе (Walden 1909).

если рассматривать ее как комплекс социальных, экономических и политических ожиданий или даже притязаний. В структуре этих притязаний знание, культивируемое в университетах, имело статус властного ресурса. Опираясь на принципы интеллектуального и культурно-языкового универсализма и сформировав общий корпус авторитетных текстов, университетское сообщество создало систему социально-экономических отношений вокруг интеллектуального продукта, который оно производило. В результате постепенно формировалось то, что исследователи высшего образования назвали «рынком академического знания» (Weik 2014). Субъектность университетской корпорации отчетливо проявилась в ее позиционировании на этом «рынке» сначала как очевидного монополиста (De Ridder-Simoens 2003), а затем как одного из агентов, монополия которого была оспорена в эпоху Возрождения гуманистами, представителями «республики ученых», ордена иезуитов и иных конкурирующих структур (Casanova 2004; Grendler 2018).

На протяжении Средних веков и раннего Нового времени влияние университетов на выработку и принятие политических решений существенно колебалось. В процессе формирования национальных государств они постепенно начинают встраиваться в структуру государственных систем и меняющиеся конфигурации публичных институтов, испытывая кризис собственной идеологии. В наибольшей степени это проявлялось в работе высших факультетов (теологического, юридического и медицинского), преподавание на которых санкционировалось правительством с целью «оказать наиболее сильное и длительное влияние на народ» (Кант 2002: 50). Говоря о содержании такого влияния применительно к юридическим факультетам, И. Кант утверждал следующее: «Просвещение народа есть публичное обучение народа его обязанностям и правам по отношению к государству, к которому он принадлежит» (Кант 2002: 210). Сохранив за университетами статус привилегированных корпораций, Прусское общее земское уложение 1794 г. открыто провозгласило, что «университеты являются учреждениями государства, которые намерены обучить юношество полезным знаниям и наукам» (Kahl 2004: 11).

На рубеже XVIII–XIX вв. утверждается модель исследовательского университета, конституирующим элементом которой становится производство знания. Современный нам университет – это результат эволюции исследовательского университета (Wittrock 1993: 370) в процессе взаимодействия его с более новыми формами производства знания, организации образования и экспертизы. Идеологи классического университета выступали за его политическую нейтральность (Куренной 2020: 26–27), однако на практике служение общему благу отождествлялось со служением государству, нации и обществу, что способствовало налаживанию связей между университетом и правительством, между формами знания, исследования и экспертизы, с одной стороны, и практиками управления, существовавшими в различных

¹ Лучше всего данные связи исследованы на примере работы юристов (Schnur 1986; Уортман 2004; Шахрай, Краковский 2017 и др.).

политических сообществах, – с другой¹. Новое положение университета отразилось в особом статусе университетских профессоров, которых Фритц Рингер метафорично назвал мандаринами, то есть государственными служащими (Рингер 2008, ср.: Александров 2002; Тихонов 2014). В результате к XX в. университет подошел со значительным опытом конструирования публичной субъектности, позволяющим в той или иной степени согласовывать научный этос, корпоративную солидарность и политическую вовлеченность¹.

«Идеальные типы» позиционирования университета в публичной сфере. В XX в. в процессе институционального развития университета, приведшего к появлению массовой формы данного института, развернулась публичная полемика вокруг идеалов высшего образования. Некоторые исследователи, например Б.Р. Кларк, считают, что такие дебаты не имеют особого смысла, равно как и трата времени на изучение их интеллектуального наследия (Кларк 2011: 32-33). Однако согласно современному институциональному подходу траекторию социетального развития определяют не только формальные правила, но и структура мотивации, как раз включающая идеи, убеждения и представления (Aghion et al. 2010; Грейф 2013). Именно поэтому следует уделить внимание идеалам – прагматическому, идеалистическому и утилитаристскому комплексам убеждений и ожиданий по поводу должной организации университета. Каждый идеал задает траекторию, по которой развиваются наши представления о «правильном» устройстве университета, определяются ключевые направления публичной дискуссии об университете и осуществляется организационный анализ университетов². Обзор этих позиций составляет предмет дальнейшего исследования.

К *первому типу* идеала позиционирования университета в публичной сфере относится комплекс представлений об университете как о публичном или же государственном институте, глубоко укорененном в структуре государственной системы. Он тесно связан с правительственной бюрократией и чаще всего рассматривается последней как инструмент «национальной» государственной политики в области науки и высшего образования. Его целеполагание – воспроизводство социально-экономического порядка. В отдельных случаях – это зависит от возраста университета, количества его достижений и влияния на публичное мнение в целом – сторонники данной позиции склонны подчеркивать роль университета в сохранении социально-политической традиции.

Второй тип идеала университета заставляет акцентировать внимание на таком организационном аспекте, как автономия по отношению к внеш-

¹ Этот опыт особенно заметно проявил себя в период революционных потрясений (Ростовцев 2017) и Первой мировой войны (Chagnon, Irish 2018; Taylor 2018).

² Выделение этих траекторий представляет собой довольно упрощенный взгляд на организационные идеалы университетов, администрация которых нередко комбинирует различные идеальные типы, например интерпретируя локальные задачи социально-экономического развития как служение интересам нации (Vok 1982: 8, 25, 61).

нему миру, «полному благих намерений» и диктующему университету, как следует проводить исследования, что необходимо изучать и что преподавать. И здесь мы встречаем целый ряд совершенно блестящих в риторическом отношении приемов, с помощью которых адепты этого подхода призывают университет избегать любых форм патронажа внешнего мира и «не продавать право, присущее ему в силу происхождения, за миску чечевичной похлебки» (Oakeshott 2004b: 30).

Третий – содержит комплекс представлений, восходящих к концепции нового государственного менеджмента, которая взята на вооружение сегодняшней российской политикой в области науки и высшего образования. Изъяны и преимущества соответствующей траектории развития университетов в достаточной мере обсуждались в публичных дискуссиях и на страницах научных журналов¹. В нашем случае отметим, что данная траектория заставляет университет перестраивать свои подходы к образованию и науке, а также более активно взаимодействовать с внешней средой как в рамках своей «третьей миссии» – приписываемой и/или «добровольно» взятой на себя, так и в рамках рынка, меняющего этатистские установки правительственной бюрократии и университетской администрации и заставляющего ее искать новые источники финансирования.

Во внутренней политической экономии университетов данные идеалы преобразуются в три модели структурно-функциональной организации университетов, описанные в работе Т. Парсонса и Дж.М. Платта «Американский университет» 1973 г. Авторы выделяют (1) модель «рынка», в котором факультеты выступают «производителями», а студенты «потребителями» интеллектуального продукта; (2) модель бюрократической организации, где ведущая роль принадлежит руководству университета (ректорам или советам попечителей), сотрудники факультетов находятся в позиции «менеджеров» среднего и низшего звена, а студентам отведена роль «сотрудников», которые должны следовать указаниям; (3) модель демократической ассоциации, в которой все члены университетского сообщества – студенты, преподаватели/исследователи и руководство – действуют как «граждане» определенного политического сообщества; в отдельных случаях также учитывается роль работодателей (Parsons, Platt 1973: 125)².

На каждом уровне социетальной организации университет выполняет свою роль – либо промышленной корпорации для развития инноваций и трансфера технологий, либо правительственной структуры, реализующей

¹ См., например, специальный выпуск журнала «Социальная эпистемология», в котором редакторы акцентируют тему позиционирования университета в публичной сфере в условиях цифровизации и «экономики знания» (Cruickshank, Abbinet 2019).

² За рядом исключений, связанных с изменениями конфигурации рынка труда и профессиональных компетенций, исследование Т. Парсонса и Дж.М. Платта сохраняет свою актуальность с теоретико-методологической точки зрения. Например, третья из приведенных авторами моделей остается популярной в институциональных исследованиях высшего образования вплоть до настоящего времени (Соколов, Лопатина, Яковлев 2018).

государственный/национальный интерес, либо культурного института, сохраняющего знания и поддерживающего традицию (Bleiklie 1999: 510). Все три роли суть следствия преобладания определенного стиля в политике, устанавливающего приоритеты для социетального развития – от построения «национальных идентичностей» до служения «общественному благу». Как правило, приоритеты либо навязаны внешней по отношению к университету средой, либо сформулированы университетской корпорацией в ответ на давление этой среды (как, например, приоритет ограниченного вмешательства «общества» и «государства» во внутренние дела университета).

Таким образом, в публичной дискуссии, посвященной «идее университета», доминируют крайние позиции, достижение консенсуса по которым представляет значительную трудность. Природа этих позиций, специфика их развития и распространения характерны для «идеологической политики» (Oakeshott 2004a; Оукшотт 2002), сопровождающей интенсификацию одного принципа, организующего социетальный порядок, в ущерб другим. Использование подобных «обыденных абстракций» (Хайек 2003), служащих нормативными образцами и объяснительными моделями для текущей ситуации (подобно сегодняшней концепции научно-технологического прорыва) или фиксирующих уже устоявшиеся формы человеческого взаимодействия (такие, как государство или система высшего образования), может быть полезно в публичной сфере, государственной политике и управлении, однако такого рода упрощения безусловно искажают научное восприятие социально-политических процессов и идей.

Кеннет Миног обратил внимание на две причины, по которым мы склонны заблуждаться в отношении того, что есть университет и каким ему следует быть. Первая возникает из редукции представлений о самой сути университетского образования: оно все больше воспринимается как образование профессиональное, а не классическое. В свою очередь, это порождает механистическую трактовку университетского образования в качестве простой трансляции знаний – от преподавателя к студентам. Вторая причина, по его мнению, заключается в том, что восприятие современного университета базируется на социологическом предубеждении, сводящем суть этого института к его функционалу. В результате университет интерпретируется как невыразительная и податливая субстанция, зависимая от социальных контекстов и запросов. «...Привычка рассматривать университет в функционалистских терминах, – пишет Миног, – стала настолько распространенной, что вполне может утвердить себя в качестве исторической истины» (Minogue 1973: 2).

Публичная субъектность университета. Разрешить вышеописанное противостояние сторонников крайних позиций возможно только при условии отделения публичной субъектности университета от нормативных эссенциалистских представлений о том, чем он должен быть. Главная сложность состоит в том, что эта субъектность чаще всего ускользает из публичного дискурса и слабо в теоретическом плане артикулирована в анализе социетальной роли университета. Для предлагаемого подхода необходимо

«[ре]интерпретировать функции»¹ университета в соответствии с текущим познавательным запросом, то есть выделить контуры дискурса, которые наиболее удачно подчеркивают суть существующих представлений об университете, его положении в обществе и позволяют говорить о его адаптации к запросам рынков, государственных институтов и публичной сферы в целом.

Для этого мы предлагаем исследовать университет как агент социальных отношений, который в рамках демократической политики действует в качестве сообщества, обладающего интересами, автономией и, в некоторой степени, академической свободой. При этом мы акцентируем внимание на том факте, что университеты, действуя наряду с иными социальными группами и корпоративными организационными формами, отнюдь не всегда являются политическими или государственными институтами, а тем более структурами в управленческом аппарате государства, ответственными за решение вопросов национального благосостояния или государственного и строительства.

Стив Фуллер предлагает определить позицию университетов с помощью категории «полуправительственная организация» (*para-governmental organizations*) – для наблюдения за теми аспектами активности университетов (что справедливо и относительно некоторых других институтов, например церкви), которые можно квалифицировать как управленческие и «традиционно реализуемые государством». «Университеты, – утверждает автор, – заслуживают того, чтобы их рассматривали таким образом... [они] отличаются от неправительственных организаций как в плане своих компетенций, так и в плане специфики их отношений с государством» (Fuller 2006: 369).

Изучая публичную субъектность университета, мы, с одной стороны, базируемся на концептуальных построениях о роли различных, в том числе неправительственных, институтов в политическом процессе и регулировании отношений в публичной сфере². В связи с этим особенно важно обращение к работам Ф. Хайека (Хайек 2016), М. Оукшотта (Oakeshott 1975a; Oakeshott 1975b), Дж. Дьюи (Дьюи 2002; Dewey 1997), К. Морриса (Morris 2002), предлагающим теоретический аппарат, чтобы различать, во-первых, проблемы социально-политического порядка и проблемы государства, а во-вторых, проблемы государства и проблемы университета.

С другой стороны, этот взгляд опирается на исследования, в которых ценностно обусловленное видение будущего университета прагматично

¹ Здесь мы используем выражение Ю. Хабермаса, который под «интерпретацией функций» имеет в виду многообразие деятельности университета, включающее приумножение знания, подготовку студентов и следующих поколений академического сообщества и формирование общественного мнения (Habermas, Blazek 1987: 8).

² Ранее мы уже обозначали подобный подход, рассмотрев роль участников политического процесса (в том числе неполитических институтов) в формировании устойчивых оснований политического порядка и стабилизации социального развития (Вилисов, Телин, Филимонов 2020).

соединяется с научным анализом организаций, корпораций и социальных систем. Здесь помимо трудов упомянутого в числе прочих Дж. Дьюи следует обратить внимание на работы ученых, исполнявших административные обязанности в ведущих мировых университетах: Я. Пеликана (Pelikan 1992), Г. Розовски (Розовски 2015), Д. Бока (Bok 1982) и др. Все они были вынуждены – в теории и на практике – искать баланс в процессе стратегического позиционирования университетского сообщества по отношению к внешней среде¹.

Предлагаемый подход не отрицает приведенные выше нормативные идеалы, но уделяет больше внимания тому, как они влияют на публичную субъектность университета в процессе их институционального развития. История высшей школы свидетельствует, что не было никакого «золотого века» независимости университетов по отношению к агентам внешней среды, в качестве которых выступают правительства, рынок, корпорации или «общество» в целом (Deiaco, Hughes A., McKelvey 2012: 528). Как и любая другая организационная форма социетальных институтов, университет испытывал давление внешней среды и вступал во взаимодействие с другими акторами социетальных отношений, реализуя свои цели и обретая собственную идентичность, по поводу которой Х. Ортега-и-Гассет в речи о миссии университета отметил, что она находится в тесной связи с идентификационными процессами самого общества (Ортега-и-Гассет 2005).

Медиативная роль университета в организации социетально-го порядка. Как агент социетальных отношений университет участвует в воспроизводстве социальной иерархии (Бурдье, Пассрон 2007) и интеллектуальной, чаще всего экспертной, поддержке политических процессов (Bagshaw, Mc Vitty 2020). В то же время университет обладает достаточной публичной субъектностью и способностью к перформативному конституированию той или иной общности, чтобы оказывать влияние на социетальные изменения, о чем свидетельствует, в частности, роль университетов в событиях «долгого 68-го года» (Вайнен 2020).

Публичная субъектность университета и взаимодействие его с другими партнерами социетальных отношений позволяют отнести данный институт к медиаторам (*intermediaries*). Значительное число подходов, которые рассматривают деятельность медиаторов, направлены на то, чтобы выявить, описать и классифицировать функционал различных организационных форм, выступающих посредниками или же «пограничными» агентами и структурами в отношениях между участниками социетальных процессов (Howells 2006; Miller 2001. Подробнее о типологии медиаторов см.: Kivimaa et al. 2019). При этом в большинстве случаев интерес к организационным формам медиаторов обусловлен инновационной проблематикой, темами научно-технологического и устойчивого развития, поэтому данную часть методологического потенциала концепции

¹Позиция университета как активного агента публичной сферы вообще характерна для США, где вопрос автономии университета часто интерпретируется как вопрос об источниках его финансирования (Bok 2009; Clark 2004).

института-медиатора можно использовать, как правило, для рассмотрения того аспекта социетальной «функции» университета, который и так находится в зоне внимания в связи с прагматикой социального запроса на поиск институтов – драйверов развития.

Искомый же аспект социетального потенциала университета, соотносимый с его участием в политическом процессе, занимает небольшой сегмент в исследованиях, которые посвящены активности специальных фондов, поддерживающих научные исследования, работе аналитических центров, «фабрик мысли» и структур гражданского общества, определяющих тренды публичной политики и осуществляющих политический трансфер (Braun 1993; Сунгуров 2015). Показательно, что в данных исследованиях отмечается, что некоторые институты-медиаторы (такие, как «фабрики мысли») не только диктуют повестку дня публичной политики, но и конкурируют с университетами в формировании знаний, влияющих на убеждения агентов социетальных отношений.

Именно *знание* – его производство, сохранение и трансляция – является ключевым аргументом в обоснования позиции относительно *медиативной* роли университета. Большая часть теоретиков, чьи воззрения направляют сегодняшний дискурс «идеи университета», сходятся в признании той конституирующей роли, которую играет знание в организации социетального порядка (Фуллер 2018)¹ и политического процесса (Radaelli 1995). Избегая функционализма и «обыденных абстракций», заставляющих университеты встраиваться в разного рода «системы», отметим полезность наблюдения Б.Р. Кларка, который отводит знанию телеологическую, организационную роль: «...на высшую школу... можно смотреть по-разному: психологи могут считать ее местом, где люди развивают свою личность; социологи – основным институтом для достижения статуса или отказа в нем; политические ученые – местом политической мобилизации; экономисты – средством развития человеческого капитала... но знание в сыром виде и обработанное знание лежит в основе задач и составляет суть всякой системы высшего образования» (Кларк 2011: 24).

Ярослав Пеликан полагает знание ключевым фактором в плане определения сути университета. В поиске наиболее точной дефиниции понятия «университет» он в конечном итоге выделяет следующие основные функциональные его компоненты: 1) приращение знания в процессе исследований; 2) распространение (или расширение) знания в процессе преподавания; 3) программы специальной подготовки в университетах, включающие как общее знание, так и технические навыки; 4) сохранение знания как задача библиотек, галерей и музеев; 5) распространение (или, как пишет сам автор, «диффузия») знания через академические публикации (Pelikan 1992: 76).

¹ В понимании роли знания по отношению к социетальному порядку мы прежде всего исходим из позиций, представленных в институциональных и когнитивных исследованиях, в частности базируемся на работах Д. Норта (Норт 2010) и М. Аоки (Аоки 2015).

Концентрируя разного рода знание – научное и культурное, университет становится посредником между текущими интеллектуальными запросами общества и знанием его исторического опыта, убеждений и ценностей, определяющих поведение людей, то есть способствует «приобщению к цивилизации» (Оукшотт 2002: 240). Подобный коммуникативный обмен с внешней средой (в лице обществ, государств, рынков) и делает университет медиатором.

Пеликан прагматично отмечает наличие у университета обязательств по отношению к обществу. Эти обязательства различаются в зависимости от типа обществ и особенностей университетов. Наиболее устойчивые комплексы обязательств соответствуют трем основным траекториям, развивающим ту или иную «идею университета». Обращаясь к концепции Парсонса и Платта, выше мы связали эти траектории с разными уровнями социетальной организации (рыночным, бюрократическим и ассоциативным), на каждом из которых университет обозначает свою роль. На этой взаимосвязи акцентирует внимание и Ю. Хабермас, рассматривая современный статус университета в публичной сфере и подчеркивая двойственность положения университета по отношению к окружающим его социетальным контекстам. «Задачи, которые университет выполняет в обществе, должны, – пишет философ, – сохранять внутреннюю связь с целями, мотивами и действия членов этого общества... в этом смысле университет призван институционально воплощать и в то же самое время закреплять на мотивационном уровне ту жизненную форму, которая intersubjectively разделяется членами этого общества, является для него образцовой» (Habermas, Blazek 1987: 3). Функционал, который в концепции Парсонса и Платта связывает активность университета с разными уровнями социетальной организации, в концепции Хабермаса дополняется аспектом, подчеркивающим позиционирование университета по отношению к внешней среде.

Вместе с тем, исследуя публичную субъектность университетов и их медиативную роль, необходимо отказаться от того, чтобы требовать от университетской корпорации согласия, единства и тотализации. Такие требования не учитывают ни фракционализм научных сетей (Коллинз 2002), ни сложную структуру университетской корпорации и ее внутреннюю дифференциацию, которые проявились со времени возникновения университета, представлявшего собой объединение преподавателей и студентов (*universitas magistrorum et scholarum*). Сам университетский медиум, во всяком случае в теории, остается открытой коммуникационной площадкой для различных сторон и нередко подчеркнуто нейтральной стороной в политических дебатах. Предложив жесткие правила ведения формализованной рациональной дискуссии, университет обеспечил пространство для взаимодействия различных социетальных агентов и научился компенсировать крайние проявления общественно-политической дифференциации.

Данная медиативная роль университетов складывалась в процессе выработки перформативных форм производства и передачи знания.

Уже в Средние века университетская корпорация стала использовать две формы организации учебного процесса; это лекция (*lectio*) – чтение и интерпретация текстов и диспут (*disputatio*) – дискуссия с целью установления богословской или научной истины. Диспут предполагал, что его участники сомневаются в истине и ее необходимо доказать. По мнению В. Хойе, право на сомнение, которое отстаивали Пьер Абеляр, Фома Аквинский и университетские интеллектуалы, свидетельствует в пользу того, что университет создавался в соответствии с принципом толерантности (Хойе 2017: 33-47). Однако на практике более важное значение имели состязательный характер дискуссии, владение логикой, диалектикой, риторикой и навыками схоластического спора, знание предмета диспута, умение интерпретировать тексты Священного Писания. Интеллектуальное состязание имело сходство с судебным процессом и носило публичный характер (Novikoff 2013). Благодаря развитию культуры диспута университетская корпорация научилась переводить в формат формализованной рациональной публичной дискуссии обсуждение не только религиозных вопросов, но и различных общественно-политических проблем.

И что немаловажно, это происходило в странах с различными политическими режимами. Например, в Российской империи культура диспута была воспринята вскоре после создания Московского университета. С 1770-х гг. стали проводиться публичные защиты диссертаций, однако сначала такая практика носила нерегулярный характер и некоторые степени куратор или университетская конференция давали без защиты диссертаций (Иванов 1994; Феофанов 2011; Андреев, Посохов 2012: 338-388; Иванов 2016). Только Предварительные правила народного просвещения 1803 г. и Университетский устав 1804 г. закрепили обязательность защиты диссертаций на степень магистра и доктора наук. С этого момента и до настоящего времени защита диссертации осуществляется в ходе публичного диспута. Данный формат взаимодействия использовался также и в учебном процессе. Несмотря на отдельные попытки государственного вмешательства в подобного рода практику, диспут стал легальной возможностью обсуждать широкий круг вопросов, связанных не только с темой защищаемой диссертации, но и с текущей общественно-политической повесткой. По словам Т. Сандерса, в 1860–1910-е гг. «диспут стал ареной, на которой оппозиционные политические идеи, характерные для светского, прогрессивного, либерального *Weltanschauung* (мировоззрения) многих профессоров, могли обсуждаться с большей или меньшей степенью безопасности и получать общественную поддержку» (Сандерс 2012: 180). Этой «ареной» столь же успешно пользовалась консервативная и шовинистически настроенная профессура (Сандерс 2012: 181). Таким образом, российские университеты создавали условия для формализованной рациональной публичной дискуссии задолго до того, как такая дискуссия стала вестись на страницах периодических изданий и заседаниях общественно-политических организаций.

В той или иной степени университет обеспечивал условия для дискуссии даже в советский период, в особенности на низовом уровне – уровне кафедр, центров, лабораторий, семинаров и научных кружков, где в наибольшей степени проявлялось разномыслие (Фирсов 2008; Фирсов 2010; Тихонов 2014). Примечательно, что именно в этой среде сформировался круг интеллектуалов, названных Е.М. Примаковым «системными диссидентами»: они задумывались об альтернативных проектах модернизации советской политической системы и впоследствии приняли участие в подготовке реформ 1980–1990-х гг. (Примаков 1999: 11-65; ср.: Черкасов 2004: 355-384).

В целом университеты, сопровождая политический процесс и выступая площадкой для рациональной публичной дискуссии, формируют среду, позволяющую членам университетской корпорации взаимодействовать с другими агентами социетальных отношений и влиять на институциональные изменения социетального порядка (подробнее см.: Osborne 2004).

Заключение. В историографии сформировалось убеждение, что существующая проблематизация «идеи университета» ведет лишь к дальнейшему усилению конфликта различных нормативных и эссенциалистских представлений. В связи с этим ученые предложили следующие стратегии в отношении перечисленных идеалов: а) отказаться от обсуждения данной проблематики (Кларк 2011); б) попытаться увязать роли университета с различными уровнями социетальной организации (Parsons, Platt 1973); в) изменить теоретико-методологический фокус исследования, рассматривая университет, например, как институт «экономики знания» и «общества знания» (Фуллер 2018).

В данной статье мы предлагаем, во-первых, больше внимания уделить историко-институциональному подходу, который позволяет выявить влияние нормативных представлений на развитие университета и даже на изменение социетального порядка. Во-вторых, для нас было важно сосредоточиться на публичной субъектности университета и взаимодействии его с другими агентами социетальных отношений. Наконец, мы отталкивались от необходимости выработать критический взгляд на идеалы, определяющие представления об университете, стремясь по мере возможности не рассматривать его сквозь призму «обыденных абстракций», а также отказываясь от функционализма и эссенциализма.

В итоге мы пришли к теоретической позиции, с помощью которой попытались уловить текущую прагматику университетского сообщества, рынка и государства в отношении развития университетов и их вклада в организацию социетального порядка. Суть этой позиции заключается в том, что университет представляет собой институт-медиатор, который 1) обладает публичной субъектностью; 2) выступает агентом социетальных отношений, действуя в качестве организационной формы университетского сообщества; 3) осуществляет коммуникативный обмен с внешней средой (в лице обществ, государств, рынков); 4) создает условия для взаимодействия различных участников социетальных отношений, в том числе

на собственной площадке в рамках формализованной рациональной публичной дискуссии; 5) наконец, производит знания, влияющие на организацию социетального порядка. Все это в совокупности и позволяет считать университет медиатором.

Свою медиативную роль университет успешно выполняет как внутри университетской корпорации, так и вне ее, во многом благодаря своему полуправительственному положению. Исторически университет выработал формализованные рациональные публичные механизмы преодоления фракционализма научных сетей, дифференциации и фрагментации внутри университетской корпорации, то есть стал выполнять роль института-медиатора для себя. Выступая ключевым игроком на рынке знания, университет не только усилил свою медиативную роль в публичной сфере, но и начал оказывать влияние на институциональные изменения социетального порядка, то есть превратился в институт-медиатор для других. Такая позиция университета позволяет ему успешно балансировать между различными социальными ожиданиями и оставаться одной из самых стабильных и адаптивных организационных форм, конституирующих социетальный порядок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров Д.А. 2002. Фритц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // Новое литературное обозрение. № 53. С. 90-104.

Андреев А.Ю., Посохов С.И. (ред.) 2012. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под ред. А.Ю. Андреева и С.И. Посохова. Москва : РОССПЭН. 672 с.

Аоки М. 2015. Корпорации в условиях растущего многообразия: познание, руководство и институты. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 368 с.

Бурдые П., Пассрон Ж.-К. 2007. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н.А. Шматко. Москва : Просвещение. 267 с.

Вайнен Р. 2020. Долгий '68. Радикальный протест и его враги. Москва : Альпина нон-фикшн. 627 с.

Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. 2020. От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. № 1. С. 7-27.

Грейф А. 2013. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 536 с.

Гуторов В.А. 2009. Политическое образование и университетская традиция // Политическая экспертиза: Политэкс. Т. 5, № 4. С. 20-39.

Гуторов В.А. 2019. Образование в современном политико-теоретическом дискурсе (Библиографический обзор) // Полис. Политические исследования. № 3. С. 107-126.

Дьюи Дж. 2002. Общество и его проблемы. Москва : Идея-Пресс. 159 с.

Иванов А.Е. 1994. Ученые степени в Российской империи, XVIII в. – 1917 г. Москва : ИРИ РАН. 195 с.

Иванов А.Е. 2016. Ученое достоинство в Российской империи, XVIII – начало XIX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. Москва : Новый хронограф. 656 с.

Кант И. 2002. Спор факультетов / пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной ; отв. ред. Л.А. Калининков. Калининград : Изд-во Калининград. гос. ун-та. 286 с.

Кларк Б.Р. 2011. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 360 с.

Коллинз Р. 2002. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск : Сибирский хронограф. 1280 с.

Кузьминов Я.И., Песков Д.Н. 2017. Дискуссия «Какое будущее ждет университеты». Москва, НИУ ВШЭ, 14 июля 2017 г. // Вопросы образования. № 3. С. 202-233.

Куренной В.А. 2020. Философия либерального образования: принципы // Вопросы образования. № 1. С. 8-39.

Ле Гофф Ж. 2001. Средневековый мир воображаемого. Москва : Издат. гр. «Прогресс». 440 с.

Норт Д. 2010. Понимание процесса экономических изменений. Москва : Издат. дом ГУ-ВШЭ. 256 с.

Ортега-и-Гассет Х. 2005. Миссия университета. Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та. 104 с.

Оукшотт М. 2002. Рационализм в политике и другие статьи. Москва : Идея-Пресс. 288 с.

Примаков Е.М. 1999. Годы в большой политике. Москва : Совершенно секретно. 445 с.

Рингер Ф. 2008. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. Москва : Новое лит. обозрение. 648 с.

Розовски Г. 2015. Университет: Руководство для владельца. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 328 с.

Ростовцев Е.А. 2017. Столичный университет Российской империи. Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва : РОССПЭН. 904 с.

Сандерс Т. 2012. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи / пер. с англ. А.В. Антощенко // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. С. 161-192.

Соколов М.М., Лопатина С.Л., Яковлев Г.А. 2018. От товарищества к учреждениям: конституционная история российских вузов // Вопросы образования. № 3. С. 120-145.

Сунгуров А.Ю. 2015. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. Москва : Полит. энцикл. 283 с.

Тихонов В.В. 2014. Историки, идеология, власть в России XX века : очерки. Москва : ИРИ РАН. 218 с.

Уортман Р.С. 2004. Властители и судьи: Развитие правового сознания в императорской России. Москва : Новое лит. обозрение. 516 с.

Феофанов А.М. 2011. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX в. : биобиблиогр. словарь. Москва : Изд-во Православ. Свято-Тихон. гуманит. ун-та. 253 с.

Фирсов Б.М. (ред.) 2010. Разномыслие в СССР и России (1945–2008) : сб. материалов науч. конф., 15-16 мая 2009 г. / под общ. ред. Б.М. Фирсова. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 366 с.

Фирсов Б.М. 2008. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы. История, теория, практики. Санкт-Петербург : Европ. дом ; Изд-во Европ. ун-та С.-Петербурга. 543 с.

Фуллер С. 2018. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова и П. Хановой. Москва : Дело. 384 с.

Хайек Ф. 2003. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. Москва : Объедин. гуманит. изд-во. 288 с.

Хайек Ф. 2016. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Москва : ИРИСЭН ; Социум. 648 с.

Хойе В. 2017. Христианские корни демократии // Христианство в общественной, политической и духовной жизни Германии в XX веке : сб. ст. рос. и нем. историков / отв. ред. К. Кроуфорд, Т.А. Некрасова. Москва ; Берлин : Директ-Медиа. С. 32-56.

Черкасов П.П. 2004. ИМЭМО: Портрет на фоне эпохи. Москва : Весь мир. 572 с.

Шахрай С.М., Краковский К.П. (ред.) 2017. Юристы и революция: Pro et Contra. Москва : Кучково поле. 552 с.

Aghion P. et al. 2010. Regulation and Distrust / P. Aghion, Y. Algan, P. Cahuc, A. Shleifer // Quarterly Journal of Economics. Vol. 125, № 3. P. 1015-1049.

Bagshaw A., McVitty D. (eds.) 2020. Influencing Higher Education Policy: A Professional Guide to Making an Impact. London : Routledge. 180 p.

Bleiklie I. 1999. The University, the State, and Civil Society // Higher Education in Europe. Vol. 24, № 4. P. 509-526.

Bok D. 1982. Beyond the Ivory Tower. Social Responsibilities of the Modern University. Cambridge ; London : Harvard Univ. Press. 318 p.

Bok D. 2009. Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education. Princeton : Princeton Univ. Press. 248 p.

Braun D. 1993. Who Governs Intermediary Agencies? Principal-agent Relations in Research Policy-making // Journal of Public Policy. Vol. 13, № 2. P. 135-162.

Casanova P. 2004. The World Republic of Letters / Transl. M.B. De Bevoise. Cambridge : Harvard Univ. Press. 420 p.

Chagnon M.-E., Irish T. (eds.) 2018. The Academic World in the Era of the Great War. London : Palgrave Macmillan. 276 p.

Clark B.R. 2004. Sustaining Change in Universities: Continuities in Case Studies and Concepts. London : Open Univ. Press. 210 p.

Cruikshank J., Abbinnett R. (eds.) 2019. Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy. Vol. 33, № 4: Neoliberalism, Technocracy and Higher Education / Ed. J. Cruikshank, R. Abbinnett. [119] p.

De Ridder-Symoens H. (ed.) 2003. A History of the University in Europe. Vol. 1: Universities in the Middle Ages. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 536 p.

Deiaco E., Hughes A., McKelvey M. 2012. Universities as Strategic Actors in the Knowledge Economy // Cambridge Journal of Economics. Vol. 36, № 3. P. 525-541.

Dewey J. 1997. Experience and Education. New York : Simon & Schuster. 91 p.

Fuller S. 2006. Universities and the Future of Knowledge Governance from the Standpoint of Social Epistemology // Knowledge, Power and Dissent: Critical Perspectives on Higher Education and Research in Knowledge Society. Paris : UNESCO. P. 345-370.

- Grendler P.F. 2018. *Iesuit Schools and Universities in Europe, 1548–1773*. Leiden : Brill. 118 c.
- Habermas J., Blazek J.R. 1987. *The Idea of the University: Learning Processes // New German Critique*. No. 41. Special Issue on the Critiques of the Enlightenment. P. 3-22.
- Howells J. 2006. *Intermediation and the Role of Intermediaries in Innovation // Research Policy*. Vol. 35, № 5. P. 715-728.
- Kahl W. 2004. *Hochschule und Staat: Entwicklungsgeschichtliche Betrachtungen eines schwierigen Rechtsverhältnisses unter besonderer Berücksichtigung von Aufsichtsfragen*. Tübingen : Mohr Siebeck. 134 S.
- Kivimaa P. et al. 2019. *Towards a Typology of Intermediaries in Sustainability Transitions: A systematic Review and a Research Agenda / P. Kivimaa, W. Boonc, A. Hyysalo, L. Klerkx // Research Policy*. Vol. 48, № 4. P. 1062-1075.
- Miller C. 2001. *Hybrid Management: Boundary Organizations, Science Policy, and Environmental Governance in the Climate Regime // Science, Technology & Human Values*. Vol. 26, № 4. P. 478-500.
- Minogue K.R. 1973. *The Concept of a University*. London : Weidenfeld and Nicolson. 231 p.
- Morris Ch.W. 2002. *An Essay on the Modern State*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 305 p.
- Novikoff A.J. 2013. *The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice, and Performance*. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press. 384 p.
- Oakeshott M. 1975a. *On Human Conduct*. Oxford : Clarendon Press. 344 p.
- Oakeshott M. 1975b. *The Vocabulary of a Modern European State // Political Studies*. Vol. 23, № 2-3. P. 319-341.
- Oakeshott M. 2004a. *Conduct and Ideology in Politics // M. Oakeshott. What is History? And Other Essays: (Selected Writings) / Ed. L. O'Sullivan*. Exeter : Imprint Academic. P. 245-254.
- Oakeshott M. 2004b. *The Idea of a University // Academic Questions*. Vol. 17, № 1. P. 23-30.
- Osborne T. 2004. *On Mediators: Intellectuals and the Ideas Trade in the Knowledge Society // Economy and Society*. Vol. 33, № 4. P. 430-447.
- Parsons T., Platt G.M. 1973. *The American University*. Cambridge : Harvard Univ. Press. 463 p.
- Pelikan J. 1992. *The Idea of the University: A Reexamination*. New Haven : Yale Univ. Press. 288 p.
- Radaelli C.M. 1995. *The Role of Knowledge in the Policy Process // Journal of European Public Policy*. Vol. 2, № 2. P. 159-183.
- Schnur R. (ed.) 1986. *Die Rolle der Juristen bei der Entstehung des modernen Staates*. Berlin : Duncker & Humblot. 880 S.
- Taylor J. 2018. *The Impact of the First World War on British Universities. Emerging from the Shadow*. London : Palgrave Macmillan. 356 p.
- Walden J.W.H. 1909. *The Universities of Ancient Greece*. New York : Charles Scribner's Sons. 367 p.
- Weik E. 2014. *The Market for Academic Knowledge: Its Historical Emergence and Inherent Tensions // British Journal of Educational Studies*. Vol. 62, № 4. P. 431-447.
- Wittrock B. 1993. *The Modern University: The Three Transformations // The European and American University since 1800: Historical and sociological Essays / Ed. Sh. Rothblatt and B. Wittrock*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 303-362.

Kirill G. Filimonov,

Institute of Socio-Political Research –
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

E-mail: kirill.filimonov.ras@outlook.com

ORCID: 0000-0001-7698-8666

SPIN-код: 1930-3186

Andrey V. Topychkanov, Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia. E-mail: topychkanov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5372-4414

ResearcherID: A-6005-2017

ScopusID: 57191092610

SPIN-код: 2551-5113

Article received 20.12.2019, accepted 12.02.2020, available online 06.07.2020

**THE IDEA OF A UNIVERSITY: BEYOND ÉTATISME,
MANAGERIALISM, AND “IVORY TOWER”
(ON INTERMEDIARY FUNCTIONS OF A UNIVERSITY)**

Abstract. Modern universities often become a subject of discussion in the public sphere, during which the relevance of university programs, the financing of science and higher education, and a number of other issues are discussed. These discussions again and again prompt political theorists to reflect on the “idea of a university”. These ideas are associated with values, expectations and beliefs, and are most often expressed in the form of normative representations based either on pragmatism that define the university as a functional element of the state system, or on utilitarianism that required from the university to satisfy the economic demands of society, or on idealism that forces position the university as an “ivory tower”. The presented positions somewhat exaggerate the value of some of the university’s abilities to the detriment of others and distort not only the optics of research, but also the social beliefs that influences the development of state systems and universities. Based on the institutional approach, the authors of this article propose a theoretical position that allows to grasp the current pragmatics of the university community, the market and the state regarding the development of universities and their contribution to the organization of the societal order. According to this position, the university should be considered as an intermediary institution that has public subjectivity; acts as an organizational form of the university community and agent of societal relations; carries out a communicative exchange with the external environment (represented by societies, states, markets); creates conditions for the interaction of various agents of societal relations, including on their own space via a formalized rational public discussion; finally, it produces knowledge that influences the organization of the societal order. All of this taken together allows us to consider the university a mediator. This position of the university allows it to successfully fulfill its mediating role, both within the university corporation and outside it, balance between different social expectations and remain in one of the most stable and adaptive organizational forms that constitute the societal order.

Keywords: university; the idea of a university; étatism; managerialism; mediation; intermediary institution; societal order.

The research was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 19-011-31634 “University as an Intermediary: Formulating a Conceptual Model of University Performance in Public Governing, and Resolving of Social and Political Development Issues”.

For citation: Filimonov K.G., Topychkanov A.V. «Idei universiteta»: za predelami etatizma, menedzherializma i «bashni iz slonovoy kosti» (k voprosu o mediativnykh funktsiyakh universiteta) [The idea of a university: beyond étatism, managerialism, and “ivory tower” (on intermediary functions of a university)], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 104-126. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10204. (in Russ.).

References

Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Regulation and Distrust, *Quarterly Journal of Economics*, 2010, vol. 125, no. 3, pp. 1015-1049.

Aleksandrov D.A. *Fritts Ringer, nemetskie mandariny i otechestvennyye uchenye* [Fritz Ringer, German mandarins and Russian scientists], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 53, pp. 90-104. (in Russ.).

Andreev A.Yu., Posokhov S.I. (eds.) *Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [University in the Russian Empire of the 18th – the first half of the 20th century], Moscow, ROSSPEN, 2012, 672 p. (in Russ.).

Aoki M. *Korporatsii v usloviyakh rastushchego mnogoobraziya: poznanie, rukovodstvo i instituty* [Corporation in evolving diversity. Cognition, governance, and institutions], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2015, 368 p. (in Russ.).

Bagshaw A., McVitty D. (eds.) *Influencing Higher Education Policy: A Professional Guide to Making an Impact*, London, Routledge, 2020, 180 p.

Bleiklie I. The University, the State, and Civil Society, *Higher Education in Europe*, 1999, vol. 24, no. 4, pp. 509-526.

Bok D. *Beyond the Ivory Tower. Social Responsibilities of the Modern University*, Cambridge, London, Harvard Univ. Press, 1982, 318 p.

Bok D. *Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2009, 248 p.

Bourdieu P., Passeron J.-C. *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: Elements of the theory of educational system], Moscow, Prosveshchenie, 2007, 267 p. (in Russ.).

Braun D. Who Governs Intermediary Agencies? Principal-agent Relations in Research Policy-making, *Journal of Public Policy*, 1993, vol. 13, no. 2, pp. 135-162.

Casanova P. *The World Republic of Letters*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 2004, 420 p.

Chagnon M.-E., Irish T. (eds.) *The Academic World in the Era of the Great War*, London, Palgrave Macmillan, 2018, 276 p.

Cherkasov P.P. *IMEMO: Portret na fone epokhi* [IMEMO: Portrait against the backdrop of an era], Moscow, Ves' mir, 2004, 572 p. (in Russ.).

Clark B.R. *Sistema vysshego obrazovaniya: akademicheskaya organizatsiya v kross-natsional'noy perspektive* [The higher educational system: Academic organization in cross-national perspective], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2011, 360 p. (in Russ.).

Clark B.R. *Sustaining Change in Universities: Continuities in Case Studies and Concepts*, London, Open Univ. Press, 2004, 210 p.

Collins R. *Sotsiologiya filosofiy: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of philosophy. A global theory of intellectual change], Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2002, 1280 p. (in Russ.).

Cruikshank J., Abbinnett R. (eds.) *Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy*, 2019, vol. 33, № 4: Neoliberalism, Technocracy and Higher Education, [119] p.

De Ridder-Symoens H. (ed.) *A History of the University in Europe. Vol. 1: Universities in the Middle Ages*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2003, 536 p.

Deiaco E., Hughes A., McKelvey M. Universities as Strategic Actors in the Knowledge Economy, *Cambridge Journal of Economics*, 2012, vol. 36, no. 3, pp. 525-541.

Dewey J. *Experience and Education*, New York, Simon & Schuster, 1997, 91 p.

Dewey J. *Obshchestvo i ego problemy* [The public and its problems], Moscow, Ideya-Press, 2002, 159 p. (in Russ.).

Feofanov A.M. *Studenchestvo Moskovskogo universiteta XVIII – pervoy chetverti XIX v. : biobibliogr. slovar'* [Students of Moscow University in the 18th – first quarter of the 19th century: Bibliographic dictionary], Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2011, 253 p. (in Russ.).

Firsov B.M. (ed.) *Raznomyslie v SSSR i Rossii (1945–2008): sb. materialov nauch. konf., 15-16 maya 2009 g.* [Disagreement in the USSR and Russia (1945–2008): proceedings], St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010, 366 p. (in Russ.).

Firsov B.M. *Raznomyslie v SSSR, 1940–1960-e gody. Istoriya, teoriya, praktiki* [Disagreement in the USSR, 1940–1960s. History, theory, practice], St. Petersburg, Evropeyskiy dom, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta Sankt-Peterburga, 2008, 543 p. (in Russ.).

Fuller S. *Sotsiologiya intellektual'noy zhizni: kar'era uma vntri i vne akademii* [The sociology of intellectual life: The career of the mind in and around academy], Moscow, Delo, 2018, 384 p. (in Russ.).

Fuller S. Universities and the Future of Knowledge Governance from the Standpoint of Social Epistemology, *Knowledge, Power and Dissent: Critical Perspectives on Higher Education and Research in Knowledge Society*, Paris, UNESCO, 2006, pp. 345-370.

Grendler P.F. *Iesuit Schools and Universities in Europe, 1548–1773*, Leiden, Brill, 2018, 118 p.

Greyf A. *Instituty i put' k sovremennoy ekonomike. Uroki srednevekovoy torgovli* [Institutions and the path to the modern economy. Lessons from medieval trade], Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2013, 536 p. (in Russ.).

Gutorov V.A. *Obrazovanie v sovremennom politiko-teoreticheskom diskurse (Bibliograficheskiy obzor)* [Education in current political and theoretical discourse: Bibliographic review], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2019, no. 3, pp. 107-126. (in Russ.).

Gutorov V.A. *Politicheskoe obrazovanie i universitetskaya traditsiya* [Political education and university tradition], *Politicheskaya ekspertiza: Politeks*, 2009, vol. 5, no. 4, pp. 20-39. (in Russ.).

Habermas J., Blazek J.R. The Idea of the University: Learning Processes, *New German Critique*, 1987, no. 41: Special Issue on the Critiques of the Enlightenment, pp. 3-22.

Hayek F. *Kontrrevolyutsiya nauki. Etyudy o zloupotrebleniyakh razumom* [Counter-revolution of science: Studies on the abuse of reason], Moscow, Ob»edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2003, 288 p. (in Russ.).

Hayek F. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsiptov spravedlivosti i politiki* [Law, legislation and liberty. A modern understanding of liberal principles of justice and politics], Moscow, IRISEN, Sotsium, 2016, 648 p. (in Russ.).

Howells J. Intermediation and the Role of Intermediaries in Innovation, *Research Policy*, 2006, vol. 35, no. 5, pp. 715-728.

Hoye W. *Khristianskie korni demokratii* [Christian roots of democracy], K. Krouford, T.A. Nekrasova (resp. eds.). *Khristianstvo v obshchestvennoy, politicheskoy i dukhovnoy zhizni Germanii v XX veke : sb. st. ros. i nem. istorikov*, Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2017, pp. 32-56. (in Russ.).

Ivanov A.E. *Uchenoe dostoinstvo v Rossiyskoy imperii, XVIII – nachalo XIX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavateley vysshey shkoly* [Scientific dignity in the Russian Empire, the 18th – the beginning of the 19th century. Training and scientific certification of professors and teachers of higher education], Moscow, Novyy khronograf, 2016, 656 p. (in Russ.).

Ivanov A.E. *Uchenye stepeni v Rossiyskoy imperii, XVIII v. – 1917 g.* [Degrees in the Russian Empire, 18th century – 1917], Moscow, IRI RAN, 1994, 195 p. (in Russ.).

Kahl W. *Hochschule und Staat: Entwicklungsgeschichtliche Betrachtungen eines schwierigen Rechtsverhältnisses unter besonderer Berücksichtigung von Aufsichtsfragen* [Institutions of Higher Education and the State. Reflections on the History of the Development of a Difficult Legal Relationship with a Focus on Questions of Supervision], Tübingen, Mohr Siebeck, 2004, 134 p. (in German).

Kant I. *Spor fakul'tetov* [The contest of faculties], Kaliningrad, Izdatel'stvo Kalinigradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002, 286 p. (in Russ.).

Kivimaa P., Boonc W., Hyysalo A., Klerkx L. Towards a Typology of Intermediaries in Sustainability Transitions: A systematic Review and a Research Agenda, *Research Policy*, 2019, vol. 48, no. 4, pp. 1062-1075.

Kurennoy V.A. *Filosofiya liberal'nogo obrazovaniya: printsipy* [Philosophy of liberal education: principles], *Voprosy obrazovaniya*, 2020, no. 1, pp. 8-39. (in Russ.).

Kuz'minov Ya.I., Peskov D.N. *Diskussiya «Kakoe budushchee zhdet universitety».* *Moskva, NIU VShE, 14 iyulya 2017 g.* [Discussion 'What the future holds for universities.' Moscow, HSE, July 14, 2017], *Voprosy obrazovaniya*, 2017, no. 3, pp. 202-233. (in Russ.).

Le Goff J. *Srednevekovyy mir voobrazaemogo* [The medieval imagination], Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress», 2001, 440 p. (in Russ.).

Miller C. Hybrid Management: Boundary Organizations, Science Policy, and Environmental Governance in the Climate Regime, *Science, Technology & Human Values*, 2001, vol. 26, no. 4, pp. 478-500.

Minogue K.R. *The Concept of a University*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1973, 231 p.

Morris Ch.W. *An Essay on the Modern State*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2002, 305 p.

North D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the process of economic change], Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vyshey shkoly ekonomiki, 2010, 256 p. (in Russ.).

Novikoff A.J. *The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice, and Performance*, Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 2013, 384 p.

Oakeshott M. *Conduct and Ideology in Politics, M. Oakeshott. What is History? And Other Essays: (Selected Writings)*, Exeter, Imprint Academic, 2004, pp. 245-254.

Oakeshott M. *On Human Conduct*, Oxford, Clarendon Press, 1975, 344 p.

Oakeshott M. *Ratsionalizm v politike i drugie stat'i* [Rationalism in politics and other essays], Moscow, Ideya-Press, 2002, 288 p. (in Russ.).

Oakeshott M. The Idea of a University, *Academic Questions*, 2004, vol. 17, no. 1, pp. 23-30.

Oakeshott M. The Vocabulary of a Modern European State, *Political Studies*, 1975, vol. 23, no. 2-3, pp. 319-341.

Ortega y Gasset J. *Missiya universiteta* [Mission of the university], Minsk, Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, 104 p. (in Russ.).

Osborne T. On Mediators: Intellectuals and the Ideas Trade in the Knowledge Society, *Economy and Society*, 2004, vol. 33, no. 4, pp. 430-447.

Parsons T., Platt G.M. *The American University*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 1973, 463 p.

Pelikan J. *The Idea of the University: A Reexamination*, New Haven, Yale Univ. Press, 1992, 288 p.

Primakov E.M. *Gody v bol'shoy politike* [Years in the big politics], Moscow, Sovershenno sekretno, 1999, 445 p. (in Russ.).

Radaelli C.M. The Role of Knowledge in the Policy Process, *Journal of European Public Policy*, 1995, vol. 2, no. 2, pp. 159-183.

Ringer F. *Zakat nemetskikh mandarinov. Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890–1933* [The decline of the German mandarins: The German academic community, 1890–1933], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 648 p. (in Russ.).

Rosovsky G. *Universitet: Rukovodstvo dlya vladel'tsa* [The university: An owner's manual], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015, 328 p. (in Russ.).

Rostovtsev E.A. *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii. Uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The capital university of the Russian Empire. The scientific estate, society and power (second half of the 19th— beginning of the 20th century)], Moscow, ROSSPEN, 2017, 904 p. (in Russ.).

Sanders T. *Tretiy opponent: zashchity dissertatsiy i obshchestvennyy profil' akademicheskoy istorii v Rossiyskoy imperii* [The third opponent: Dissertation defenses and the public profile of academic history in late imperial Russia], A.N. Dmitriev (resp. ed.). *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii: formirovanie predstavleniy o proshlom*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012, pp. 161-192. (in Russ.).

Schnur R. (ed.) *Die Rolle der Juristen bei der Entstehung des modernen Staates* [The Role of Lawyers in the Emergence of Modern States], Berlin, Duncker & Humblot, 1986, 880 p. (in German).

Shakhray S.M., Krakovskiy K.P. (eds.) *Yuristy i revolyutsiya: Pro et Contra* [Lawyers and revolution: Pro et contra], Moscow, Kuchkovo pole, 2017, 552 p. (in Russ.).

Sokolov M.M., Lopatina S.L., Yakovlev G.A. *Ot tovarishchestva k uchrezhdeniyam: konstitutsionnaya istoriya rossiyskikh vuzov* [From partnership to institutions: The constitutional history of Russian universities], *Voprosy obrazovaniya*, 2018, no. 3, pp. 120-145. (in Russ.).

Sungurov A.Yu. *Kak voznikayut politicheskie innovatsii: «fabriki mysli» i drugie instituty-mediatory* [How political innovations arise: 'think tanks' and other institutions-intermediaries], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2015, 283 p. (in Russ.).

Taylor J. *The Impact of the First World War on British Universities. Emerging from the Shadow*, London, Palgrave Macmillan, 2018, 356 p.

Tikhonov V.V. *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka : ocherki* [Historians, ideology, and power in Russia of the 20th century: Essays], Moscow, IRI RAN, 2014, 218 p. (in Russ.).

Vaynen R. *Dolgiy '68. Radikal'nyy protest i ego vragi* [The Long '68: Radical Protest and Its Enemies], Moscow, Al'pina non-fikshn, 2020, 627 p. (in Russ.).

Vilisov M.V., Telin K.O., Filimonov K.G. *Ot ustoychivosti k stabil'nosti: chto delaet «khoroshim» gosudarstvennoe upravlenie* [From resilience to stability: What makes good public administration], *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2020, no. 1, pp. 7-27. (in Russ.).

Walden J.W.H. *The Universities of Ancient Greece*, New York, Charles Scribner's Sons, 1909, 367 p.

Weik E. The Market for Academic Knowledge: Its Historical Emergence and Inherent Tensions, *British Journal of Educational Studies*, 2014, vol. 62, no. 4, pp. 431-447.

Wittrock B. The Modern University: The Three Transformations, *Sh. Rothblatt, B. Wittrock (eds.). The European and American University since 1800: Historical and sociological Essays*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1993, pp. 303-362.

Wortman R.S. *Vlastiteli i sud'i: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [Rulers and judges: The development of a Russian legal consciousness], Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2004, 516 p. (in Russ.).

Кошель А.С. Основания и процедура досрочного прекращения полномочий депутатов. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10205 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 127–155.

УДК 342.52

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10205

ОСНОВАНИЯ И ПРОЦЕДУРА ДОСРОЧНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ДЕПУТАТОВ

Алексей Сергеевич Кошель

кандидат политических наук, доцент,
Проректор ДВФУ, доцент кафедры
конституционного и административного права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
член Экспертного совета
при Законодательном Собрании Приморского края,
г. Владивосток, Россия.
E-mail: koshel.as@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-4517-8326
ResearcherID: N-4104-2013
SPIN-код: 7123-0605

*Статья поступила 27.02.2020, принята к печати 16.06.2020,
доступна online 06.07.2020*

Парадигма развития российского парламентаризма, поправки к Конституции Российской Федерации 2008 и 2020 гг. направлены в сторону расширения полномочий российского парламента и подконтрольности исполнительной власти высшему законодательному органу. В связи с этим возникает закономерный вопрос об усилении независимости и автономности (прежде всего от исполнительной власти) депутатов российского парламента. Однако наряду с этим, вместо закономерного повышения независимости парламентариев, в последнее время в России появились внутренние квазитрудовые нормы парламента, что, наоборот, ставит депутатов под партийный контроль. Кроме того, действующие антикоррупционные нормы по контролю за открытостью доходов, расходов и обязательств имущественного характера депутатов

также имеют серьезные недостатки в части жесткости санкций – вплоть до досрочного прекращения полномочий депутата.

Проблема легальных причин и процедуры прекращения полномочий депутата представительного органа власти рассматривается автором комплексно, с учетом специфики статуса депутата. Следует отметить, что для молодого российского парламентаризма имеет принципиально важное значение исследование этой процедуры через призму конституционно-правового статуса депутата.

В статье проанализированы судебная практика причин прекращения полномочий депутата, статистика применения законодательства о противодействии коррупции к депутатам представительных органов власти в 30 различных субъектах Федерации из всех федеральных округов России. Также автор исследует иные, новые, основания прекращения полномочий депутата, в том числе относительно практики посещения им парламента, и приходит к выводу, что ряд норм действующего законодательства, используемых правоприменителем (парламентским большинством, судами, органами прокуратуры), противоречат задачам правового регулирования обязанностей депутатов парламента и доктринально не соответствует принятой в 1993 г. в России модели свободного мандата.

Таким образом, отечественному законодателю необходимо определиться: продолжает ли он следовать закрепленному в действующей Российской Конституции модели свободного мандата или все же наступила пора вернуться (как было в советский период) к модели императивного мандата. Если законодатель решает использовать модель свободного мандата, то те новые меры ответственности, которые введены в законодательство, должны быть пересмотрены. Если же законодатель окончательно откажется от свободного мандата, что отвечает определенной тенденции в мировой практике, то необходимо внести соответствующие точечные коррективы в Конституцию России и предусмотреть процедуру отзыва депутата на федеральном уровне, тем более что сегодня, в условиях нарастающей цифровизации, такую процедуру без ущерба можно проводить с использованием электронного голосования.

Ключевые слова: парламента, депутат, статус депутата, Государственная Дума, Совет Федерации, законодательный орган, лишение полномочий, партия, фракция.

Введение. В 2010-х гг. наметилась тенденция активного вмешательства в деятельность депутатов, усилилась их подконтрольность различным органам парламента (комитеты, комиссии, фракции), расширились возможности досрочного прекращения полномочий депутата по различным причинам. С учетом доминирования с 2003 г. в политической системе России партии «Единая Россия», фактически сросшейся с административным аппаратом исполнительной власти, вызывает недоумение возможность досрочного прекращения полномочий депутата по инициативе комитета или комиссии, в которых, в силу прямого предписания Регламента Государственной Думы, большинство депутатов представляют партию «Единая Россия». По поводу активного лишения депутатов представительных органов местного самоуправления за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по представлению сведений о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера также возникает ряд вопросов. Возможность лишения депутата регионального парламента и представительного органа местного самоуправления неприкосновенности и полномочий без санкции представительного органа, строго говоря, не

вполне соотносится с принципом разделения властей и конституционно-правовым статусом депутата. Вообще, любая подконтрольность депутата в условиях свободного мандата, принятого в России в силу прямого предписания Конституции России, нуждается в дополнительной правовой оценке.

В настоящее время при определении конституционно-правового статуса депутата используются две модели мандата депутата – это императивный и свободный мандат. Первая модель подразумевает подконтрольность депутата избирательному корпусу, партии, фракциям и иным лицам, делегировавшим депутата в парламент. Вторая – полную его свободу и независимость. В соответствии с этими моделями формируется содержание конституционно-правового статуса, включая виды и способы ответственности депутата. Однако в законодательстве намечается тенденция сращения этих моделей. Но как это возможно? На этот вопрос мы постараемся ответить в данной работе.

Статья композиционно разделена на две части. В первой рассматриваются две модели мандата депутата как элемента конституционно-правового статуса депутата, сопряженные с этим средства конституционно-правовой защиты и возможные варианты ответственности депутата. Во второй – досрочное прекращение полномочий как вид конституционно-правовой ответственности депутата и опыт применения этого средства конституционно-правовой ответственности в России на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Досрочное прекращение полномочий в условиях императивного и свободного мандата. Проблематика досрочного прекращения полномочий депутата неразрывно связана с содержанием конституционно-правового статуса парламентария, включающего модель депутатского мандата, принятую законодателем той или иной страны, а также с видами ответственности депутата (Кутафин 1980: 208; Чмыга 2009). Поэтому предлагаем читателю обратиться к теории мандата депутата, содержанию ответственности и основаниям досрочного прекращения полномочий депутата в зависимости от принятой модели депутатского мандата.

Проблема депутатского мандата является важной не только для науки, но и для практики, что было отмечено в специальном отчете Венецианской комиссии (Report... 2012: 6-7). По общему положению мандат депутата – базовая категория статуса депутата, являющая собой легитимное право реализации публично-властных функций депутатом, предоставляемое посредством демократических процедур в соответствии с законом (Nemtoi, Nesteriuc 2019: 245). Впрочем, существует и иная точка зрения. Так, А.Т. Карасев считает мандат отдельным правовым институтом, представляющим собой исходящее от населения поручение депутату отстаивать их интересы в законодательном (представительном) органе (Карасев 2009: 26). В такой формулировке может быть признан легитимным только императивный мандат, а как быть с признанным в большинстве стран мира свободным мандатом (Karp 2002: 130, Nasrawin 2016: 100-104)?

В науке конституционного права выделяют две модели мандата. *Первая* – это модель императивного мандата, предложенная Ж.Ж. Руссо и далее развитая Т. Пейном. Она акцентирует связанность представительного правления с реализацией прав человека на управление государством, особо подчеркивая, что представительное правление не более чем производная народной власти, и эта связь нерушима, т.е. представитель не может править по своему собственному убеждению без оглядки на народ, делегировавший ему власть (Пейн 1959: 208). Сторонники данной модели полагают приоритетным право народа контролировать действия депутата всеми доступными способами с применением конституционно-правовой ответственности к депутату – вплоть до отзыва депутата или иного способа досрочного прекращения полномочий депутата.

Императивный мандат депутата означает невозможность исполнения депутатом полномочий по своему собственному усмотрению, игнорируя те наказания и обязательства, которые его связывают с лицами, наделившими его полномочиями депутата. В ряде случаев это оправданно. Так, например, применительно к Бундесрату ФРГ, в котором императивный мандат представителей земель не только существует, но и презюмируется с учетом особенностей его формирования, в Основном законе ФРГ указано, что представители одной земли не вправе голосовать различно по законопроекту (Маркварт 2014; Werner 1999).

Объем и задачи работы депутата в условиях императивного мандата определяются «наказами» или поручениями. Так, для региональных органов власти, делегировавших депутата, или для партии, по спискам которой избран депутат, приоритетной является законопроектная и законодательная работа депутата по лоббированию интересов этих «избирателей» в парламенте. В то же время граждане наиболее заинтересованы в работе депутата в избирательном округе, в проведении встреч, в решении частных вопросов избирателей и в лоббировании интересов избирательного округа.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение депутатом воли избирателей, лиц, направивших его в парламент, их «наказов», поручений может стать причиной отзыва депутата. Так, в России институт отзыва депутата был введен сразу после установления советской власти, в 1917 г. (Авакьян 1975; Коток 1967: 5; Краснов 1989; Саламатова 2017). За рубежом императивный мандат и право отзыва депутата закреплены в законодательстве Китая, Вьетнама, Беларуси, Египта, Швейцарии и ряда субъектов федерации США. В каждом случае процедура и причины отзыва различны: в одних странах проводится тайное голосование всеми избирателями (Вьетнам, Беларусь), в других вопрос решается самим парламентом (Египет), в третьих – нижестоящим советом (Китай). Причины также различны – так в отдельных субъектах федерации США причины и обоснованность их применения устанавливаются судом, однако однозначного перечня таких причин не существует, в Египте, Китае, Вьетнаме причиной является недоверие избирателей (Коновалова 2011).

В российской правовой науке не утихают споры об императивном мандате в Российской Федерации. Поддерживают необходимость императивно-

го мандата Н.В. Витрук (Постановление Конституционного суда РФ № 21-П, 1996), М.А. Гусева (Гусева 2015), С.И. Луценко (Луценко 2017), Е.М. Тарасюк (Тарасюк 2006: 100), В.А. Черепанов (Черепанов 2013: 44). В то же время трое судей Конституционного Суда Российской Федерации – М.В. Баглай, Т.Г. Морщакова и А.Л. Кононов – при рассмотрении дела о конституционности Закона Московской области «Об отзыве депутата Московской областной Думы» категорически высказались против императивного мандата как института, противоречащего, по их мнению, Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного суда РФ № 21-П, 1996).

Необходимость отказа членов legislatures от императивного мандата в целях реализации запроса избирателей на те или иные преобразования отмечается во многих нормативных документах различных стран (Девятярова 2014: 59-76). Отрицание принципа императивного мандата реализуется также и в запрете создания в парламенте фракций не по политическому признаку (Куликов 2006). В частности, в Национальном Собрании Франции запрещается создание фракций, преследующих частный, местный, региональный или профессиональный интерес, что закреплено в регламенте. Одновременно с этим Венецианская комиссия в 2015 г. отметила, что политические партии и фракции «не должны иметь полномочий по прекращению мандата депутата», иначе говоря, ни при каких обстоятельствах мандат депутата не может быть поставлен под партийный контроль в полном смысле этого слова (Joint Opinion... 2015). Вместе с тем ранее, в 2009 г., Венецианская комиссия указывала, что лишение статуса депутата по поводу изменения им своей партийной принадлежности допустимо, однако это связано не с партийным контролем депутата, а скорее с соблюдением избирательных прав граждан, избравших депутата по определенным взглядам, которые он разделял и выражал от их лица (Алимов 2016). Например, в соответствии со ст. 163 Конституции Португалии 1976 г. депутаты, избранные от определенной политической партии, лишаются мандата в случае изменения своей партийной принадлежности (The Portuguese Constitution, 1976), что обусловлено соблюдением конституционного права избирателей избирать своих представителей. Приведем еще один, весьма наглядный, пример. Мягкое лишение власти фракции коммунистов, получивших на выборах 2009 г. большинство в Парламенте Молдовы, было связано исключительно с конституционной возможностью изменения депутатами своих политических предпочтений сразу после победы на выборах, что в конечном итоге привело к затяжному, десятилетнему, политическому кризису в Молдове. В то же время в России в соответствии со статьей 7.1 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» почему-то предусмотрена возможности вступления депутатов Государственной Думы, являвшихся членами ликвидированной политической партии, по спискам которой они были избраны, в иные политические партии, а также во фракции иных политических партий, представленных в Государственной Думе. Разве это соответствует задачам голосования по партийным спискам, то есть выбору избирателей политической силы, взгляды и мнения которой

они разделяют? Конечно, нет. Поэтому встает вопрос об устранении этих противоречий в отечественном законодательстве.

Вторая модель, предложенная Э. Берком и Д.С. Миллем, – доверительное управление (*The trusteeship model*), или свободный мандат. Еще в 1774 г. депутат Палаты Общин Англии Эдмунд Берк указывал, что депутат парламента независим и является представителем всей нации с единственным интересом – общим благом (Jenings 1880). Императивный мандат отсутствует (т.е. установлен свободный мандат) в Испании в соответствии с ч. 2 ст. 67 Конституции 1978 г. (Constitution passed... 1978), в Европейском парламенте в соответствии с ч. 1 статьи 6 Акта об избрании представителей в Европейский парламент всеобщим голосованием (The Act... 1976), в Польше в соответствии со ст. 104 Конституции 1997 г. (Рассохин 2009). После распада СССР и принятия Конституции 1993 г. в России на федеральном уровне был закреплен свободный мандат. Под этой моделью понимается право избирать людей подготовленных, с образованием и определенным социальным статусом, с тем лишь, чтобы они действовали в интересах всего общества, и в особенности тех, кому в жизни повезло меньше (Ozarow 2015: 13-14). В данном случае депутат не может быть связан никакими наказаниями и ограничениями, поскольку презюмируется, что избиратели не могут лучше его знать то, что будет им полезнее (Берк 2001: 93-134; Милль 1874: 326).

В противовес императивному мандату свободный мандат означает независимость депутата, свободу выражения им мнений и голосования в парламенте по своему личному усмотрению, самостоятельное определение объема и видов своей деятельности в качестве депутата; отсюда и появляются различные подходы к вопросу кворума в законодательном органе. Так, например, кворум в Кнессете Израиля возможен, даже если присутствуют хотя бы двое депутатов. Кроме того, согласно такой модели никто не должен принуждать депутата к участию в каких-либо мероприятиях, заседаниях, выражению мнения и голосования в парламенте.

Свободный мандат предусматривает наличие принципа профессионального исполнения депутатом своих полномочий, то есть оплаты работы депутата в парламенте и всех его расходов, связанных с исполнением обязанностей депутата. Это правило, сопряженное с запретом занимать иные оплачиваемые должности, установлено в большинстве стран мира. Так, член Европейского парламента не может совмещать свою деятельность с исполнением иных публичных функций в органах Европейского Союза и государств – членов ЕС (The Act... 1976). Тот же принцип применяется в Венгрии (ч. 5 ст. 20(1) Конституции Венгрии) (The Fundamental Law...), Испании (ст. 70 Конституции Испании), России (ч. 3 ст. 97 Конституции России). Следует подчеркнуть, что принцип профессионального исполнения депутатом своих полномочий не направлен на придание депутатской деятельности характера трудовых отношений, а, наоборот, призван обеспечить большую свободу и независимость парламента и его членов в системе разделения властей.

Принцип профессионального исполнения депутатом его обязанностей соотносится с другим элементом конституционно-правового стату-

са депутата – индемнитетом. Индемнитет (от лат. *indemnitas* – безущербный) – совокупность финансовых и административно-хозяйственных гарантий осуществления депутатской деятельности, реализуемых за счет государственных ассигнований. Само наличие индемнитета вовсе не должно означать возможность со стороны парламентских органов контролировать рабочее время депутата и тем более применять к нему меры конституционно-правовой ответственности в виде досрочного прекращения полномочий. Как отмечается в британской конституционной доктрине, введение института индемнитета связано напрямую с желанием расширить электоральную привлекательность парламентских партий в 1940-е гг. в связи с усилением социалистических настроений в обществе за счет лидеров общественного мнения в профсоюзном движении Великобритании, которые не имели собственных финансовых ресурсов для реализации полномочий члена Палаты Общин (Seldon, Ball 2011). К примеру, в Великобритании к числу таких расходов относятся заработная плата работников аппарата депутата (помощники, советники, секретариат и т.д.), оплата связи, командировочных, расходы на проезд, на решение проблем, связанных со здоровьем, и иных вопросов. Российский федеральный законодатель также заложил в законодательство все возможные способы компенсации расходов, связанных с осуществлением депутатом своих полномочий, напрямую со стороны федерального бюджета, без необходимости проведения оплаты самим депутатом с последующей компенсацией со стороны бюджета. К числу таких компенсаций относятся ежемесячное денежное содержание депутата, расходы на аппарат депутата (помощники, советники, секретариат и т.д.), обеспечение депутата жильем в городе Москве, бесплатный проезд во всех видах транспорта, обеспечение служебным автотранспортом, средствами связи, рабочим местом в здании соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации и т. д. Изменение индемнитета, как правило, вступает в силу для следующего созыва депутатов. Эта ограничительная мера предусмотрена, к примеру, в соответствии с 27 поправкой к Конституции США (Amendment XXVII 1992).

Наряду с этим свободный мандат соотносится еще с одним элементом статуса парламентария – депутатским иммунитетом. Иммунитет (лат. *immunitas* – освобождение от чего-либо) подразумевает наличие повышенных гарантий и мер защиты профессиональной деятельности определенного круга лиц¹. Иммунитет парламентария как повышенная форма защиты возник в период активного противостояния парламентов и исполнительной власти в монархический период. Так, впервые иммунитет депутата был введен в Англии в Билле о правах 1689 г. (The Bill of Rights 1689), закреплявшем невозможность преследования депутата парламента ни за одно слово,

¹ К примеру, от дачи свидетельских показаний освобождены священники в отношении сведений, ставших им известными при исполнении своих религиозных обязанностей; адвокаты обязаны хранить сведения, ставшие известными вследствие работы со своим подзащитным; судьи не могут быть привлечены к ответственности, задержаны или допрошены административными органами без согласия соответствующего органа судейского сообщества.

произнесенное в парламенте. Классическое определение парламентского иммунитета впервые было дано во Французской конституционной хартии 1814 г., где указано, что в отношении депутата невозможно уголовное преследование без согласия парламента, за исключением случаев, когда депутат застигнут на месте преступления (Anderson 1904: 456-463). Сегодня иммунитет депутата принят в большинстве стран, однако отмечается тенденция к ослаблению депутатской неприкосновенности. Так, например, в США член Конгресса несет ответственность за совершенные преступления на общих основаниях (Гущин 2013: 22), а в Украине в 2019 г. внесена поправка в статью 80 Конституции, практически нивелировавшая независимость депутата Верховной Рады (Закон України № 27-IX, 2019).

Различают два вида депутатского иммунитета: абсолютный и ограниченный. Абсолютный иммунитет депутата включает в себя неприкосновенность личности, имущества и помещений, занимаемых депутатом, невозможность привлечения к ответственности за публичное высказывание депутатом своей позиции, невозможность передачи в суд и рассмотрения административными органами дел об уголовной и административной ответственности без согласия соответствующей палаты парламента, свидетельский иммунитет (возможность отказа от дачи свидетельских показаний по обстоятельствам, ставшим известными в связи с исполнением депутатом своих полномочий) (Сопельцева 2003: 24-25).

Регламент Европейского парламента (правило 5 главы 1) указывает, что «члены Европейского парламента пользуются привилегиями и иммунитетом, изложенным в протоколе № 7 “О привилегиях и иммунитетах Европейского Союза”. При осуществлении своих полномочий в отношении привилегий и иммунитетов Европейский Парламент принимает меры по обеспечению своей целостности как демократического законодательного собрания и независимости своих членов при выполнении ими своих обязанностей. Парламентская неприкосновенность – это не личная привилегия депутата, а гарантия независимости парламента в целом и его членов» (Rules of Procedure... 2014).

Так, рассматривая дело «Кордова против Италии» № 45649/99, Европейский Суд по правам человека в своем постановлении от 30 января 2003 г. указал, что в вопросах обеспечения депутатского иммунитета и доступа к правосудию лиц, которые обвиняют депутатов в совершении тех или иных действий, в порядке гражданско-правового, административного или уголовного судопроизводства должен соблюдаться необходимый баланс частных и публичных интересов, баланс прав обеих сторон, где с одной стороны выступает парламента в защите интересов своих членов, а с другой – лица, чьи права оказались нарушены в результате дважды, в том числе вследствие отказа парламента в даче согласия на судебное разбирательство в отношении одного из своих членов, что противоречит пункту 1 статьи 6 Европейской конвенции по правам человека, гарантирующей право на судебное разбирательство (Cordova v. Italy, 2003).

В общем и целом в мире сложилась неоднозначная практика правового регулирования и парламента и общественного отно-

шения к нему (Паргачева 2011). Так, например, в соответствии с отделом 6 статьи 1 Конституции США никто не может подвергнуться ответственности конгрессмена, кроме самой палаты, членом которой он состоит, за исключением случаев государственной измены, предумышленного преступления и нарушения общественной тишины и спокойствия (The Constitution... 1787). В соответствии с английским Биллем о правах 1689 г. (The Bill of Rights 1689), п.1 ст. 46 Основного закона ФРГ (The Basic Law... 1949), ст. 26 Конституции Франции (The Constitution of France 1958), ст. 68 Конституции Италии (The Constitution of the Italian Republic 1947), п. 1 ст. 57 Федерального конституционного закона Австрии (Federal Constitutional Law ... 1920) депутаты парламентов указанных стран освобождаются от любой ответственности за слова (мнение), произнесенные в парламенте или при исполнении своих обязанностей. В России, США, Польше и ряде других стран наряду с вышеизложенным депутаты парламента не могут быть подвержены допросу по обстоятельствам, ставшим им известными в результате депутатской деятельности (Рассохин 2009).

Указанная логика находит свое отражение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, несмотря на то что непосредственно легальное (нормативное) закрепление самого понятия «парламентский (депутатский) иммунитет» в законодательстве Российской Федерации отсутствует. Так, например, в своем постановлении от 20 февраля 1996 г. № 5-П Суд отметил, что парламентский иммунитет не является личной привилегией депутата, а составляет важнейшую правовую гарантию его деятельности, призван служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану личности депутата, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым – парламента, их самостоятельности и независимости (Постановление Конституционного Суда РФ № 5-П, 1996). Позднее, в своем постановлении от 12 апреля 2002 г. № 9-П, Суд согласился с возможностью лишения неприкосновенности депутата регионального парламента по решению суда без согласия соответствующего представительного органа (Постановление Конституционного Суда РФ № 9-П, 2002), тем самым перечеркнув свои выводы 1996 г. о необходимости обеспечения повышенной охраны личности депутата, ограждающей его от необоснованных преследований, хотя в отношении регионального депутата подобные меры защиты подчас важнее, поскольку он может оказаться под бóльшим давлением при отстаивании своей позиции и при защите интересов избирателей по сравнению со своими федеральными коллегами. Конечно, мы не берем в данном случае вопросы злоупотребления депутатом своими полномочиями и привилегиями, что, впрочем, не отменяет принципа парламентской независимости; такими вопросами должен весть парламент, ограждая своих коллег от неправомерного воздействия на них и обеспечивая защиту собственного высокого статуса представительного органа власти.

Досрочное прекращение полномочий депутата: *pro et contra*. Вопрос о досрочном прекращении полномочий депутата представительного

органа власти сегодня имеет высокую актуальность как за рубежом, так и в России. Традиционно к числу бесспорных оснований досрочного прекращения полномочий депутата относят смерть депутата, признание его безвестно отсутствующим или недееспособным по решению суда, вступление в силу обвинительного приговора суда, утрату гражданства, отставку по собственному желанию, а также досрочное прекращение полномочий всего парламента (палаты парламента) или отзыв депутата избирателями (Белкин 1997).

Однако сегодня появляются дополнительные (новые) основания досрочного прекращения полномочий, которые мы и рассмотрим ниже. Среди таковых выделяются наличие конфликта интересов, сокрытие или представление неполных, недостоверных сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера касательно себя и своих близких родственников, утрата членства в политической партии, по списку которой был избран депутат, утрата депутатом на длительный срок связи с парламентом или избирателями, приобретение недвижимости за рубежом или открытие счетов в банках, находящихся за пределами национальной территориальной юрисдикции. Некоторые из этих оснований, как будет указано ниже, нуждаются в серьезном переосмыслении или доработке.

В соответствии с Федеральным законом от 12 мая 2009 г. № 94-ФЗ членство депутата Государственной Думы во фракции, в которой он состоит, может быть прекращено в связи с ликвидацией политической партии, в составе федерального списка кандидатов которой он был избран. Одновременно с прекращением членства в ликвидированной партии согласно указанному федеральному закону депутат Государственной Думы управомочен вступить в иную политическую партию и (или) фракцию иной политической партии (Федеральный закон № 94-ФЗ, 2009). Данные нормы в определенной мере могут считаться подменой мнения избирателей, поскольку возможность вступления в иную политическую партию и (или) фракцию с учетом части 3 статьи 10 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ, предусматривающей возможность «связывания» депутата Государственной Думы решениями политической партии при исполнении своих должностных обязанностей (Федеральный закон № 95-ФЗ, 2001), по своей сути означает право подменять волю избирателей, отдавших свои голоса на выборах за ликвидированную партию.

Также в соответствии с Федеральным законом от 3 мая 2016 г. № 140-ФЗ предусмотрена возможность досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы по инициативе фракции политической партии, в составе федерального списка кандидатов которой он был избран, а в отношении депутата, избранного по одномандатному округу, – по инициативе комитета, в котором он состоит, в случае неисполнения депутатом в течение 30 и более календарных дней своих обязанностей (Федеральный закон № 140-ФЗ, 2016). За три года с момента вступления в силу данной нормы по указанному основанию были прекращены полномочия лишь депутата Государственной Думы VI созыва И.В. Пономарёва (Жуков 2017: 250).

Сама по себе логика законодателя, стремящегося стимулировать всеми доступными методами исполнение депутатом возложенных на него обязанностей, заслуживает поддержки, поскольку призвана обеспечить конституционное право граждан на участие в управлении делами государства посредством своих представителей (ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации) и стабильность работы Государственной Думы Федеральному Собранию Российской Федерации, основа которой заключается в принятии решений большинством голосов от общего числа депутатов Думы (ч. 3 ст. 103, ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 108 Конституции Российской Федерации). Авторы законопроекта № 829642-6 отмечают, что депутат Государственной Думы сегодня не несет юридической ответственности перед избирателями, отсутствуют «наказы» избирателей, т.е. депутат обладает так называемым свободным мандатом, что не отвечает запросам современного общества и пагубно влияет на качество представительной власти в стране (Законопроект № 829642-6, 2015).

Фактически утверждение права Государственной Думы досрочно прекращать полномочия депутата вследствие неисполнения им своих обязанностей возлагает на Думу несвойственные ей полномочия по применению дисциплинарной ответственности за «прогулы» в отношении депутата. Правительство Российской Федерации в своем Официальном отзыве дало негативную оценку законопроекту № 829642-6, указав, что проверка «систематичности» явки депутата носит оценочный характер и, поскольку результаты выборов определяются исключительно голосованием, ни политическая партия, ни тем более ее фракция, ни постоянный комитет не вправе по своему усмотрению отменять (изменять) их итоги в отношении лиц, наделенных властными полномочиями по результатам демократических выборов (Законопроект № 829642-6, 2015). Поддерживая позицию Правительства Российской Федерации по данному вопросу, добавим, что принятые в итоге нормы противоречат также и части 3 статьи 21 Всеобщей декларации прав человека; иначе говоря, как отражено в указанной норме права, воля народа должна быть основой власти правительства и выражаться она должна в периодических и нефальсифицированных выборах (The Universal Declaration... 1948).

Кроме того, прекращение полномочий депутата в связи с неисполнением им обязанностей депутата свыше 30 дней влечет за собой наделение парламента несвойственными ему функциями по фактической оценке деятельности депутата, его работы по исполнению воли народа, его избравшего. В соответствии с конституционно-правовой теорией оценку деятельности депутата осуществляет только народ, его избравший, посредством одной из двух демократических процедур: очередных выборов или процедуры отзыва депутата посредством всенародного голосования.

В 2017 г. рядом депутатов Государственной Думы была предпринята попытка уравнивать статус членов Совета Федерации со статусом депутатов Государственной Думы в части вменения в обязанности сенатора встреч с избирателями (жителями региона, который представляет сенатор), постоянного участия в работе Совета Федерации и его органов, а также ответственности

за неисполнение обязанностей сенатора в течение 30 и более дней, как это было установлено ранее в отношении депутатов Государственной Думы. Соответствующий законопроект № 106121-7 был внесен в Государственную Думу 20 февраля 2017 г. Данный законопроект не нашел поддержки ни в Правительстве Российской Федерации, ни в самой Государственной Думе и в итоге был отклонен 6 декабря 2018 г. (Законопроект № 106121-7, 2017). Вместе с тем с учетом того, что порядок формирования Совета Федерации не умаляет его статуса как палаты Федерального Собрания – парламента Российской Федерации, более привилегированный по отношению к депутатам Государственной Думы статус сенатора является, по нашему мнению, нарушением конституционного баланса между Государственной Думой и Советом Федерации как двумя палатами единого российского парламента, что следует из ч. 1 ст. 11, ст. 94, ч. 1 ст. 95 Конституции Российской Федерации.

При анализе регионального законодательства подобная норма также была обнаружена в законодательстве Республики Дагестан, где в соответствии с Законом Республики Дагестан от 30 мая 2016 г. № 44 полномочия депутата Народного Собрания могут быть прекращены досрочно по инициативе фракции или комитета, в которых состоит депутат, в случае неучастия трех и более раз в течение года без уважительных причин в заседаниях Народного Собрания, его комитета или комиссии, членом которых является депутат (Закон Республики Дагестан № 44, 2016). За три года существования данной нормы в Дагестане «за прогул» лишился полномочий только депутат Народного Собрания Магомед Махачев в октябре 2018 г. (Постановление Народного Собрания Республики Дагестан № 615, 2018).

Аналогичная практика контроля за работой депутатов встречалась в исторической ретроспективе за рубежом. Так, например, в соответствии со ст. 8–10 Закона Республики Китай «Об учреждении Парламента» от 27 сентября 1913 г. депутат палаты Народного Собрания, не приступивший в течение месяца к исполнению обязанностей депутата, лишался этой палатой статуса депутата; согласно ст. 80 того же Закона депутат, отсутствовавший на заседании парламента, штрафовался на 10 мексиканских долларов¹, за троекратное отсутствие он лишался слова на пять заседаний, за шестикратное – на десять заседаний, а при наличии двух взысканий за «прогул» на третий раз Палата была вправе прекратить полномочия члена парламента. Установлен и срок давности для привлечения к ответственности – пять дней с момента совершения проступка (Энгельфельд 2017: 268-271). А совсем недавно, в 2019 г., в Украине принят закон, предусматривающий прекращение денежного содержания депутата Верховной Рады Украины в слу-

¹ С открытием Китаем международной торговли в стране получили наибольшее распространение и официальное хождение две серебряные монеты, эмитентами которых являлись Мексика (серебряная монета достоинством восемь реалов) и Испания (серебряная монета достоинством пять песет); эти монеты в Китае в то время именовались «мексиканский» и «испанский доллар» соответственно. В связи с высоким спросом и большим объемом денежной массы Китая, выраженной мексиканским долларом, законодатель Китая начал устанавливать оплату труда чиновников, в том числе и содержание депутатов, в мексиканских долларах.

чае пропуска без уважительных причин пленарных заседаний Верховной Рады или заседаний комитетов Верховной Рады (Закон України № 196-IX, 2019). Такая санкция более соотносится со свободным мандатом, нежели безусловное досрочное прекращение полномочий депутата.

Прекращение полномочий за непредставление или несвоевременное представление неполных либо заведомо ложных сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера – общая практика относительно публичных лиц органов управления Российской Федерации всех уровней в рамках компании по противодействию коррупции. Так, например, в соответствии с Федеральным законом от 3 ноября 2015 г. № 303-ФЗ непредставление или несвоевременное представление таких сведений стало дополнительным основанием для досрочного прекращения полномочий члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, депутата законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации, депутата представительного органа муниципального образования в Российской Федерации (Федеральный закон № 303-ФЗ, 2015).

За период существования данной нормы за непредставление сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера были досрочно лишены полномочий сотни депутатов разных уровней публичного управления, а чаще всего представительных органов местного самоуправления. Автором предпринята попытка проанализировать практику досрочного прекращения полномочий по данному основанию за период 2016–2019 гг. в 30 субъектах Российской Федерации различного типа из всех федеральных округов.

В 2016 г. по данному основанию лишили полномочий двух депутатов Народного Собрания Республики Дагестан; иных примеров среди рассмотренных субъектов Федерации лишения полномочий депутатов региональных парламентов по данному основанию не было.

В то же время муниципальные депутаты лишаются полномочий по указанному основанию очень часто, и в основном по представлению прокуратуры. Так, например, в 2016 г., по данным СМИ, по этому основанию лишились полномочий депутат сельского поселения в Рязанской области и депутат сельского поселения в Краснодарском крае.

За 2017 г., по данным СМИ, лишились своих полномочий 16 муниципальных депутатов в Краснодарском крае в одном городском и восьми сельских поселениях, три сельских депутата в Пермском крае, депутат городской думы в Курской области.

В 2018 г. в рамках декларационной компании «пострадало», то есть лишилось своих «постов», по данным СМИ, рекордное количество муниципальных депутатов: в Республике Алтай – шесть депутатов, в Республике Башкортостан – 38 местных депутатов, один депутат городского совета в Республике Бурятия, два депутата городской Думы в Пермском крае, депутат городской Думы в Ставропольском крае, десять депутатов районных советов в Астраханской области, три муниципальных депутата в Новгородской области, девять муниципальных депутатов в Ульяновской области и один сельский депутат в Ненецком автономном округе.

За 2019 г. за непредставление либо предоставление недостоверных и неполных сведений о доходах, расходах и имуществе лишились полномочий в Республике Алтай один сельский депутат, 17 муниципальных депутатов в Республике Дагестан, 9 муниципальных депутатов в Республике Ингушетия, два сельских депутата в Республике Калмыкия, депутат городской Думы в Карачаево-Черкесской Республике, четыре муниципальных депутата в Алтайском крае, один депутат сельского и один – районного уровня в Забайкальском крае, три городских депутата в Краснодарском крае, муниципальный депутат в Ивановской области, четыре городских депутата в Свердловской области, сельский депутат в Ульяновской области, муниципальный депутат района города Санкт-Петербурга и депутат городской Думы в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

Отдельно хотелось бы отметить три субъекта Федерации. Так, например, согласно данным СМИ, в 2018 г. по итогам декларационной кампании в Омской области лишились своих мандатов около 300 депутатов местного самоуправления, в Приморском крае в 2019 г. лишили полномочий 38 депутатов, а за 2017–2018 гг. – 80 муниципальных депутатов. А в 2019 г. в Иркутской области дошло до абсурда: там лишили полномочий председателя Совета депутатов Пустошинского района за неточность в декларации, где он не указал в числе доходов премию в 300 руб. и общую сумму дохода округлил на 10 коп. в сторону увеличения, что послужило толчком к законодательной инициативе о либерализации ответственности муниципальных депутатов по данному основанию (Законопроект № 680572-7, 2019).

Столь массовые инциденты, по которым только в изученных 30 субъектах Федерации за три года лишились своих полномочий 2 депутата регионального парламента и по меньшей мере 559 муниципальных депутатов, заставили федерального законодателя пойти на первые послабления в данных нормах, и уже 10 июля 2019 г. Государственная Дума приняла закон, предусматривающий альтернативные меры ответственности для муниципальных парламентариев в таких случаях, например перевод с постоянной на непостоянную основу исполнения полномочий депутата, и в крайнем случае – лишение полномочий (Федеральный закон № 228-ФЗ, 2019).

В России решение вопроса о прекращении полномочий парламентария на федеральном уровне возлагается на соответствующую палату Федерального Собрания Российской Федерации, в которой он состоит, в отношении региональных парламентариев – на законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации, а в отношении муниципальных парламентариев – на представительный орган местного самоуправления или суд.

За рубежом процедура прекращения полномочий депутата осуществляется либо самим парламентом, либо компетентным внепарламентским органом (в Азербайджане это Центральная избирательная комиссия, в Польше – Государственный трибунал, во Франции – Конституционный совет).

Отдельно стоит обратить внимание на вопрос о судебной защите граждан, лишенных полномочий депутата, который стал предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в своем

постановлении от 27 декабря 2012 г. № 34-П Конституционный Суд отмечает недопустимость применения в отношении депутата мер уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности несудебными органами без соблюдения особого порядка в случаях, предусмотренных законом. В то же время допускается особая конституционно-правовая ответственность за занятие депутатом иной оплачиваемой (кроме разрешенной – преподавательской, научной, иной творческой) деятельностью в силу наличия такого запрета в Конституции Российской Федерации (часть 3 ст. 97). Решение в таком случае вправе принять соответствующая палата Федерального Собрания – парламента Российской Федерации в форме постановления, которое может быть обжаловано в особом порядке в Верховный Суд Российской Федерации. Возможность обжалования, хотя и не была предусмотрена законом, должна быть обеспечена в силу прямого указания Конституции (ст. 46). В то же время Конституционный Суд нашел необходимым обеспечить возможность обжалования постановления палаты Федерального Собрания и отказа в лишении полномочий депутата (Постановление Конституционного Суда РФ № 34-П, 2012). Это, безусловно, соответствует конституционному принципу равенства всех перед законом и судом (часть 1 ст. 19), однако, по нашему мнению, может считаться вмешательством судебной власти в дискреционные полномочия федерального законодателя, что недопустимо в силу ст. 10 Конституции России. Вопрос о балансе между различными конституционными предписаниями, предусмотренными частью 1 ст. 19 и ст. 10 Конституции, Конституционным Судом решен не в пользу второго.

Заключение. Состояние общества на современном этапе отличается повышенным запросом на ответственное управление носителей власти, возможностью контроля за ними со стороны избирателей. Депутат больше не может выступать только в роли оратора, он должен доказывать делом свое право представлять интересы избирателей, а избиратели все чаще внимательно следят за работой депутата, его экономическим состоянием.

В этой связи считаем, что прекращение полномочий депутата как исключительная мера конституционно-правовой ответственности депутата должно применяться аккуратно, с соблюдением принципа независимости парламента в системе разделения властей, гарантий исполнения депутатом конституционных полномочий, его независимости и самостоятельности в условиях применения свободного мандата. Считаем, что свободный мандат может быть реален тогда и только тогда, когда депутат огражден всеми доступными средствами правовой защиты от необоснованного вмешательства в свою деятельность, в частности от тотального контроля посещаемости пленарных заседаний, заседаний комитетов и комиссий и т.д. Противодействие коррупции, предотвращение конфликта интересов также должны аккуратно соотноситься с конституционно-правовым статусом депутата. Необходимо соизмерять реальный вред публичным интересам, нанесенный непредставлением или некорректным представлением сведений о доходах, расходах депутата и членов его семьи, злоупотреблением депутатом своими полномочиями, с теми видами и мерами ответственности, которые могут

быть в таких ситуациях назначены. Следует определиться, почему в одних случаях предусматривается ограждение депутата от необоснованного давления со стороны представителей исполнительной власти, что отражается в категории иммунитета, а в других депутат ставится в зависимое положение к парламентским комитетам или партиям посредством парламентских фракций при осуществлении «контроля» служебной деятельности депутата. Возникает закономерный вопрос: почему мы в условиях свободного мандата, независимости депутата даем ему иммунитет, гарантии реализации своих полномочий, однако принуждаем его к какой-либо деятельности и ставим под контроль комитетов, партий и фракций? Законодателю так или иначе необходимо определиться – продолжает ли он следовать модели свободного мандата в России или идет по пути отхода от нее. Если выбор будет сделан в пользу отказа от модели свободного мандата, то требуется внести соответствующие коррективы в Конституцию России, что, скорее всего, найдет поддержку у избирателя. Но, самое главное, следует определить, в каких случаях и к каким мерам ответственности может прибегнуть сам парламент, а в каких и к каким – только избиратель.

Если законодатель выберет путь окончательного отказа от модели свободного мандата, то, возможно, стоит обратить внимание и на возвращение процедуры отзыва депутата федерального парламента, региональных парламента, тем более что современные технологии позволяют это сделать безубыточно.

Так, по информации Минкомсвязи России, численность зарегистрированных пользователей портала госуслуг в 2019 г. превысила 100 млн человек (Кривошапко 2019), а численность избирателей, по данным ЦИК России, в 2019 г. составляло 108 млн человек. И поскольку зарегистрироваться на портале могут и граждане с 14 лет до 18 лет, не обладающие активным избирательным правом (коих в России, по оценке Росстата, около 9 млн человек¹) а также иностранные граждане, также не имеющие права избирать и быть избранными (их, по статистике МВД России, около 16,5 млн человек²) то по меньшей мере 6 из 10 граждан России, обладающих избирательным правом, уже зарегистрированы на портале. Кроме того, проблема 2020 – пандемия COVID-19, введение во многих крупных городах России системы пропусков для контроля соблюдения режима самоизоляции в целях санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выплаты гражданам пособий на детей в условиях пандемии только посредством обращений через Единый портал государственных и муниципальных услуг стимулировали большинство граждан, ранее не обращавшихся к государственным услугам в электронной форме, спешно оформить себе учетную запись для доступа к государственным услугам онлайн. Электронное голосование уже проводилось в Москве в соответствии с Федеральным законом от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах де-

¹ URL://gks.ru/storage/mediabank/demo14(1).xls

² URL://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15252649

путатов Московской городской Думы седьмого созыва». К сожалению, эксперимент Мосгоризбирком утвердил только в трех избирательных округах, это № 1 (Зеленоград), № 10 (Бибирево, Лианозово, Северный) и № 30 (Чертаново Центральное и Южное). Вместе с тем важнейшими итогами данного эксперимента являются большая вовлеченность населения¹ и существенная экономия денежных средств. В этой связи целесообразно ввести элемент императивного мандата, заключающийся в возможности отзыва депутата любого уровня на основании петиции, поданной не менее чем двадцатью пятью процентами избирателей посредством электронного голосования с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг (gosuslugi.ru).

Если же законодатель останется верен свободному мандату депутата, то необходимо отыскать иные способы повышения доверия общества к депутатскому корпусу, при этом соблюдая баланс между «подконтрольностью» и независимостью парламентария при сохранении свободы мандата на федеральном уровне. К примеру, санкция за отсутствие по неуважительной причине на заседаниях парламента может быть заменена соразмерным уменьшением ежемесячного денежного содержания самого депутата. Также в таком случае считаем целесообразным внести изменения в статью 7.1 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в части исключения возможности вступления депутатов Государственной Думы, являвшихся членами ликвидированной политической партии, по спискам которой они были избраны, в иные политические партии, а также во фракции иных политических партий, представленных в Государственной Думе, оставив таким депутатам право образовать депутатское объединение либо остаться независимыми депутатами. Считаем, что только народ посредством демократического волеизъявления имеет право определять представительство политических сил в Государственной Думе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авакьян С.А. 1975. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. № 10. С. 16-24.

Алимов Э.В. 2016. Императивный мандат и конституционное государство: диалектика взаимосвязи // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 3. С. 39-43.

Бабкин С., Мелешенко А. 2019. Итоги электронного голосования в Москве подтвердили – за этим будущее // Российская газета. Столичный вып. 9 сент. № 201(7959).

Белкин А.А. 1997. Дело об отзыве депутата // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 3 (218). С. 24-33.

Берк Э. 2001. Правление, политика и общество : сборник / пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л. Полякова. Москва : Канон-пресс-Ц. 480 с.

¹ В Москве в избирательных округах, где применялось электронное голосование, явка на выборах депутатов Московской городской Думы в Единый день голосования 2019 г., по данным ГАС «Выборы», превысила 90% избирателей (Бабкин, Мелешенко 2019).

Гусева М.А. 2015. Актуальные проблемы и механизмы совершенствования процедуры отзыва депутата Национального Собрания Республики Беларусь // Право и государство: теория и практика. № 4 (124). С. 57-60.

Гущин В.З. 2013. Особенности привлечения к административной ответственности членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и особенности президентского иммунитета от привлечения к административной ответственности // Современное право. № 8. С. 21-23.

Девятиярова А.И. 2014. Реализация региональными парламентами РФ функции социально-политического представительства (на примере регионов Западной Сибири) : дис. ... канд. полит. наук. Москва. 233 с.

Жуков А.Д. (ред.) 2017. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности : Справочник. Ежегодник. 2016 / под общ. ред. А.Д. Жукова. Москва : Изд. Гос. Думы. 280 с.

Карасев А.Т. 2009. Депутат в системе представительной власти: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 55 с.

Коновалова Л.Г. 2011. Институт отзыва депутатов в зарубежных странах: нормативное закрепление и практика реализации // Гражданское общество и правовое государство. Т. 2. С. 28-31.

Коток В.Ф. 1967. Наказы избирателей в социалистическом государстве : (Императивный мандат). Москва : Наука. 135 с.

Краснов М.А. 1989. О досрочном прекращении полномочий народного депутата СССР // Советское государство и право. № 11. С. 86-87.

Кривошапка Ю. 2019. Минкомсвязь: число пользователей госуслуг превысило 100 миллионов // Российская газета. 26 дек.

Куликов В.В. 2006. Место и роль партийных фракций в парламентах стран Запада: сравнительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. № 2. С. 193-196.

Кутафин О.Е. 1980. Популярный справочник народного депутата. Москва : Знание. 222 с.

Луценко С.И. 2017. Запрос на институт отзыва депутата // Государство и право. № 9. С. 101-104.

Маркварт Э. 2014. Роль немецкого Бундесрата как институционального механизма учета интересов территорий // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Т. 7, № 5. С. 70-77.

Милль Д.С. 1874. Автобиография Джона Стюарта Милля / пер. с англ. Г.С. Благосветова. Санкт-Петербург : Тип. В. Тушнова. 332 с.

Паргачева И.П. 2011. Институт парламентского иммунитета в России и зарубежных странах (социологический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 631. С. 128-138.

Пейн Т. 1959. Избранные сочинения / пер. с англ. Ф.Ф. Вермель. Москва : Изд-во АН СССР. 422 с.

Рассохин И. 2009. Статус члена Парламента в Республике Польша // Сравнительное конституционное обозрение. № 4(25). С. 18-21.

Саламатова М.С. 2017. Отзыв депутата в Советской России: законодательство и практика реализации // Genesis: исторические исследования. № 5. С. 48-60.

Сопельцева Н.С. 2003. Понятие правового иммунитета в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 9. Право. № 2. С. 22-28.

Тарасюк Е.М. 2006. Мандат парламентария в Республике Беларусь: теория и практика // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. № 3. С. 96-102.

Черепанов В.А. 2013. К вопросу об отзыве депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. № 5. С. 41–44.

Чмыга О.В. 2009. Категория «конституционно-правовой статус лиц, избранных в состав парламента»: проблема определения // Проблемы управления. № 4(33). С. 257–260.

Энгельфельд В.В. 2017. Китайский парламент и парламентаризм // Избранные труды Юридического факультета в Харбине. Москва. С. 259–287.

Anderson F.M. 1904. The constitutions and other select documents illustrative of the history of France, 1789–1901. Minneapolis : H.W. Wilson company. 671 p.

Jennings G.H. 1880. An anecdotal history of British Parliament from the earliest periods to the present time. London. 530 p.

Karp J. 2002. Members of parliament and representation // J. Vowles, P. Aimer, J. Karp, S. Banducci, R. Miller, A. Sullivan (eds.). Proportional Representation on Trial: The 1999 Election in New Zealand and the Fate of MMP. Auckland : Auckland Univ. Press. P. 130–145.

Nasrawin L. 2016. The Fiduciary Role of Members of Parliament and Ministers // ICL Journal. Vol. 10, iss. 1. P. 99–107.

Nemtoi G., Nesteriuc O. 2019. The Status of the Member of Parliament in Relationship with the Legal and Ethical Norms // European Journal of Law and Public Administration. Vol. 6, iss. 2. P. 245–253.

Ozarow D. 2015. The unrepresentative house: The inconvenient truth about members of parliament // Human Resource Management International Digest. Vol. 23, № 5. P. 12–15.

Seldon A., Ball S. 2011. Conservative century : the Conservative Party since 1900. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press. 842 p.

Werner J.P. 1999. The Very Federal House: The German Bundesrat // Senates: Bicameralism in the Contemporary World. Ohio : Ohio State Univ. P. 59–93.

Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета. 2001. 14 июля.

Федеральный закон от 12 мая 2009 года № 94-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с повышением представительства избирателей в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 15 мая.

Федеральный закон от 3 ноября 2015 года № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 6 нояб.

Федеральный закон от 3 мая 2016 года № 140-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // Российская газета. 2016. 6 мая.

Федеральный закон от 29 мая 2019 года № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905290064> (дата обращения: 08.10.2019).

Федеральный закон от 26 июля 2019 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и статью 13.1 Федерального закона “О противодействии коррупции”». URL: <http://pravo.minjust.ru:8080/bigs/showDocument.html?id=E608A131-7C13-410F-8AC4-8EED593B3112> (дата обращения: 08.10.2019).

Законопроект № 829642-6 от 02.07.2015 «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” (по вопросу установления дополнительного основания досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации)». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/829642-6> (дата обращения: 08.10.2019).

Законопроект № 106121-7 от 20.02.2017 «О внесении изменений в Федеральный закон “О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” и Федеральный закон “О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации” (по вопросу установления дополнительного основания досрочного прекращения полномочий члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации)». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/106121-7> (дата обращения: 08.10.2019).

Законопроект № 680572-7 от 03.04.2019 «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и статью 13.1 Федерального закона “О противодействии коррупции” (в части установления мер ответственности для депутатов представительных органов муниципальных образований, назначаемых за коррупционные правонарушения)». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/680572-7> (дата обращения: 14.10.2019).

Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года “О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 9. Ст. 828.

Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 года № 21-П «По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года “О порядке отзыва депутата Московской областной Думы” в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации город Москва 24 декабря 1996 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 348.

Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2002 года № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 16. Ст. 1601.

Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 года № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона “О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 1. Ст. 78.

Закон Республики Дагестан от 30 мая 2016 года № 44 «О внесении изменений в Закон Республики Дагестан “О статусе депутата Народного Собрания Республики Дагестан”» // Дагестанская правда. 2016. 8 дек.

Постановление Народного Собрания Республики Дагестан от 25.10.2018 № 615 «О досрочном прекращении полномочий депутата Народного Собрания

Республики Дагестан Махачева М.А.». URL: http://nsrd.ru/storage/doc/postan_nsrд_n615_25102018_27s.rtf (дата обращения: 03.06.2020).

Закон України від 3 вересня 2019 року № 27-IX «Про внесення змін до статті 80 Конституції України (щодо недоторканності народних депутатів України)» // Відомості Верховної Ради (ВВР). 2019. № 38. Ст. 160.

Закон України від 16 жовтня 2019 року № 196-IX «Про внесення змін до Закону України «Про статус народного депутата України» та до Регламенту Верховної Ради України щодо припинення відшкодування народному депутату України витрат, пов'язаних з виконанням депутатських повноважень, у разі пропуску без поважних причин пленарних засідань Верховної Ради України або засідань комітетів Верховної Ради України» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2019. № 50. Ст. 355.

Amendment XXVII (The Twenty-seventh Amendment to the United States Constitution) // Congressional Record of the 102nd Congress. 1992. Vol. 138, pt. 9, May 19. P. 11656.

Constitution passed by the Cortes Generales in plenary meetings of the Congress of Deputies and the Senate held on October 31, 1978. Ratified by referendum of the Spanish People on December 7, 1978. Sanctioned by his majesty the King before the Cortes Generales on December 27, 1978 // Boletín Oficial del Estado. 1978. № 311, December 29.

Cordova v. Italy (No. 2) (no. 45649/99), 30 January 2003 ECtHR. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-60914&filename=001-60914.pdf> (дата обращения: 18.04.2020).

Federal Constitutional Law of the Austria 1920. URL: http://ris.bka.gv.at/Dokumente/Erv/ERV_1930_1/ERV_1930_1.pdf (дата обращения: 18.04.2020).

Rules of Procedure of the European Parliament 2014. URL: http://europarl.europa.eu/doceo/document/RULES-9-2020-02-03-RULE-005_EN.html (дата обращения: 18.04.2020).

The Act concerning the election of the representatives of the Assembly by direct universal suffrage 1976 // Official Journal of the European Union, L 278. 1976, October 8. P. 5.

The Bill of Rights 1689: An Act declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. URL: https://avalon.law.yale.edu/17th_century/england.asp (дата обращения: 18.04.2020).

The Constitution for the United States of America, 1787. URL: http://senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm (дата обращения: 18.04.2020).

The Constitution of France, 1958. URL: http://conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/constiution_anglais_oct2009.pdf (дата обращения: 18.04.2020).

The Portuguese Constitution. URL: <http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/conteudo/files/constituicaoingles.pdf> (дата обращения: 18.04.2020).

The Basic Law for the Federal Republic of Germany, 1949. URL: http://gesetze-im-internet.de/englisch_gg/index.html (дата обращения: 18.04.2020).

The Constitution of the Italian Republic, 1947. URL: http://senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf (дата обращения: 18.04.2020).

The Fundamental Law of Hungary. URL: http://kormany.hu/download/f/3e/61000/TheFundamentalLawofHungary_20180629_FIN.pdf (дата обращения: 18.04.2020).

The Universal Declaration of Human Rights. Adopted by the United Nations General Assembly at its third session on 10 December 1948 as Resolution 217. URL: http://ohchr.org/EN/UDHR/Documents/UDHR_Translations/eng.pdf (дата обращения: 18.04.2020).

Joint Opinion on the draft law “On introduction of changes and amendments to the Constitution” of the Kyrgyz Republic, adopted by the Venice Commission at its 103rd Plenary Session (Venice, 19–20 June 2015). URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2015\)014-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2015)014-e) (дата обращения: 18.04.2020).

Report on Democracy, Limitation of mandates and Incompatibility of political functions. Adopted by the Venice Commission at its 93rd Plenary Session (Venice, 14–15 December 2012). URL: [http://venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2012\)027rev-e](http://venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2012)027rev-e) (дата обращения: 10.10.2019).

Alexey S. Koshel, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: koshel.as@dvfu.ru

ORCID: 0000-0002-4517-8326

ResearcherID: N-4104-2013

SPIN-код: 7123-0605

Article received 27.02.2020, accepted 16.06.2020, available online 06.07.2020

LEGAL BASES AND PROCEDURE FOR EARLY TERMINATION OF MEMBERS OF PARLIAMENT

Abstract. The development paradigm of Russian parliamentarism, 2008 and 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation are directed towards expanding the power of the Russian parliament and the accountability of the executive branch to the supreme legislative body. In this regard, a logical question arises about strengthening the independence and autonomy (primarily from the executive branch) of the members of the Russian parliament (MP). However, instead of a logical increase in the independence of parliamentarians, recently Russia has introduced internal quasi-labor standards of parliament, which, on the contrary, puts MP under party control. In addition, the existing anti-corruption standards for controlling the openness of the income, expenses and property obligations of MP also have serious shortcomings in terms of the severity of sanctions – up to the early termination of MP.

The problem of legal reasons and the procedure for terminating the powers of a deputy of a representative authority is considered by the author comprehensively, taking into account the specifics of the status of a deputy. It should be noted that for the young Russian parliamentarism, the study of this procedure through the prism of the constitutional legal status of a deputy is of fundamental importance.

The article analyzes the judicial practice of the reasons for the termination of the deputy's powers, statistics on the application of anti-corruption legislation to deputies of representative authorities in 30 regions of the Federation from all Federal Districts of Russia. The author also explores new grounds for terminating the deputy's powers, including regarding the practice of attending parliament, and concludes that a number of the current legislation used by the law enforcer (parliamentary majority, courts, prosecutor's bodies) contradicts the tasks of legal regulation of the duties of MP, and doctrinally are not consistent with the model of a free mandate adopted in Russia in 1993.

Thus, the domestic legislator needs to decide whether he/she continues to follow the model of a free mandate enshrined in the current Russian Constitution, or whether it is time to return (as it was in the Soviet period) to a model of an imperative mandate. If the legislator decides to use the model of a free mandate, then the new liability

measures that are introduced into the legislation should be reviewed. If the legislator finally abandons the free mandate, which corresponds to a certain trend in world practice, then it is necessary to make appropriate point adjustments to the Russian Constitution, and provide for a procedure for recalling a deputy at the federal level; especially today in the context of growing digitalization, such a procedure can be done without damage conduct using electronic voting.

Keywords: parliament; member of parliament; MPs status; State Duma; Council of Federation; legislative body; deprivation of authority; party; faction.

For citation: Koshel A.S. *Osnovaniya i protsedura dosrochnogo prekrashcheniya polnomochiy deputatov* [Legal bases and procedure of early termination of members of parliament], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 127–155. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10205 (in Russ.).

References

Alimov E.V. *Imperativnyy mandat i konstitutsionnoe gosudarstvo: dialektika vzaimosvyazi* [Imperative mandate and constitutional state: dialectics of interconnection], *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2016, no. 3, pp. 39–43. (in Russ.).

Amendment XXVII (The Twenty-seventh Amendment to the United States Constitution), *Congressional Record of the 102nd Congress*, 1992, Vol. 138, pt. 9, May 19, p. 11656.

Anderson F.M. *The constitutions and other select documents illustrative of the history of France, 1789–1901*, Minneapolis, H.W. Wilson company, 1904, 671 p.

Avakian S.A. *Gosudarstvenno-pravovaya otvetstvennost'* [State legal responsibility], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1975, no. 10, pp. 16–24. (in Russ.).

Babkin S., Meleshenko A. *Itogi elektronnoy golosovaniya v Moskve podtverdili – za etim budushchee* [The results of electronic voting in Moscow confirmed - this is the future], *Rossiyskaya gazeta. Stolichnyy vyp.*, 2019, September 9, no. 201(7959). (in Russ.).

Belkin A.A. *Delo ob otzyve deputata* [The case of recall of a deputy], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 1997, no. 3 (218), pp. 24–33. (in Russ.).

Burke E. *Pravlenie, politika i obshchestvo : sbornik* [Board, Politics, and Society. Collection], Moscow, Kanon-press-Ts, 2001, 480 p. (in Russ.).

Cherepanov V.A. *K voprosu ob otzyve deputata zakonodatel'nogo (predstavitel'nogo) organa gosudarstvennoy vlasti sub»ekta Rossiyskoy Federatsii* [On the issue of recalling a deputy of the legislative (representative) body of state power of a subject of the Russian Federation], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2013, no. 5, pp. 41–44. (in Russ.).

Chmyga O.V. *Kategoriya «konstitutsionno-pravovoy status lits, izbrannykh v sostav parlamenta»: problema opredeleniya* [Category “constitutional legal status of persons elected to the parliament”: problem of determination], *Problemy upravleniya*, 2009, no. 4(33), pp. 257–260. (in Russ.).

Constitution passed by the Cortes Generales in plenary meetings of the Congress of Deputies and the Senate held on October 31, 1978. Ratified by referendum of the Spanish People on December 7, 1978. Sanctioned by his majesty the King before the Cortes Generales on December 27, 1978, *Boletin Oficial del Estado*, 1978, no. 311, December 29.

Cordova v. Italy (No. 2) (no. 45649/99), 30 January 2003 ECtHR, available at: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-60914&filename=001-60914.pdf> (accessed April 18, 2020).

Devyat'yarova A.I. *Realizatsiya regional'nykh parlamentami RF funktsii sotsial'no-politicheskogo predstavitel'stva (na primere regionov Zapadnoy Sibiri) : dis. ... kand. polit. nauk* [Implementation by the regional parliaments of the Russian Federation of the functions of socio-political representation (on the example of the regions of Western Siberia): Dissertation], Moscow, 2014, 233 p. (in Russ.).

Engelfeld V.V. *Kitayskiy parlament i parlamentarizm* [Chinese parliament and parliamentarism], *Izbrannyye trudy Yuridicheskogo fakul'teta v Kharbine*, Moscow, 2017, pp. 259-287. (in Russ.).

Federal Constitutional Law of the Austria 1920, available at: http://ris.bka.gv.at/Dokumente/ErV/ERV_1930_1/ERV_1930_1.pdf (accessed April 18, 2020).

Federal'nyy zakon ot 11 iyulya 2001 goda № 95-FZ «O politicheskikh partiyyakh» [Federal Law of July 11, 2001 No. 95-FZ "On Political Parties"], *Rossiyskaya gazeta*, 2001, July 14. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 12 maya 2009 goda № 94-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s povysheniem predstavitel'stva izbirateley v Gosudarstvennoy Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of May 12, 2009 No. 94-FZ "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with Increased Representation of Voters in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation"], *Rossiyskaya gazeta*, 2009, May 15. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 26 iyulya 2019 goda № 228-FZ «O vnesenii izmeneniy v stat'yu 40 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" i stat'yu 13.1 Federal'nogo zakona "O protivodeystvii korruptsii» [Federal Law of July 26, 2019 No. 228-FZ "On Amending Article 40 of the Federal Law "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" and Article 13.1 of the Federal Law "On Combating Corruption"], available at: <http://pravo.minjust.ru:8080/bigs/showDocument.html?id=E608A131-7C13-410F-8AC4-8EED593B3112> (accessed October 08, 2019). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 29 maya 2019 goda № 103-FZ «O provedenii eksperimenta po organizatsii i osushchestvleniyu distantsionnogo elektronnoy golosovaniya na vyborah deputatov Moskovskoy gorodskoy Dumy sed'mogo sozyva» [Federal Law dated May 29, 2019 No. 103-FZ "On conducting an experiment on organizing and implementing remote electronic voting in elections of deputies of the Moscow City Duma of the seventh convocation"], available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905290064> (accessed October 08, 2019). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 3 maya 2016 goda № 140-FZ «O vnesenii izmeneniy v stat'yu 4 Federal'nogo zakona "O statuse chlena Soveta Federatsii i statuse deputata Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of May 3, 2016 No. 140-FZ "On Amendments to Article 4 of the Federal Law "On the Status of a Member of the Council of the Federation and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation"], *Rossiyskaya gazeta*, 2016, May 6. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 3 noyabrya 2015 goda № 303-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of November 3, 2015 No. 303-FZ "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation"], *Rossiyskaya gazeta*, 2015, November 6. (in Russ.).

Guseva M.A. *Aktual'nye problemy i mekhanizmy sovershenstvovaniya protsedury otzyva deputata Natsional'nogo Sobraniya Respubliki Belarus'* [Actual problems and mechanisms for improving the procedure for recalling a deputy of the National Assembly of the Republic of Belarus], *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, no. 4(124), pp. 57-60. (in Russ.).

Gushchin V.Z. *Osobennosti privilecheniya k administrativnoy otvetstvennosti chlenov Soveta Federatsii, deputatov Gosudarstvennoy Dumy i osobennosti prezidentskogo immuniteta ot privilecheniya k administrativnoy otvetstvennosti* [Features of bringing to administrative responsibility members of the Council of the Federation, deputies of the State Duma and features of presidential immunity from bringing to administrative responsibility], *Sovremennoe pravo*, 2013, no. 8, pp. 21–23. (in Russ.).

Jennings G.H. *An anecdotal history of British Parliament from the earliest periods to the present time*, London, 1880, 530 p.

Joint Opinion on the draft law “On introduction of changes and amendments to the Constitution” of the Kyrgyz Republic, adopted by the Venice Commission at its 103rd Plenary Session (Venice, 19–20 June 2015), available at: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2015\)014-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2015)014-e) (accessed April 18, 2020).

Karasev A.T. *Deputat v sisteme predstavitel'noy vlasti: konstitutsionno-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Deputy in the system of representative power: constitutional and legal research: Abstr. of diss.], Yekaterinburg, 2009, 55 p. (in Russ.).

Karp J. Members of parliament and representation, *J. Vowles, P. Aimer, J. Karp, S. Banducci, R. Miller and A. Sullivan (eds.), Proportional Representation on Trial: The 1999 Election in New Zealand and the Fate of MMP*, Auckland, Auckland Univ. Press, 2002, pp. 130–145.

Konovalova L.G. *Institut otzyva deputatov v zarubezhnykh stranakh: normativnoe zakreplenie i praktika realizatsii* [The Institute of recall of deputies in foreign countries: normative consolidation and implementation practice], *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo*, 2011, vol. 2, pp. 28–31. (in Russ.).

Kotok V.F. *Nakazy izbirateley v sotsialisticheskom gosudarstve : (Imperativnyy mandat)* [Voting orders in a socialist state (imperative mandate)], Moscow, Nauka, 1967, 135 p. (in Russ.).

Krasnov M.A. *O dosrochnom prekrashchenii polnomochiy narodnogo deputata SSSR* [About the early termination of powers of the people's deputy of the USSR], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1989, no. 11, pp. 86–87. (in Russ.).

Krivoshapko Yu. *Minkomsvyaz': chislo pol'zovateley gosuslug prevysilo 100 millionov* [Ministry of Communications: the number of public services users exceeded 100 million], *Rossiyskaya gazeta*, 2019, December 26. (in Russ.).

Kulikov V.V. *Mesto i rol' partiynykh fraktsiy v parlamentakh stran Zapada: sravnitel'nyy analiz* [Place and role of party factions in the parliaments of Western countries: a comparative analysis], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya*, 2006, no. 2, pp. 193–196. (in Russ.).

Kutafin O.E. *Populyarnyy spravochnik narodnogo deputata* [Popular reference book of a deputy], Moscow, Znanie, 1980, 222 p. (in Russ.).

Lucenko S.I. *Zapros na institut otzyva deputata* [Request for the institution of recall of a deputy], *Gosudarstvo i pravo*, 2017, no. 9, pp. 101–104. (in Russ.).

Markvart E. *Rol' nemetskogo Bundesrata kak institutsional'nogo mekhanizma ucheta interesov territoriy* [The role of the German Bundesrat as an institutional mechanism for taking into account the interests of territories], *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2014, vol. 7, no. 5, pp. 70–77. (in Russ.).

Mill J.S. *Avtobiografiya Dzhona Styuarta Millya* [An autobiography of John Stuart Mill], St. Petersburg, Tip. V. Tushnova, 1874, 332 p. (in Russ.).

Nasrawin L. The Fiduciary Role of Members of Parliament and Ministers, *ICL Journal*, 2016, vol. 10, iss. 1, pp. 99–107.

Nemtoi G., Nesteriuc O. The Status of the Member of Parliament in Relationship with the Legal and Ethical Norms, *European Journal of Law and Public Administration*, 2019, vol. 6, iss. 2, pp. 245-253.

Ozarow D. The unrepresentative house: The inconvenient truth about members of parliament, *Human Resource Management International Digest*, 2015, vol. 23, no. 5, pp. 12-15.

Paine T. *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works], Moscow, Izdatelstvo AN SSSR, 1959, 422 p. (in Russ.).

Pargacheva I.P. *Institut parlamentskogo immuniteta v Rossii i zarubezhnykh stranakh (sotsiologicheskii aspekt)* [Institute of parliamentary immunity in Russia and foreign countries (sociological aspect)], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2011, no. 631, pp. 128-138. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 12 aprelya 2002 goda № 9-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy statey 13 i 14 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub»ektov Rossiyskoy Federatsii" v svyazi s zhaloboy grazhdanina A.P. Bykova, a takzhe zaprosami Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i Zakonodatel'nogo Sobraniya Krasnoyarskogo kraya» [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 12, 2002 No. 9-P "On the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Articles 13 and 14 of the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen A.P. Bykov, as well as the requests of the Supreme Court of the Russian Federation and the Legislative Assembly of the Krasnoyarsk Territory"], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 16, art. 1601. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20 fevralya 1996 goda № 5-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chastey pervoy i vtoroy stat'i 18, stat'i 19 i chasti vtoroy stat'i 20 Federal'nogo zakona ot 8 maya 1994 goda "O statuse deputata Soveta Federatsii i statuse deputata Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii"» [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 20, 1996 No. 5-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of the first and second articles of article 18, article 19 and the second part of article 20 of the Federal Law of May 8, 1994 "On the status of a deputy of the Federation Council and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation"], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, no. 9, art. 828. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24 dekabrya 1996 goda № 21-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti Zakona Moskovskoy oblasti ot 28 aprelya 1995 goda "O poryadke otzyva deputata Moskovskoy oblastnoy Dumy" v svyazi s zaprosom Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii gorod Moskva 24 dekabrya 1996 goda» [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 24, 1996 No. 21-P "On the case of checking the constitutionality of the Law of the Moscow Region of April 28, 1995 "On the procedure for recalling a deputy of the Moscow Regional Duma" in connection with the request of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow December 24, 1996"], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1997, no. 2, art. 348. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 dekabrya 2012 goda № 34-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta «v» chasti pervoy i chasti pyatoy stat'i 4 Federal'nogo zakona "O statuse chlena Soveta Federatsii i statuse deputata Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii" v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy» [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 27, 2012 No. 34-P "On the case of verifying the constitutionality of the

provisions of paragraph «с» of part one and five of article 4 of the Federal Law “On the status of a member of the Federation Council and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation” in connection with with a request from a group of deputies of the State Duma”, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2013, no. 1, art. 78. (in Russ.).

Postanovlenie Narodnogo Sobraniya Respubliki Dagestan ot 25.10.2018 № 615 «O dosrochnom prekrashchenii polnomochiy deputata Narodnogo Sobraniya Respubliki Dagestan Makhacheva M.A.» [Resolution of the People's Assembly of the Republic of Dagestan dated October 25, 2018 No. 615 “On the Early Termination of Powers of a Deputy of the People's Assembly of the Republic of Dagestan Makhachev M.A.”], available at: http://nsrd.ru/storage/doc/postan_nsrd_n615_25102018_27s.rtf (accessed June 03, 2020). (in Russ.).

Rassokhin I. *Status chlena Parlamenta v Respublike Pol'sha* [Legal status of MPs in Poland], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2009, no. 4(25), pp. 18-21. (in Russ.).

Report on Democracy, Limitation of mandates and Incompatibility of political functions. Adopted by the Venice Commission at its 93rd Plenary Session (Venice, 14–15 December 2012), available at: [http://venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2012\)027rev-e](http://venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2012)027rev-e) (accessed October 10, 2019).

Rules of Procedure of the European Parliament 2014, available at: http://europarl.europa.eu/doceo/document/RULES-9-2020-02-03-RULE-005_EN.html (accessed April 18, 2020).

Salamatova M.S. *Otzyv deputata v Sovetskoj Rossii: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii* [Recall of a deputy in Soviet Russia: legislation and implementation practice], *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2017, no. 5, pp. 48-60. (in Russ.).

Seldon A., Ball S. *Conservative century : the Conservative Party since 1900*, Oxford, New York, Oxford Univ. Press, 2011, 842 p.

Sopeltseva N.S. *Ponyatie pravovogo immuniteta v Rossiyskoy Federatsii* [The concept of legal immunity in the Russian Federation], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serya 9. Pravo*, 2003, no. 2, pp. 22-28. (in Russ.).

Tarasyuk E.M. *Mandat parlamentariya v Respublike Belarus': teoriya i praktika* [The mandate of the parliamentarian in the Republic of Belarus: theory and practice], *Vesnik Kanstyutsyynaga Suda Respubliki Belarus'*, 2006, no. 3, pp. 96-102. (in Russ.).

The Act concerning the election of the representatives of the Assembly by direct universal suffrage 1976, *Official Journal of the European Union*, L 278, 1976, October 8, p. 5.

The Bill of Rights 1689: An Act declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown, available at: https://avalon.law.yale.edu/17th_century/england.asp (accessed April 18, 2020).

The Constitution for the United States of America, 1787, available at: http://senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm (accessed April 18, 2020).

The Constitution of France, 1958, available at: http://conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/constiution_anglais_oct2009.pdf (accessed April 18, 2020).

The Portuguese Constitution, available at: <http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/conteudo/files/constituicaoingles.pdf> (accessed April 18, 2020).

The Basic Law for the Federal Republic of Germany, 1949, available at: http://gesetze-im-internet.de/englisch_gg/index.html (accessed April 18, 2020).

The Constitution of the Italian Republic, 1947, available at: http://senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf (accessed April 18, 2020).

The Fundamental Law of Hungary, available at: http://kormany.hu/download/f/3e/61000/TheFundamentalLawofHungary_20180629_FIN.pdf (accessed April 18, 2020).

The Universal Declaration of Human Rights. Adopted by the United Nations General Assembly at its third session on 10 December 1948 as Resolution 217, available at: http://ohchr.org/EN/UDHR/Documents/UDHR_Translations/eng.pdf (accessed April 18, 2020).

Werner J.P. *The Very Federal House: The German Bundesrat, Senates: Bicameralism in the Contemporary World*, Ohio, Ohio State Univ., 1999, pp. 59-93.

Zakon Respubliki Dagestan ot 30 maya 2016 goda № 44 «O vnesenii izmeneniy v Zakon Respubliki Dagestan "O statute deputata Narodnogo Sobraniya Respubliki Dagestan"» [The Law of the Republic of Dagestan dated May 30, 2016 No. 44 "On Amending the Law of the Republic of Dagestan "On the Status of a Deputy of the National Assembly of the Republic of Dagestan"], *Dagestanskaya pravda*, 2016, December 8. (in Russ.).

Zakon Ukraïni vid 16 zhovtnya 2019 roku № 196-IX «Pro vnesennya zmin do Zakonu Ukraïni «Pro status narodnogo deputata Ukraïni» ta do Reglamentu Verkhovnoi Radi Ukraïni shchodo pripinennya vidshkoduvannya narodnomu deputatu Ukraïni vitrat, pov'yazanikh z vikonannyam deputats'kikh povnovazhen', u razi propusku bez povazhnikh prichin plenarnikh zasidan' Verkhovnoi Radi Ukraïni abo zasidan' komitetiv Verkhovnoi Radi Ukraïni» [The Law of Ukraine on June 16, 2019 No. 196-IX, "On introducing the Law of Ukraine on the Law of Ukraine "On the Status of a People's Deputy of Ukraine" and the Rules of Procedure of the Supreme Sake of Ukraine, reminds me of a second visit without a second visit. of the most important reasons for the plenary meetings of the Supreme Radi of Ukraine or the absence of committees of the Verkhovna Radi of Ukraine"], *Vidomosti Verkhovnoi Radi Ukraïni (VVR)*, 2019, no. 50, art. 355. (in Ukrain.).

Zakon Ukraïni vid 3 veresnya 2019 roku № 27-IX «Pro vnesennya zmin do statti 80 Konstitutsii Ukraïni (shchodo nedotorkannosti narodnikh deputativ Ukraïni)» [The Law of Ukraine on June 3, 2019 No. 27-IX "On the amendment of statute 80 of the Constitution of Ukraine (including the short-term membership of Ukrainian MPs)], *Vidomosti Verkhovnoi Radi (VVR)*, 2019, no. 38, art. 160. (in Ukrain.).

Zakonoproekt № 106121-7 ot 20.02.2017 «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O statute chlena Soveta Federatsii i statute deputata Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii" i Federal'nyy zakon "O poryadke formirovaniya Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii" (po voprosu ustanovleniya dopolnitel'nogo osnovaniya dosrochnogo prekrashcheniya polnomochiy chlena Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii)» [Bill No. 106121-7 of 02.20.2017 "On Amending the Federal Law "On the Status of a Member of the Council of the Federation and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" and the Federal Law "On the Procedure for Forming a Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation" (on establishing additional grounds for the early termination of powers of a member of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation)], available at: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/106121-7> (accessed October 08, 2019). (in Russ.).

Zakonoproekt № 680572-7 ot 03.04.2019 «O vnesenii izmeneniy v stat'yu 40 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" i stat'yu 13.1 Federal'nogo zakona "O protivodeystvii korruptsii" (v chasti ustanovleniya mer otvetstvennosti dlya deputatov predstavitel'nykh organov munitsipal'nykh obrazovaniy, naznachaemykh za korruptsionnye pravonarusheniya)» [Bill No. 680572-7 of 04/03/2019 "On Amending Article 40 of the Federal Law "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" and Article 13.1 of the Federal Law "On Combating Corruption" (regarding the establishment of liability measures for deputies of municipal representative bodies entities appointed for corruption offenses)], available at: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/680572-7> (accessed October 08, 2019). (in Russ.).

Zakonoproekt № 829642-6 ot 02.07.2015 «O vnesenii izmeneniy v stat'yu 4 Federal'nogo zakona "O statuse chlena Soveta Federatsii i statuse deputata Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii" (po voprosu ustanovleniya dopolnitel'nogo osnovaniya dosrochnogo prekrashcheniya polnomochiy deputata Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii)» [Bill No. 829642-6 of July 2, 2015, "On Amendments to Article 4 of the Federal Law "On the Status of a Member of the Council of the Federation and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" (on the establishment of an additional basis for the early termination of powers of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation)"], available at: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/829642-6> (accessed October 08, 2019). (in Russ.).

Zhukov A.D. (ed.) *Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii. Osnovnye itogi deyatel'nosti : Spravochnik. Ezhegodnik. 2016* [State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The main results of the activity. Directory. Yearbook], Moscow, Izdanie Gosudarstvennoy Dumy, 2017, 280 p. (in Russ.).

Sprengel M. Anti-corruption in Poland: legal and economic aspects. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10206 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 156–179.

УДК 334.354 (438)

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10206

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В ПОЛЬШЕ: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Мечислав Шпренгель

доктор экономических наук, профессор Университета им. А. Мицкевича,
г. Познань, Польша.

E-mail: sprengel@interia.pl

ORCID: 0000-0003-0341-8923

*Статья поступила 25.05.2020, принята к печати 02.06.2020,
доступна online 06.07.2020*

Статья посвящена правовым и экономическим аспектам противодействия коррупции в Польше. В ней проанализирована трансформация понимания коррупции в уголовном и социально-экономическом смысле со времен Польской Народной Республики до настоящего времени. Показана роль антикоррупционных институтов, в том числе Центрального антикоррупционного бюро, полиции, Агентства внутренней безопасности, пограничной службы, военной жандармерии и службы контрразведки. Автор подчеркивает эффективность деятельности Центрального антикоррупционного бюро. В статье уделяется значительное внимание формам коррупции в сфере экономики и методам ее превенции и противодействия. Коррупция в сфере экономики рассматривается в контексте конституционализации уголовного процесса и изменений, связанных с приватизацией. Автор акцентирует внимание на превенции коррупции и роли общественных организаций в этом. В статье имеется детальный анализ некоторых судебных решений по коррупционным делам. Оценивается масштаб коррупции в Польше и сделан вывод о значительном прогрессе в Польше со времен Польской народной республики, хотя, по мнению автора, такие сферы как строительство, компьютеризация публичной администрации, использование фондов Европейского Союза, оборона, здравоохранение, энергетика, охрана окружающей среды и сфера оказания услуг остаются подвержены риску коррупции.

Ключевые слова: противодействие коррупции, Польша, Центральное антикоррупционное бюро, право, экономика, превенция коррупции.

Definitions of corruption. There are several possible ways to define the phenomenon of *corruption* in substantive criminal law, which has to influence the analysis of *anti-corruption* practises in contemporary Poland this article is designed to present. A distinction here can be made between the *substantive*

(i.e. legal) and *socio-economic* notion of corruption, where the former is not sufficient for the article's purpose due to its too narrow and too precise interpretation of corruption, and the latter seems to be quite ambiguous. Consequently, *anti-corruption* should be introduced both in *legal* and *socio-economic* terms to reflect its entire nature. However, before the methods of counteracting the corruption are brought for discussion, the forms and examples of the phenomenon of corruption should be presented.

Nevertheless corruption is commonly reduced to *bribery*, it is a more complex phenomenon, e.g. it may also be a misappropriation of public property. In other words, when someone uses his or her position to meet another person's expectations and in return he or she receives undue benefits, we are dealing with corruption. This especially applies to public officials and those who administer the funds. Among the most common corrupt activities are bribery, the use of budgetary resources and public property for private purposes, payable protection, revenue trading, public procurement irregularities, repealing before duty, favoring, nepotism and cronyism¹.

According to the *Central Anti-Corruption Bureau* (the CBA) the essence of corruption consists 1) in the promise, proposition or transfer by any person, directly or indirectly, of any undue advantage to a person performing a public function for himself or for any other person, in exchange for an act or omission in the performance of his or her duties; in the request or acceptance by a person performing a public function, directly or indirectly, any undue advantage, for himself or for any other person; 2) vis-*either* public authority or authorities consisting in promising, proposing or giving, directly or indirectly, to the person in charge of the entity not included in the public finance sector or working in any capacity for such entity, any undue advantage, for itself or for the benefit of any other person, in return for an act or omission of an act; 3) to the authority or authorities of the public, consisting in the request or acceptance, directly or indirectly, by the person in charge of the entity not classified in the public finance sector or working in any capacity for such entity, any undue advantage or the acceptance of proposals or promises of such benefit to himself or for any other person in exchange for an act or omission (CBA 2015: 6).

Areas at risk of corruption are identified by the Centre for Public Opinion Research, according to which the crime in question occurs primarily among politicians and party activists, i.e. in the health service, in municipal, county and provincial offices; in courts and prosecutors; in central offices and ministries, in the Police; in state-owned companies, in private companies, in education and science, in banks (Siemaszko et al. 2012: 77).

With thirty professional groups having been analyzed, *doctors* and *sport referees* were rated as the most corrupt. Respectively, almost 70% and 60% of respondents considered corruption to be a common phenomenon among the representatives of these professions. The remaining professions were considered

¹ URL: <https://www.antykorupcja.gov.pl/ak/archiwum-mswia/poradnik-antykorupcyjny/co-to-jest-korupcja/63>

corrupt by less than a half of those having been surveyed. The least corrupt turned out to be *teachers* (only about 15% of respondents claimed they often engage in corrupt behavior), *academics* and *bank officials* (about 20% of indications). As to *journalists* and *clergy*, accepting bribes is a rare phenomenon. Bribery is common among *police officers* (48% of indications), less often *city guards* (41%), *customs officers* and *border guards* (39%) and the least often *prison guards* (32%). However, the lowest percent attributed to the last professional group is probably due to irregular contact of the respondents with its representatives (Siemaszko et al. 2012: 22).

The phenomenon of Corruption in Poland in the second half of the 20th century and in the early 21st century. The phenomenon of corruption in Poland has existed for a long time. It was already in the second half of the 1950s, when a report by the Supreme Audit Office revealed a fraud in connection with the performance of the official duties for which they were additionally paid, as for commissioned work. The superiors argued this in relation to the mobilization of public officials. Krzysztof Madej describes this phenomenon in the article *On the history of corruption in Poland*.

Another notorious case to be mentioned was the “meat scandal” in Szczecin, disclosed in 1960, where falsifications of invoices, demonstrating fictitious losses and the illegal sale of over 30 tons of meat occurred. One more example of abuse was the assessment of work of the directors in the Ministry of Internal Trade made in 1964. As a result of the evaluation of the Central Party Commission, it turned out that officials assisted in receiving scarce goods and also facilitated obtaining sick leave and arranging stays in sanatoriums. Against the background of the widespread corruption in The People's Republic of Poland, the Kodeks Karny was adopted on April 19, 1969. In chapter XXXII it refers to crimes against the activities of the state and social institutions. The Code has also included responsibility for active and passive corruption. These entries fall from Art. 239 to Art. 244. It is also said: “One is not punishable by anyone who has given or promised upon request to grant an official or other person a financial or personal advantage in connection with their work, if they notified the authority appointed to prosecute crime before this authority became aware of this or at the latest revealed the truth at the first hearing of criminal proceedings”¹.

Despite these legal and codicil regulations, the phenomenon of corruption was still present. Overt and legalized corruption in the People's Republic of Poland continued to function. Among others, housing reserves were created, the advantage of which was taken by central and local officers, it also included vouchers for cars. In the years 1979–1981 there was a prominent case regarding the Hortex executives accused of accepting bribes for their allocation of scarce goods. It turned out that the representatives of national councils wrongly imposed taxes on the private sector. In 1980 the Supreme Audit Office released the names of people who built villas from public money in the 1970s (Dobrzyński 2020).

¹ URL: <https://www.antykorupcja.gov.pl/ak/retrospekcje/retro/6329>, Korupcja-PRL-kodeks-karny-1969-roku

Since 1989 a huge process of economic transformation has been developing in Poland in accordance to political changes. The Polish economy has been significantly improving, with standard of living of advanced European economies being approached. The GDP growth rate reached 5% in 2018. Despite all this, the phenomenon of corruption is still common in Poland.

Corruption is a manifestation of criminal activity reported in all countries. This is confirmed by annual meetings on counteracting corruption in the European Union. In 2011, a forum *What is the best way to protect whistleblowers?* was held in Trier. Considerations on corruption are also present in the Polish discourse, with much attention devoted to working out ways to prevent and eliminate it (Fusiecki 2020). The burden of anti-corruption lies primarily on a country that has the right instruments to combat it. NGOs and academic centers are also involved in fighting corruption: non-governmental organizations primarily carry out tasks involving research showing the extent and mechanisms of corrupt behavior. The subject of preventing this pathology is of interest to the research centers that run a broad discourse on the disclosure, elimination and fight against corruption (Kępa 2012: 41).

Major changes took place in Poland in 1995 due to law enforcement authorities faced the dilemma of effective ways of combating organized crime, including corruption. The changes concerned the scope of the operational control and the use of technical measures to covertly obtain information, including information got through the Police and *Urząd Ochrony Państwa* (*Office of State Protection*, the UOP). It was a little strange that the rules were introduced only two years later, i.e. in 1997, by ordinance of the interior minister (*Zrządzenie ministra...* 1997). The new solution was that the Police and *Office of State Protection* (UOP) were statutorily equipped with the authority to secretly take over items originating in crime and forfeiture or whose manufacture, possession, transportation or trading them is prohibited as well as for controlled acceptance or giving property benefits.

On 17 February, 2002, the Upper House adopted an amendment to the Law on goods and services tax and excise duty. Another current change since 1 January, 2003 was the possibility of choosing a cash settlement method. These were mainly changes made mainly in respect of VAT. Due to the changes, the provisions of substantive criminal law have also changed. In 2003 provisions amending the Act (e.g. the Penal Code and some others colloquially known as the “anti-corruption novel”) came into force. This act amended over 20 provisions of criminal law and introduced several innovative solutions. New terms have also appeared: *controlled bribe*, *sham transaction* and the most commonly used *police provocation*. This term, *police provocation*, is in conflict with the Polish legal system, therefore, using this term to describe the method of controlled operational work of accepting or giving financial benefits is unacceptable. It is also said that perhaps it is about preventing a morally unacceptable situation, such as controlled acceptance or giving of a personal benefit in the form of a promise of satisfying erotic needs (Kobuszeński 2012: 208).

To sum up, it should be stated that in order to organize the entire sphere of operational activity of various departments it is necessary to 1) create a uniform model of powers and duties in a form of a legal act of a statutory rank regulating the operational work of all services, 2) set statutory boundaries for the so called controlled bribe.

Institutional factor in counteracting. The institutional arrangements in many countries tend to meet *the anti-corruption* standards imposed on them either by civil society or by commitments to international Conventions on the issue. It cannot be underestimated that anti-corruption strategies adopted or international agreements oblige the signatory state to set up a specialized anti-corruption agency. For example Poland is a signatory to the United Nations, and Art. 6 of the United Nations Convention against Corruption, adopted by the United Nations General Assembly of 31 October 2003¹, requires from Polish government the appropriate actions.

Among the institutions designed to counteract corruption, the leading role is played by the *Central Bureau of Corruption* (CBA) established on the basis of the Act of 9 June, 2006. CBA in this way realizes the provisions of the United Nations Convention against Corruption. However, CBA has little in common with the convention itself. It prosecutes crimes against the activities of state institutions and local government, the justice system, elections and referendum, public order, credibility of documents, property, trading, trading in money and securities. Poland also failed to meet its international obligations because an independent body has not been created. The direct subordination of the CBA to the prime minister appeared to be a tempt to use this service for “political games”.

The Central Anti-Corruption Bureau is a special service, established as a central government office, to combat corruption in public and economic spheres, in particular in state and local government institutions, and to combat activities that undermine the economic interests of the state. The CBA Office is led by the Head of the Central Anti-Corruption Bureau, as the central body of government administration, supervised by the Prime Minister. The Head of the CBA is appointed for a year term and dismissed by the President of the Council of Ministers, after consulting the President of the Republic of Poland, the College for Special Services and the Parliamentary Committee on Special Services.

However, departments for Fighting Corruption were created in provincial police headquarters in Poland. These departments implement their duties, although there is a lack of understanding of how the economy functions on the daily basis. This kind of knowledge is in need for large, comprehensive investigations to be made. Unfortunately, there has been a failure to comply with preventive measures in the institutional sense. In practice, it is a service that does the same tasks as the Departments to Fight Corruption or the Central Bureau of Investigation, but it is much more expensive while using controversial instruments, e.g. provocations by the police.

¹ Journal of Laws no 84, item 563.

The police must protect citizens' lives, health, property, public order and safety, initiate and organize activities aimed at preventing crimes and offenses, conduct proceedings in cases of corruption offenses, including those committed by own officers and employees.

The Internal Security Agency (ABW) should recognize, prevent and fight threats to the internal security of the state and its constitutional order, in particular to sovereignty and international position as well as state defense. It recognizes and prevents crimes including corruption of persons executing public functions.

The Border Guard (SG) runs, among others, proceedings in cases of crime-related corruption committed by its own officers and employees in connection with performing official duties as well as those committed by non-officers.

The Military Police (ŻW) perform tasks within their scope of responsibility, conduct proceedings related to corruption offenses.

The Military Counterintelligence Service (SKW) detects corruption offenses and prevents them if they may threaten the security of the Ministry of National Defense organizational units. The area that is most at risk of corruption appears to be *the services*. The biggest case was reported in the Police sector. The next group in order is *Border Guard, Service Prison and customs officers*. Corruption can also be seen in such places as communes, city and province offices (Bill, Wawrzusiszyn 2012: 119).

The reactivation of local government was one of the most of all important political decisions taken to transform the Republic of Poland. This is a model of a democratic and decentralized state. The administrative staff holds special responsibility for relations with clients. Negative information about the conduct of many presidents, district governors and mayors is of deep concern.

Corruption also occurs in the departments and bodies set up to prosecute it. In 2014, 369 police officers were charged, and four officers were charged with corruption. In 2014, the Military Gendarmerie opened 28 investigations into corruption offences in the military. 31 suspects were presented. Law enforcement, on the other hand, presented a total of 12 charges to 10 customs officers (CBA 2015: 32-35). Despite corrective action and minimizing the risk of criminal behavior, there are unfortunately cases of officers suspected of corruption. It should be noted, however, that this is the primal of all those working in the service.

Corruption can appear in every area of social life, especially there, where positive or negative decisions depend on arbitrary decisions of individuals settling the matter. Sometimes corrupt customs established in society are a factor destroying state structures. In extreme situations, an extended system of criminal behavior and dependencies can occur (Ustawa 2006: item 621).

The other institution is the government's plenipotentiary for the prevention program of Irregularities in Public Institutions. This function was created at the end of 2007. However, it does not play an important role. The next one is the Civic Rights Ombudsman who is expected to be more involved

in the subject of anti-corruption, e.g. getting to a doctor in hospital or protection against an employer. On the other hand, corruption offenses concern the following matters: avoiding liability for a crime or offense, arranging work, housing and enabling tobacco smuggling.

As far as the punishment is concerned, imprisonment has been imposed in conditional suspension of its implementation. In addition to imprisonment, fines were also imposed. Were the indicated penalties effective then? Imprisonment is certainly severe, but it seems that a more severe dimension of punishment for this type of crime is depriving the perpetrators of "the fruit" obtained from the crime (Bill, Wawrzusiszyn: 120). Law enforcement agencies should secure crime-related property. The Anti-Corruption state policy is also ineffective due to the lack of explicit rulings that prohibit occupying a specific position or performing a specific profession. This prohibition is strictly observed only in the case of services or officials. Areas at risk of corruption are: administration, healthcare, courts, prosecutor's office and traffic centers (Bill, Wawrzusiszyn 2012: 120-121).

Corruption is sometimes well established in our social consciousness. In most cases it is not the official who suggest bribes, but clients who demoralize officials. Examples of the forms we can deal with are the following: 1) buying a bill (3 million American dollars), 2) a positive opinion of the building supervision inspector (100 000 Polish zlotys), 3) taking over a palace (8 million Polish zlotys), 4) setting up a tender, pushing through the resolution of the city council or cutting down a tree (200 Polish zlotys) (Bill, Wawrzusiszyn 2012: 101).

Many factors are influential in the process of shaping the anti-corruption attitude. In addition to legal regulations and penalties, it is important to influence internal motivation (and therefore, religious motivation). One of the basic mechanisms supporting legal provisions in the fight against various pathologies are sets of ethical principles that take on the form of a code. Each code of ethics is a substitute for the law because it is fortified by appropriate sanctions, and not at all moral, but service, disciplinary and regulatory ones (Majer 2012: 53).

Economic corruption. The issue of corruption in the sphere of economics is very important. One can think that a democratic system based on a free market will not cause corruption events in the economic sector, however, this turn out to be a hasty conclusion. The multiplicity of entities in the free market system affects the widespread competition for acquiring customers. The competition is not always fair, then the phenomenon of economic corruption in the private sector appears. Corruptive behavior include bribery of the entrepreneur's staff, which can become an active corruption factor. The phenomenon of corruption in the economic sector is manifested in various forms, from practices undertaken to maintain the entity on the market through elimination and limitation of competition up, to acquiring new customers through corrupt actions.

That is why economic corruption seems to be a serious problem for the development of the economy in general. It is the reason why informal sectors

emerge in developing states' economies. The dependencies caused by corruption can limit the growth of enterprises and companies forced to operate in the grey economy. Companies operating in the informal zone must consciously reduce expansion to reduce the attraction of unnecessary attention. Enterprises operating in the informal sector are generally smaller and operate on lower level than others. Corruption seems to be greater in small businesses due to ease of prosperity in the grey economy (Starzyński 2010: 81). A common phenomenon of corruption in business is demonstrated by, e.g. a study by Ernst & Young in 2012, in which 60% of respondents indicated that corruption is widespread in their country, and 84% said that bribery is common in the industries they represent as the method used to obtain contracts (O krok dalej... 2012: 17). The analysis of respondents show that the vast majority of entrepreneurs are in favor of applying corrupt practices. They consider the offering of entertainment to acquire business relationships as the most common form. The vast majority of companies in Europe emphasizes that the practices listed below lead to corruption: close links between politics and business, favoring specific companies, distorting competition business and preferring family and friends in business (Bill, Wawrzusiszyn 2012: 84).

Regarding economic corruption, it should be noted in the light of the law that there are United Nations regulations, European regulations and Polish legislation. Poland's efforts to join the European Union have led to the ratification of many legal solutions. In 2003 the introduction of the provision of art. 296 that penalized corruption crime in trade business trade is about economic corruption. Introducing the discussed regulation leads to covering all manifestations of corruption in business trading. Accepting financial benefits in connection with managing the entrepreneur's property should lead to an increase in penalty based on this provision by an individually specified entity.

The criminal behavior of the perpetrator of passive corruption in the private sector consists of accepting financial or personal benefit or its promise in exchange for proceedings that may cause material damage or dishonest competition, or for an unacceptable preferential act for the buyer or the recipient of goods, services or benefits. Acceptance of financial gain consists in taking it over in actual possession and obtaining access to it. The property benefits include money, the purchase of a given asset at a discounted price or also adopting an abnormally low interest rate (Bill, Wawrzusiszyn 2012: 104-105).

The penal code in art. 296a & 5 or the so-called clause "no criminal record" was introduced to prevent and combat corruption (also in the private sector). The application of this convenience for the perpetrator of bribery in the economic corruption sector is possible if three conditions are met. First, the benefit or promise was accepted by a salesman. Secondly, the perpetrator of bribery notified the law enforcement authorities of the committed act before they obtained information justifying the suspicion of this crime. Thirdly, the perpetrator disclosed all circumstances of the corruption incident. The limiting factor may be the fact of corruption events in the economic sphere related

to corporate crime, in which economic actors may consider corruption to be an indispensable element of the strategy and also use the collusion of silence between the perpetrators.

The register of corruption cases shows an interesting summary of committed acts of the economic corruption in different regions of Poland in 2013. The number of corruption episodes in each region is determined by the level of its individual economic development. A significant number of operators increase the number of contacts between companies, however, despite the significant economic development of some regions, such events did not happen in voivodeships such as *Mazowieckie* or *Greater Poland*.

Another interesting feature of corruption is the number of people convicted of an act of business corruption. The convicted persons should be divided into those who are convicted at first instance and those legally convicted (Bill 2015: 115). As a result of data analysis, it turns out that the judgments in the first instance do not coincide with a final conviction. Such a difference can be clearly seen in 2011, when 31 first instance cases were recorded and finally only 11 people were sentenced. On the basis of these considerations there is the question of what system of criminal sanctions would be an effective means for reducing corruption? Deprivation of freedom is surely a painful punishment. Based on the judgments applied in Poland, it can be emphasized that depriving of freedom is applied with a conditional suspension. The courts believe that this phenomenon is moderately harmful. The penalties used are judgments against perpetrators in the form of prohibition penalties regarding conducting a business, forfeiture of benefits obtained in connection with the act and disclosing information to the public about the use of corrupt practices threatening fair competition on the free market by the specified entrepreneur.

Finally, the data provided by the police is important because that is the service that deals with most cases related to corruption in the economic sector. A cursory data analysis already indicates that 2007 was a period of extraordinary dynamics to initiate preparatory proceedings on economic corruption in the years 2009–2013. Data provided by the Prosecutor General's Office regarding economic crime explain the complicated structure of this type of cases. A preventive measure was applied in the form of pre-trial detention and property sureties. Most cases have been conducted in recent years by District Prosecutor's Offices, to a lesser extent District and Appellate Prosecutors. The largest group reporting economic crime were physical persons. There were fewer notifications by legal entities and state institutions. The smallest number of notifications came from other bystanders.

However, the largest group of victims in cases of economic corruption are entrepreneurs, then are consumers and creditors. Most preparatory proceedings under the supervision of the prosecutor's office were led by the police, and to a lesser extent by the CBA. The statistical data suggests that the scale of corruption is not large across the country, but the number of crimes is still not fully reflected in the statistics. The conviction of businessmen about the correctness of corrupt practices, i.e. an effective mode of obtaining contracts does

not allow reliable recognition of the phenomenon. It is believed that if there is no public official, there is no corruption – and this is not the case.

The provisions of the Anti-Corruption Act have been violated in many cases by officials. CBA agents detected such irregularities, including in the *Lublin Voivodeship* and *Wielkopolska*. CBA agents carried out an audit of compliance with a member of the *Ryki district* Management Board on restricting business activity by persons discharging public functions. Such proceedings took place in 2010–2012. It was found that the man in the function of a member of the board of the county of *Ryki* was at the same time involved in the Supervisory Board of the Communal Peasant Self-Help Cooperative in Nowodworze, which broke the anti-corruption law. The CBA regulations were violated and a request was sent to the District Council in *Ryki* to dismiss this person from his position. The CBA agents also controlled the compliance with the provisions of this Act by the independent Director of Public Health Care Center in Gostyń. The proceedings covered the years 2008–2012. During the inspection, it was found that the Director was also conducting business activity and hence violated the provisions of the Anti-Corruption Act. This is why the CBA office addressed the request to the District Management Board in Gostyń in order to dismiss the Director from the position held (Dobrzyński 2020).

On the other hand, corruption in the private sector has different sides and is committed in many areas of business. Therefore, it is worth mentioning some interesting cases of corrupt behavior in the private sector. One of them is an example of scrap trading. An employee who was a foreman and a controller of quality scrap metal made an agreement with other employees of the enterprise in which they worked. Numerous crimes against the firm's property were committed at this establishment. The crime consisted of certifying untruth in documentation related to qualitative acceptance of scrap metal. The person committing the crime had an impact on making decisions related to the company's operations, i.e. issuing documents confirming the receipt of scrap metal, and hence giving a reason to pay for the delivered goods. 14 people were involved in this practice. This resulted in the disposition of the company's property, which resulted in losses of at least over 7 million zlotys. The main organizer of this deal received at least 180 thousand PLN from the scrap supplier for two and a half years in exchange for certifying untruth in documents regarding the declared quality of scrap metal. The entrepreneur provided 360 car transports with contaminated scrap metal. This person was accused of directing an organized crime group and for accepting property benefits related to economic turnover, which caused considerable material damage to the company in which he was hired. The example shows that corruption in the private sector has long ago extended outside the area of small business.

The prevention and counteracting economic corruption. This task is mainly addressed to the state organs that guard public order in a democratic state, but non-governmental organizations can also help. It is also important if private institutions take part in the process of implementation of ethic codes related to the prevention of corruption. As far as the state authorities are concerned, the so-called 'anti-corruption' strategies have been announced in the

fight against economic corruption. One of them was an anti-corruption strategy for 2002 to 2004.

State strategies include the anti-corruption strategy in 2002–2004 and 2005–2009, provided for detecting corruption offences through implementing effective anti-corruption mechanisms in public administration, raising public awareness and promoting ethical practices¹. There are also public benefit organizations and well-known non-governmental organizations, such as *Stefan Batory Foundation*, *the Institute of Public Affairs Foundation*, *Association “Stop Corruption”*, *Institute Kościuszki*, *Institute for Private Enterprise and Democracy*, *The Center of Citizenship Education*. One of them, e.g. *Stefan Batory Foundation*, is an entity founded in 1988 by George Soros, an American financier, with the support of the Polish democratic opposition of the 1980s. The foundation's task is improving the quality of Polish democracy, strengthening the role of civic institutions in the public life².

Education can also make contribution into counteracting corruption. Science appears to be the basic aspect of a new quality transformation in social life and the sphere of production. Anti-corruption education should be ultimately implemented in all teaching stages, starting from elementary school and ending with third degree studies.

According to respondents, the most common reason for giving bribes is the desire to avoid a fine. The amounts of fines are relatively high and in addition to the penalty payment, the driver also receives penalty points. Giving a bribe is therefore often “cheaper”. It is not surprising, that this reason came first in the ranking. It is most often indicated by men (46%); people aged 20-29 (56%), people with basic vocational or secondary education (45%), villagers (46%) and declaring that they are successful or very successful (49%). Slightly less (38%) is indicated that they have been willing to speed up the handling of the case, which indirectly demonstrates the inefficient functioning of the administration. This is most common reason for women (40%), respondents aged 15-19 (55%), who assessed that they were successful or not very successful (40%), living in cities up to 20 000 years old (45%), and respondents from the *Katowice* and *Wielkopolska* regions (47 and 46% respectively). Although the studies do not formulated *expressis verbis* what type of fine it is, as it can be issued by staff and inspectors of different services, it can be assumed that respondents most often had a fine for traffic offences.

One out of three respondents referred to the financial benefits obtained by the bribe. It can be assumed that frequent irregularities in the conduct of tenders or public procurement, which are widely reported by the media, as well as the observation of their own environment, prompted a relatively large percentage of respondents to such a choice. It is surprising that the need to save health or life as a reason for giving a bribe was only in the fourth place (29% of respondents). It is worth noting that almost one out of five expressed the opinion that giving a bribe is a socially entrenched moral.

¹ URL: <http://www.wyborcza.pl/1,75398,7180928>

² URL: <http://www.wroclaw.wyborcza.pl/wroclaw/1,35771,3004966.html>

Two reasons were by far the least. It points out that only one out of nine respondents expressed it was officials or officers who enforce bribes. One out of ten respondents, on the other hand, considered giving a bribe could be an expression of gratitude for a good job or service. The respondents were asked about the three most effective ways they felt to fight corruption. Listed according to the importance they are: 1) harsh punishment of those involved in corruption, 2) the creation of better laws and 3) increased internal control (Siemaszko et al. 2012: 30-31).

Constitutionalization context of Polish criminal proceedings. The process of development of the democracy is contingent nowadays upon the verifying every single step to the patterns under the Convention for the Protection of Human and Fundamental Rights and Fundamental Freedoms. This is the principle of a fair criminal process expressed in art. 6 ECHR (Convention on Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms). In the context of constitutionalization of the Polish criminal proceedings, each regulation requires a test of the compliance with the principle expressed in art. 45 of the Polish Constitution of April 2, 1997. The fundamental directive addressed to the legislator should be in compliance with the principle of good legislation and the rule of law in creating abstract standards. This especially pertains to norms of repressive law. Departing from things related to the very concept of *reliable criminal trial*, it should be noted that a criminal trial can be fair and equitable procedurally *in abstracto*, as well as *in concreto*. Fair criminal trial, fair procedural *in concreto*, and therefore specific criminal proceedings, should be characterized by reliability.

Determining whether the criminal trial in abstracto and the criminal trial *in concreto* bear hallmarks of reliability within the meaning of art. 6 ECHR and signs of procedural justice according to art. 45 of the Polish Constitution, it requires answering to two basic questions. The questions are how many issues related to the criminal trial are in the Polish Constitution, and how many acts of international law and how many references are in the Polish Constitution and international law in criminal proceedings. This reference point also refers to criminal law regulations (Starzyński 2010: 50).

Constitutional principles were once the subject of confrontation with substantive regulations and procedural law of the Central Office of June 9, 2006 Anti Corruption. Well, the Constitutional Tribunal by a judgment of June 23, 2009 criticized one of the basic regulations of this act. The compliance of the definition of legal corruption was disputed including the requirements of correct legislation specified in art. 2 of The Polish Constitution. Art. 1 (3) of the Act on the CBA has been questioned. The definition was the following: corruption is promising, proposing, giving, demanding, accepting through any person, directly or indirectly, of any undue advantage property, personal or other, for her or any other person, or accepting a proposal or promise of such benefits in return for an act or omission in the performance of a public function or in the course of business (Starzyński 2010: 42). The Constitutional Tribunal, however, found that the cited definition of legal corruption (in the extent that corruption is considered to be a conduct in the private sector of any person who does not perform a public

function) is contradictory and does not constitute a constitutional or codex premise. Therefore, a lack of socially harmful reciprocal features within the private sector is tantamount to no harm (Starzyński 2010: 43).

Economic activity under the protection of Art. 22 of the Polish Constitution is related to shaping contractual relations and refers to the activity of private entities, it does not include persons discharging public functions. These behaviors can be limited only because of important public interest and only by statute but with taking into account constitutional freedoms and rights referred to in Art. 31 sec. 3 of the Polish Constitution. The Constitutional Tribunal also drew attention to the principle of proportionality, i.e. the real need to interfere in a particular case in the scope of law or freedom of the individual. The Constitutional Tribunal reasonably considered that the act challenged by the applicant, Art. 1 para. 3 on the CBA, in the scope of which corruption in the private sector covers non-public officials, should be narrowed down using the premises of “socially harmful reciprocity” and is not in accordance with Art. 2 and Art. 31 para. 3 of the Constitution. In this case, The Constitutional Tribunal shared the position of the general prosecutor in recognizing that the legal definition of corruption (Uchwała Nr 207, 2017: p. 2) is unreasonably extended (Judgment of the Constitutional Tribunal K 54/07, 2009: item 86). It is also stated that the legislator may not apply unclear wording of the provisions and leave it to the authorities that apply them with excessive freedom (Judgment of the Constitutional Tribunal K 33/00, 2001).

At the end of this thread, it should be emphasized that a lot of space in the international legislation is devoted to depriving the corruption perpetrators from their property benefits. United Nations Convention against corruption obliges in art. 31 of its signatories to take the measures necessary for declaring the forfeiture of proceeds from corruption offenses. In this spirit, the disposition of Art. 12 of the United Nations Convention against International organized crime obliges to establish signatory countries of legal instruments in national legal orders. That enables forfeiture of proceeds from offenses falling within the scope of the Convention, and therefore also offenses of corruption nature. The European criminal policy also shows activity in this respect. the Council of the European Union has stated that all member states are to have effective regulations regarding the confiscation of benefits from the crime.

As for Poland, the concept of confiscating property is negative, which results from the list of envisaged regulations that predicted obligatory ordering of an additional penalty in the form of confiscating property belonging to the perpetrator at the time of issuing a judgment, even if it is not final. It concerned all or part of the property in the event of a conviction for a crime against essential political interests or the economic policy of the Polish People's Republic.

In Poland, there is a fundamental difference between confiscation of property and forfeiture of property. The property benefits remaining in connection with the committed offense are lost (Kulesza, Starzyński 2008: 35-36). Confiscation, as defined is a penalty or measure ordered by a court resulting in the final deprivation of property as a result of proceedings concerning a crime or offenses.

Practical aspects of selected procedural steps in corruption cases. The process of detecting in corruption proceedings, despite many common features, significantly deviates from the traditionally adopted methodology of actions in other criminal investigations. The individual nature of these proceedings is manifested primarily in the poor possibilities of evidence. Therefore, some properly carried out procedural steps from a corruption point of view can bring the best effect. It should be noted that all organizational units of law enforcement agencies dealing with the fight against corruption have the technical and financial possibilities to use advanced methods and means of operational work successfully used by e.g. the Central Anticorruption Office or Internal Security. However, separate cells operating at district and municipal police headquarters, that do not have such possibilities, also deal with anti-corruption. Policemen use material only obtained by trial (Żywica 2012: 220). This can be, e.g. questioning a person as a witness. In order to break up corruption arising on the grounds of the crime (the so called Solidarity of the perpetrators), the institution of “criminal record” of the perpetrator was introduced.

One of the conditions for applying the institution of “no criminal record” is the notification submitted before the authority found out about the crime. Another element may be preparing for the interview. There are the following sources available for the Police: *KSIP*, *CEL*, *REGON*, *CEPIK*, *OSADZONY i INTERNET*. It should be emphasized that a large source often neglected by officers is the Internet, where you can get interesting information about specific people from portals like *Our class* or *Facebook*.

Another practical element is starting the interview and specific methods. The method of revealing the relationship of the witness with the case, the method of persuasion, the method of creating a sense of security in the witness, the “omniscience” method and the method of specific questions.

Another important activity in the course of corruption proceedings is the search. Often, there is no direct evidence of a bribery crime, or e.g. a recording video or audio but there may be a reconstructed logical sequence of events and circumstances that involves motives and effects. The search should under no circumstances occur on the basis of a hope that “something will be found”.

The last important matter of the procedural steps that when properly carried out can be of great importance for proceedings in corruption cases, is the act of inspection, which is mainly a document inspection. The evidence may be indirect or direct. The next thing may be the examination of a mobile phone (mainly the content of the memory card, then the phone is passed on to the expert in the field computer science). The next test can be done on computers, hard disc and other media information. When viewing video or audio files, the standard protocol of visual inspection is not used, but only inspection and playback record.

The recordings of corruption offenses are very often of such poor quality that there is no possibility of reproducing their content in the protocol. In such cases, it is worthwhile using the services of forensic phonoscopy laboratories. Other sounds like opening doors should also be saved (Żywica 2012: 220). In this

procedure, the professionalism of the officers performing procedural activities at the stage of preparatory proceedings for corruption offenses is very important.

The scale of corruption in Poland. It is not possible to determine the scale of corruption in Poland due to many cases have never been disclosed. However, it is one of the most harmful social pathologies that occurs in all sectors of public life, generally leaving no easy-to-read traces. In trying to identify the scale of corruption, it is important to seek an objective assessment of the problem, which is extremely difficult and even incalculable. When examine the measures of counter-acting corruption provided by anti-corruption institutions, we got the information relating only to the criminal acts have been committed.

Transparency International foundation has started the project *Corruption Perception Index* (CPI), which is a study constructed along the lines of economic indices (Siemaszko et al. 2012: 86). In a 2009 survey New Zealand was ranked first, with a score of 9.4 points. Somalia (1.1), Afghanistan (1.3), Myanmar (1.4) and Sudan and Iraq (1.5) were the worst rated. As to Poland, it got a score of 5.0 points. Pointing out the perception of corruption in Poland, it should be mentioned that the result obtained in 2009 was the best since 2003, when Poland had been put on the 64th place. Actually, Poland has being included in the survey since 1996 and was then ranked 24th, 29th a year later. The following years brought Poland a decrease, which was recorded until the aforementioned 2003. As in 2009, New Zealand was named the least at risk of corruption, which this time shared the place with Denmark and Singapore. Poland in this study came in 41st place with a score of 5.3 points (Siemaszko et al. 2012: 87).

Anti-corruption goals and strategies. The states have a special issue in terms of reducing corruption in public and economic life, i.d. they should create governmental *anti-corruption strategies*. These programs should be constructed with the conclusions and observations of the research, as well as other projects being taken into account. It is worth using other programs, not only domestic ones. On 17 September, 2002 at the request of the Minister of Interior and Administration, the Council of Ministers adopted the Anti-Corruption Program, which was named *Anti-Corruption Strategy*. It was the first strategy for 2002–2004, a set of directional settlements and a set of actions that the government was to take in the fight against corruption.

An anti-corruption strategy in Poland in the years 2002–2004 was aimed at achieving three basic goals: 1) effective detection of corruption offenses, 2) implementation of effective mechanisms to fight corruption in public administration and 3) increasing public awareness, and promotion of ethical practices. The effective detection of corruption offenses depends on creating of a solid legislative base ensuring a coordinated criminalization of corrupt behavior. A very important element of the anti-corruption activities was the implementation of transparency of the administrative procedures and eliminating excessive discretion of an official. It was also considered necessary to inform the public about the scope of actions taken by the authorities to prevent and combat corruption. The next intention of the authors of this program was to present the areas of public activities that were susceptible to corruption

with a prevention proposal. These areas are: public procurement, civil service, privatization processes and management of Treasury property, administration of central level, justice and anti-corruption authorities, public health services and public finances (Siemaszko et al. 2012: 43).

On 25 January, 2005, the Council of Ministers adopted a government document prepared by the Minister of Interior and Administration “Anti-Corruption Program – Anti-Corruption Strategy – Second stage of implementation 2005–2009” (hereinafter referred to as *the Strategy*), providing for the implementation of a further package of legislative, organizational and educational and information measures, complemented by new areas of risk of corruption and tasks related to the monitoring of the effectiveness of actions. The Strategy has achieved four strategic objectives: 1) preventing corruption and implementing mechanisms to combat it effectively; 2) coordinating efforts to comply with anti-corruption laws; 3) reducing social tolerance for corruption by raising awareness and promoting appropriate best practices; 4) creating transparent and citizen-friendly public administration structures tailored to an open information society (Siemaszko et al. 2012: 44-45). Despite formally defining the overall objectives, the Strategy was a set of instrumental measures, but not global principles, set up by the government. As a result, key anti-corruption measures such as the establishment of CBA were implemented independently of the Strategy. (Siemaszko et al. 2012: 76) The actions having been taken during the implementation of anti-corruption twin projects have indicated that there is little public knowledge of the anti-corruption strategy itself and its results. It is therefore necessary to include in the next stage of the Strategy an information program which, at the same time, will provide the public with knowledge of corruption and mechanisms to counter it.

In 2009, the implementation of the Anti-Corruption Strategy Program, which has been conducted in the second stages since 2002, was completed. The Government Program is an essential element coordinating national anti-corruption policy. The Efficient State Strategy is a document setting out the basic conditions, objectives and directions of the state aimed at improving the efficiency of country governance, developing social activity, meeting citizens' expectations and their security, implemented through development programs in order to improve the state's efficiency as a system of institutions responsible for the management of the country's development (Rządowy programu... 2011).

The offences discussed in the “Map of Corruption” are the acts described in Art. 11 of the 228, 229, 230, 230a, 231 § 2, 250a, 296a, 296b1 and 305 of the Criminal Code¹; Joke. 46, 47 and 48 of the Law of 25 June 2010 on Sport² and Art. 54 of the Act of 12 May 2011 on the refund of medicines, foodstuffs for particular nutritional uses and medical devices³ (hereinafter referred to as *the Reimbursement Act*).

¹ Journal of Laws of 1997 No. 88, item 553, as amended.

² Journal of Laws of 2014, item 715.

³ Journal of Laws of 2015, item 345.

The databases of the *National Centre for Criminal Information*, which operates within the structures of the Police Headquarters (KGP), collect information on matters subject to operational and reconnaissance activities and investigations initiated or concluded. This includes data on the offences committed, information on the persons against whom proceedings are conducted, as well as objects used to commit crimes or lost in connection with crimes. The data presented relates to the registration of corruption offences in the *Krajowe Centrum Informacji Kryminalnych* (KCIK) i.e. National Crime Information Centre) by the Internal Security Agency, the Central Anti-Corruption Office, the Police, the Prosecutor's Office, the Border Guard and the Military Gendarmerie.

In 2014, 9,354 corruption offences were recorded, i.e. 39% less than a year earlier, as there were 15,405 such cases in 2013. The statistics on the corruption offences since 2007 is the following: 11,145 cases in 2007; 8,824 cases in 2008; 11,726 cases in 2009; 13,938 cases in 2010; 9,703 cases in 2011; 10,978 cases in 2012. The predominant number of registrations for example in 2012–2014 (89%) was done by the Police, a service with the widest range of powers. The increase was noticed by ABW, CBA and SG, while the decrease in the corruption offences number was noticed by other authorities, which was clear in the case of the Police (CBA 2015: 8).

The largest number of registrations concerns crimes committed in the *Silesian Voivodeship* (2,359) and then in *Lubusz* (2,005). In comparison, in 2013 the highest number of registrations was recorded in the *Silesian* (7,141) and *Mazowiecki* (1,572) provinces. The fewest registrations from 2014 concern crimes committed in the *Opole* (57) and *Warmia-Mazury* provinces (118), in 2013 in *Podlask* (87) and *Lubuskim* (140) (CBA 2015: 11).

The vast majority of suspected corruption offences are men. In police investigations, women accounted for nearly 16% of suspects (17% in 2013), 5% (7%), CBA accounted for more than 19% (22%) border guards – more than 11% (14%). Almost 70% of suspects are Polish citizens. Among the foreigners whose nationality have been established, the largest group still concerns the citizens of neighboring countries – Ukraine (0.6% of all suspects), Lithuania (0.4%) and Belarus (close to 0.4%) (CBA 2015: 20-21). Financial guarantees are the most commonly used preventive measure in corruption investigations. The use of pre-trial detention – the most repressive measure – has increased significantly in border guard proceedings, while it has fallen in cases conducted by the Police. In proceedings conducted by CBA and ABW, this figure remained at 2013 levels (CBA 2015: 22).

The most frequently recorded offences were: exceeding the powers or failure to fulfil obligations for the purpose of obtaining a financial or personal advantage (Article 231 § 2 kk), bribery (Article 229 kk) and official sale (Article 228 kk). Compared to 2013, there was a decrease in the number of registrations of corruption offences by almost 40%. The largest decrease relates to the offences described in Article 1(1)(b) of the Basic Regulation. 228 kk (more than 63%), while the number of registrations of offences under Article 231 (2) and Article 229 kk decreased by more than 20%. In 2014, local

elections were held in Poland. This was reflected in a marked increase in the number of registrations of offences identified as electoral corruption (Article 250a kk) (CBA 2015: 9).

In contrast, the latest data from 2018 show that the total number of registrations of corruption offences in the KCIK decreased compared to 2017. Only ABW and CBA have recorded more corruption offences than in 2017. The most frequently recorded offence in 2018 was a certificate of untruth for the purpose of obtaining a financial advantage (Article 271 § 3 kk), followed by official sales (Article 228 CC) and bribery (Article 229 CC) and exceeding of powers or failure to fulfil obligations in order to obtain a financial or personal advantage. Registrations of corruption offences were mostly made by the Police. A similar trend has persisted for years (CBA 2020: 8).

We also have a report on the office's website about the CBA's operations in 2016–2019. As a result, the following effects are the following: 823 initiated operational cases, 695 completed operational cases, 971 initiated preparatory proceedings, 734 completed preparatory proceedings, 2,812 suspects with 8790 pleas and 146 applications for controlled granting of property benefit. There is also data comparing the years 2012–2015 and the period from 2016 to 2019. Certainly, this division on the CBA website is not accidental as it compares the time when Platforma Obywatelska ruled in Poland during the first period, and since 2016, full rule has been exercised by *Prawo i Sprawiedliwość* (PIS), i.e. Law and Justice, all data show high growth dynamics. Regarding the scale of corruption in Poland, data collected from all services indicate that in 2015 Transparency International placed Poland at 30th place in the World Ranking (out of 168 countries).

In comparison with the 2012–2015 period, in 2016–2019 there was increase in the following categories: preventive measures by 138%, including pre-trial detention by 223%, value of the secured property by 743%, number of suspects by 31%, number of applications pursuant to Art. 17 of the Act on the CBA (operational control) by 72.5%, number of suspects by 31%, number of applications pursuant to Art. 17 Act on the CBA (controlled benefit distribution) by 170%. However, when it comes to the security of property from 2006 to 2019, in all proceedings the amount is PLN 1 billion 105 million. A clear increase occurred in the period from 2016 to 2019 in the amount of 900 million PLN. The list also indicates damage to the property of the Treasury or exposure to such damage in the amount of PLN 10 billion 374 million. Property benefits (or a promise of such benefits) in the amount of PLN 1 billion 107 million were also revealed. In addition, one can indicate the non-operational activities of the people employed at the CBA in the years 2016–2019 – on December 31, 2019 there were 1,360 employees¹.

In addition, it can be explained what it means to commit a crime of untruthful evidence in a document to gain material or personal benefits. Confirmation of untruth cannot be mistaken for forging a document (Partyka-Opiela, Krak 2016).

¹URL: <https://www.cba.gov.pl/pl/aktualnosci/4342,Wybrane-dane-dotyczace-dzialalnosci-CBA-w-latach-2012-2015-2016-2019.html>

Such crimes may be committed by an official or other person entitled to issue a document. For example, the authorized person may be a doctor, a person conducting blood tests for alcohol content or an academic teacher responsible for the satisfactory completion of a subject.

As part of discussing activities and cooperation in the fight against corruption, it should be emphasized that a meeting took place in Lithuania on 7th March 2020. It was a meeting of the heads of the agencies dealing with counter-acting corruption in Poland, Lithuania, Latvia and Estonia. The first such meeting took place in March 2019 in Tallinn, Estonia. Cooperation, current challenges and new combat solutions were discussed there¹.

Corruption high-profile cases in Poland. One of the most famous examples of corruption in Poland is the so-called “Rywin’s affair” or “Rywin’s scandal”. It was the first big scandal and a parliamentary committee was formed to investigate it. The case concerned a corruption proposal that Lion Rywin made to Adam Michnik in July 2002. It was a project to amend the law on radio and television.

The new regulations did not allow the simultaneous possession of a nationwide newspaper and television. The scandal broke out after a meeting between Lew Rywin and Adam Michnik, which was recorded by the editor-in-chief of *Gazeta Wyborcza*². Lew Rywin and his son were detained by the CBA in 2009 and were under arrest for six months. The former company producer, Lew Rywin, was eventually sentenced to 1.5 year of imprisonment and 36,000 PLN fine for corruption and falsifying medical records, which was supposed to help him reduce his sentence³.

Another case known in Poland was the one concerning the former president of Poland Aleksander Kwaśniewski and his wife. They were never interrogated or even accused. The whole thing seems to be set up by the CBA. In 2006–2009, the CBA was managed by the current coordinator of special services, named Mariusz Kamiński, who personally hated Kwasniewski and ordered to investigate the so-called “Kwaśniewski villa”. Kamiński’s associates had a problem how to legally qualify this case. This qualification is necessary because the purpose for the proceedings must be presented. The case gained momentum when Lt. Col. Krzysztof Waclawek appeared in the CBA. He worked at the CBA and then at the *Supreme Audit Office* (NIK), where he was the deputy director of delegations in Olsztyn and Bydgoszcz, he has also been the deputy head of the *Internal Security Agency* since 2015. When he appeared in the CBA regarding “Kwasniewski villa”, the case was codenamed “Krystyna”. Finally, despite all the doubts, the case was classified as a crime of “washing dirty money”. The case was taken over by the *Operational Investigation Board* and Tomasz Kaczmarek as “Agent Tomek”. It should be added that the previous

¹ URL: <http://www.cba.gov.pl/pl/aktualności/4356,Spotkanie-Szefow-Sluzb-zajmujacych-się-corruption-fighting-the-Polish-Lithuanian-Lotwy.html>

² URL: <http://www.wiadomosci.onet.pl/korupcja>

³ URL: <http://www.fakt.pl/wydarzenia/polityka/lew-rywin-skazany-na-15-roku-wiezienia-za-korupcje-i-falszowanie-dokumentacji/dm31045#slajd-1>

head of the *Central Anticorruption Bureau*, Piotr Pogonowski, resigned from work at the end of January 2020 due to the renewal of the Kwasniewski case as a result of the new testimonies of Tomasz Kaczmarek. The disagreement between Pogonowski and Kamiński is common knowledge. It is claimed that the reason for the dispute (in addition to the present case regarding the head of the *Supreme Audit Office* Marian Banasia) was the significantly increased budget of the *Central Anticorruption Bureau* while the ABW financing remained at the same level¹.

The case of the “Kwaśniewski villa” reappeared in 2008 in connection with revealing a recording of a conversation between Józef Oleksy and Alexander Gudzwat, in which Oleksy was to say about the “secret home of the Kwasniewski family”. According to *Gazeta Wyborcza*, the action was run by the agent “Tomek”. The CBA assumed that the house in Kazimierz Dolny is actually the property of the Kwasniewski family. Agent Tom pretended he wanted to buy a house in Poland and wanted to pay PLN 3 million for the property to the owner Marek Michałowski. It was decided to enter the amount of 1,5 million zlotys in the notarial deed and give the other non-disclosed part personally, suspecting that Michałowski will go with this money to the Kwasniewski family. After handing the money to Michałowski, the CBA stopped him and accused him of trying to avoid paying tax. The house in Kazimierz Dolny is formally owned by the CBA².

The Kwaśniewski case has been going on for a decade. In 2009, the CBA even prepared a provocation, but the whole action ended in a spectacular compromise for the services. The Kwaśniewski family never heard any accusations. The prosecutor's office told agent Tomek that he exceeded his powers and discontinued the investigation.

In 2020, the reportage TVN *Supervisor* has contributed to the renewed interest in this issue. After years, former CBA agent Tomek Kaczmarek “Tomek” complained on TVN24 to the head of the Ministry of Interior and Administration Mariusz Kamiński and the deputy head of the office Maciej Wąsik that he was allegedly persuaded by the highest CBA officers to craft evidence and make the impression that former president Kwasniewski entered into ownership of a villa in Kazimierz Dolny. Agent Tomek said: “I was supposed to create a conviction that the house in Kazimierz Dolny belongs to Jolanta and Aleksander Kwaśniewski. I personally did not have such a conviction, and my notes and the testimonies are the result of pressure from my ex superiors”³.

In response to his accusations, the CBA released materials on February 11, 2020 from the investigation. However, this were not all the materials from the investigation from the Regional Prosecutor's Office in Katowice. No one has been

¹ URL: <http://www.fakt.pl/wydarzenia/polityka/gazeta-wyborcza-o-rol-i-nowego-szefa-abw-krzysztofa-waclawka-ws-willi-kwasniewskich/njzgdv>

²URL:<http://www.kazimierzdolny.pl/news/cba-kupilo-w-kazmierzu-dom/8067.html>

³ URL: <http://www.polskieradio24.pl/5/1222/Artyul/2453517,Sprawa-tzw-willi-Kwasniewskich-w-Kazmierzu-Dolnym-CBA-udostepniono-materialy-ze-sledztwa>

charged so far, nor has the Kwaśniewski family been questioned. The prosecutor's office has dealt with the witness Tomasz Kaczmarek and his testimony from July 2009 to December 12, 2019. In February 2020 former President Aleksander Kwasniewski said on TVN24 that the presentation of CBA materials was selective.

Summary. In the period from the Polish People's Republic to the present times, corruption has been fiercely fought in Poland, to which constitutional and privatization changes has contributed much. To a large extent the plunder of public property remained inhibited. The disclosure of corruption matters in public and media space made citizens aware that such acts are reprehensible. It hindered cronyism and nepotism to some extent as well. People holding significant positions and well-paid offices do not want and do not even think about participating in such practices. A court order and losing their good name could damage their reputation and position for many years. It is not only about the rules of ethics, but a simple calculation shows it is not profitable. However, it is disturbing that sometimes political authorities are tempted to use the CBA office for their political plans (regarding opposition or “uncomfortable people”).

To sum things up, the position of Poland in the world rankings concerning corruption is not bad. The increase in detection dynamics shows a better operation of the CBA services, while the education of society and business ethics classes conducted at universities are still quite insignificant. As to the areas that are still at risk of corruption, they are infrastructure, public administration computerisation, the use of EU funds, the defense sector, health, energy, environmental protection and clerical corruption.

Научная редакция и подготовка текста –
Я.Ю. Моисеенко¹, В.В. Руденко².

Mieczyslaw Sprengel,

Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
E-mail: sprengel@interia.pl
ORCID: 0000-0003-0341-8923

Article received 25.05.2020, accepted 02.06.2020, available online 06.07.2020

ANTI-CORRUPTION IN POLAND: LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal and economic aspects of counteracting corruption in Poland; it monitors the transformation of how corruption has been interpreted in criminal and socio-economic senses from the times of Polish

¹ Моисеенко Ян Юрьевич, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН. E-mail: yan.moisseeko@mail.ru

² Руденко Валентина Викторовна, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН. E-mail: emikh.valentina@gmail.com

People's Republic to the present day. The role of anti-corruption institutions, including the Central Anti-Corruption Bureau (CBA), the Police, the Internal Security Agency, the Border Guard, the Military Gendarmerie and the Counterintelligence Service is also shown, with the efficiency of CBA activities being highlighted. The article pays attention to the variety of economic corruption forms and scrutinizes the methods of how corruption could be counteracted and prevented; the role of public organizations in this process should not be neglected. The concept of economic corruption is interpreted in the broad context of criminal legislation in Poland, and a detailed analysis of several court decisions on such corruption cases is presented. Having estimated the scale of corruption in Poland, the author concludes about significant progress in counteracting corruption from the time of Polish People's Republic to the present, although infrastructure, public administration computerisation, the use of European Union funds, the defence sector, health, energy, environmental protection and services are still at a high risk of being corrupted.

Keywords: anti-corruption; Poland; Central Anti-Corruption Bureau; law; economics; prevention of corruption.

For citation: Sprengel M. Anti-corruption in Poland: legal and economic aspects, *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 156–179. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10206.

References

Bill J. 2015. *Korupcja w (prywatnym) sektorze gospodarczym : Bezpieczeństwo ekonomiczne państwa* [Corruption in (private) economic sector: the economic security of State], Szczytno, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie, 238 p. (in Polish).

Bill J., Wawrzusiszyn A. 2012. *Spółeczno-prawne aspekty przeciwdziałania korupcji* [Socio-legal aspects of anti-corruption], Szczytno, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie, 325 p. (in Polish).

CBA 2015. *Mapa korupcji. Zwalczanie przestępczości korupcyjnej w Polsce w 2014 r.* [Corruption Map. Fighting corruption crime in Poland in 2014], Warsaw, Centralne Biuro Antykorupcyjne (CBA), Wydawnictwo Centrum Szkolenia Policji, 40 p. (in Polish).

CBA 2020. *Zwalczanie przestępczości korupcyjnej w Polsce, 2018* [Fighting corruption crime in Poland], Warsaw, Centralne Biuro Antykorupcyjne (CBA), 30 p. (in Polish).

Dobrzyński J. 2020. *Ustawa antykorupcyjna złamana* [Anti-corruption act was broken], available at: <http://www.antykorupcja.gov.pl/ak/komunikaty-cba/2521,Ustawa-antykorupcyjna-alamana.html> (accessed February 15, 2020). (in Polish).

Fusiecki J. 2020. *Antykorupcja sięgnęła zoo* [Anti-corruption has reached the zoo], available at: <http://www.warszawa.wyborcza.pl/warszawa/1,54420,2119225.html> (accessed March 20, 2020). (in Polish).

Judgment of the Constitutional Tribunal of 23 June 2009, K 54/07, *Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego Zbiór Urzędowy*, 2009, no. 6A, item 86.

Judgment of the Constitutional Tribunal of 30 October 2001, K 33/00, *Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego Zbiór Urzędowy*, 2001, no. 7, item 217

Kępa Z. 2012. *Biblia jako pomoc w kształtowaniu postawy antykorupcyjnej* [The Bible as an aid in shaping the anti-corruption attitude], *J. Bil, A. Wawrzusiszyn (eds.). Spółeczno-prawne aspekty przeciwdziałania korupcji*, Szczytno, Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie. (in Polish).

Kobuszewski G. 2012. *Uwarunkowania prawne instytucji kontrolowanego wręczenia lub przyjęcia korzyści materialnej* [Legal conditions of the institution of controlled giving or

acceptance of material benefits] *J. Bil, A. Wawrzusiszyn (eds.). Społeczno-prawne aspekty przeciwdziałania korupcji*, Szczytno, Wyższa szkoła policji w Szczytnie. (in Polish).

Kulesza C., Starzyński P. 2008. *Powrót konfiskaty mienia?* [Return of confiscation of property], *Prokuratura i Prawo*, 2008, no. 3, pp. 35-47. (in Polish).

Majer P. 2012. *Problem korupcji w kodeksach etycznych wybranych grup zawodowych* [The problem of corruption in ethical codes of selected professional groups], *J. Bil, A. Wawrzusiszyn (eds.). Społeczno-prawne aspekty przeciwdziałania korupcji*, Szczytno, Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie. (in Polish).

O krok dalej: miejsce na uczciwość w biznesie. 12 światowe badanie nadużyć gospodarczych [Step further: place for the business honesty. 12 world fraud research], Warsaw, Ernst & Young, 2012, 34 p. (in Polish).

Partyka-Opiela A., Krak K. 2016. *Korupcja w Polsce – jak z nią jest naprawdę. Dane CBA w Mapie Korupcji za 2015 rok* [Corruption in Poland – how it really is with it. CBA data in the 2015 Corruption Map], December 16, available at: <http://www.dzp.pl/blog/compliance/korupcja-polsce-nia-naprawde-dane-cba-mapie-korupcji-2015> (accessed March 01, 2020). (in Polish).

Rządowy programu przeciwdziałania korupcji na lata 2012–2016 [Assumptions of the governmental anti-corruption program for 2012–2016], Warsaw, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji, 2011, 34 p., available at: <https://www.antykorupcja.gov.pl/download/4/10373/RzadowyProgramPrzeciwdzialaniaKorupcjinatala2012-2016.pdf> (accessed March 3, 2020). (in Polish).

Siemaszko A., Gruszczyńska B., Marczewski M., Ostaszewski P. 2012. *Społeczna percepcja zagrożeń korupcyjnych w Polsce* [Social perception of corruption threats in Poland], *J. Kosiński, K. Krak, A. Koman (eds.). Korupcja i antykorupcja*, Warsaw, Centralne Biuro Antykorupcyjne. (in Polish).

Starzyński P. 2010. *Głos w dyskusji* [A voice in the discussion], *J. Skorupka, W. Jasiński (eds.). Rzetelny proces karny : materiały z konferencji naukowej. Trzebieiszowice, 17-19 września 2009*, Warszawa, Wolters Kluwer Polska. (in Polish).

Uchwała Nr 207 Rady Ministrów z dnia 19 grudnia 2017 r. “W sprawie Rządowego Programu Przeciwdziałania Korupcji na lata 2018–2020” [Resolution No 207 of the Council of Ministers of 19 December 2017 “On the government Anti-Corruption Program 2018–2020”], available at: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/mp-monitor-polski/rzadowy-program-przeciwdzialania-korupcji-na-lata-2018-2020-18671977> (accessed March 01, 2020). (in Polish).

Ustawa z 9 czerwca 2006 r. “O Centralnym Biurze Antykorupcyjnym”, tekst jednolity [Act of 9 June 2006 on the Central Anti-Corruption Bureau, consolidated text], *Dziennik Ustaw*, 2012, item. 621. (in Polish).

Zrządzenie ministra spraw wewnętrznych i administracji z dnia 15 września 1997 r. “W sprawie sposobu przeprowadzania i dokumentowania przez Policję czynności operacyjno-rozpoznawczych polegających na dokonaniu w sposób niejawnym nabycia lub przejęcia przedmiotów pochodzących z przestępstwa, ulegających przypadkowi albo których wytwarzanie, posiadanie, przewożenie lub którymi obrót q zabronione, a także przyjęciu lub wręczeniu korzyści majątkowej” [Ordinance of the minister of internal affairs and administration of 15 September 1997 On the manner of the Police conducting and documenting of operational reconnaissance activities consisting in accomplishment through implicit acquisition or seizure of items derived from a crime that are forfeited or whose manufacture, possession, transport or which trading is prohibited, as well as the acceptance or giving of a financial benefit], *Monitor Polski*, 1997, no. 68, art. 669, available at: <https://ru.scribd.com/document/54025730/Untitled> (accessed February 16, 2020). (in Polish).

Żywica J. 2012. *Praktyczne aspekty wybranych czynności procesowych w sprawach o korupcję* [Practical aspects of selected procedural steps in corruption cases], J. Bil, A. Wawrzusiszyn (eds.). *Społeczno-prawne aspekty przeciwdziałania korupcji*, Szczytno, Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie. (in Polish).

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 20

Выпуск 2

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 06.07.2020 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14,4 Уч.-изд. л. 13,6
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.